3 1761 04378 4438

Presented to the
LIBRARY *of the*
UNIVERSITY OF TORONTO
by

PROFESSOR REUEL WILSON

18.36.7.13/1

ПУТЕШЕСТВІЕ

въ

ПОЛУДЕННУЮ

РОССІЮ.

D'autres rapporteront des marbres, des médailles, des productions d' Histoire Naturelle: moi j'en rapporterai des sensations, des sentimens & des idées.

du Paty.

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде.

ВЪ ПИСЬМАХЪ,

изданныхъ

Владимиромъ Измайловымъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА, 1800.
ВЪ Университетской Типографіи,
у Ридигера и Клаудія.

ИЗ БИ: С.П.К. КОСИЦ КАГО

DK
25
I96
1800a
ch.1

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ хотѣлъ прежде всего видѣть свое отечество — видѣлъ прекраснѣйшую часть — и описалъ ее.

Семейство его, которому онъ сообщалъ въ письмахъ свои впечатлѣнія, препоручило намъ издать сіи письма.

Путешествіе Рускаго по Россіи, есть первое въ семъ родѣ. Но Авторъ писемъ чувствуетъ, что слабость его таланта не соотвѣтствовала важности и достоинству предмета.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ВЪ

ПОЛУДЕННУЮ РОССІЮ,

ВЪ 1799 ГОДУ,

ВЪ ПИСЬМАХЪ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

5 *Маія деревня И* * * *

Не безпокойтесь обо мнѣ.

Подъ отечественнымъ Небомъ странствую съ мирною душею. Иногда вечерній вѣтерокъ нанесетъ облако го-

Естьли сія первая часть удостоится того лестнаго одобренія, которое она имѣла щастіе заслужить при чтеніи въ нѣкоторыхъ кругахъ общества, отъ извѣстнѣйшихъ людей въ литтературѣ, то за нею послѣдуетъ и другая съ письмами о Крымѣ, о Кавказѣ, объ Астраханѣ, о Сарлинской или Сарелтской Колоніи, и проч. — — —

Но заботы жизни, отъ которыхъ и Писатели, и самые Философы не могутъ укрыться, не позволили и не позволятъ вѣроятно нашему Автору издать свое путешествіе такъ скоро, какъ бы желалъ, можетъ быть, онъ одинъ.

рести, тѣнь задумчивости; но съ утренней зарею показывается мнѣ новая заря счастія, и пѣсни утреннихъ птичекъ пробуждаютъ въ душѣ моей новое чувство спокойствія и радости. Такъ и буду пилигримствовать, утѣшаясь жизнію, наслаждаясь меланхолїей, наблюдая съ любопытствомъ и природу и человѣчество, и всѣ тѣ предметы, которыхъ воспоминанїе достойно остаться эпохой въ жизни мыслящаго и чувствительнаго существа.

Со мною два человѣка, добрые и простые, которыхъ привязанность замѣняетъ для меня дружбу; со мною Аглинская моя собачка, которая всегда покоится на рукахъ моихъ, услаждаетъ

мои потери, разсѣяваетъ мои прискорбія; со мною сердце мое, гдѣ живутъ надежда и воспоминаніе, гдѣ течетъ источникъ всѣхъ удовольствій.

Я обхаживаю пѣшкомъ всѣ любопытныя мѣста, заглядываю въ каждой уголокъ рощицы, гуляю, взбираюсь на горы, сбѣгаю въ долины, ищу раздѣлять со всею вселенною живость чувствъ моихъ, сообщаю людямъ моимъ каждое новое открытіе взора, обнимаю ихъ въ движеніи радости, и спрашиваю: Видите ли, какъ прекрасно льются струи сего прозрачнаго ручейка? Слышите ли, какъ сладко поетъ соловей? Чувствуете ли, какъ сердце томится отъ нѣжности?

Иногда удаляясь отъ большой дороги, укрываюсь подъ тѣнью лѣсочка съ людьми моими и съ моею ловъ. (*), которая всегда ложится у ногъ моихъ. Тамъ покоимся всѣ мы на мягкихъ коврахъ, разстилаемыхъ роскошной природой; вѣтерокъ прохлаждаетъ кровь, воспаленную жаромъ; свистъ птичекъ служитъ намъ музыкою, цвѣты питаютъ благоуханіемъ, и чувства нѣжатся. Какъ вкусна пища, когда отдохновеніе послѣ усталости пробуждаетъ аппетитъ! Какое пріятное теченіе мыслей, когда задумчивость овладѣетъ вдругъ всѣми моими чувствами! Какой сладкой

(*) Имя собачки, которое значитъ на Англійскомъ языкѣ: *любовь*.

покой, когда солнечной жарЪ, прохлаждаемой вѣперкомЪ, тихо склоняетЪ кЪ томному сну!

Иногда самдругЪ сЪ собачкою, которая всегда неразлучно жила со мною и бЪ скукѣ и горести, и въ нищетѣ и въ одиначествѣ; сЪ симЪ вѣрнымЪ товарищемЪ и защитникомЪ гуляю безопасно по деревнямЪ и селамЪ. Щастливое семейство, нѣжнолюбящаяся чета, пастушокЪ, которой на свирѣли поетЪ природѣ тайну души своей, хороводЪ сельскихЪ дѣвушекЪ, группы дѣтей, нѣжная улыбка, трогательной взглядЪ — ничто не укрывается отЪ моего вниманїя, и воспоминанїе сихЪ впечатлѣній слѣдуетЪ вездѣ за мною, утѣшаетЪ, радуетЪ меня. Мы

переглянемся иногда съ собачкою при встрѣчѣ какого нибудь пріятнаго предмета, и сердца наши (простите мнѣ сіе выраженіе!) раздѣлятъ свое чувство живѣе, нежели иные люди.

Иногда забывъ и природу и Югъ, и поля и рощи, думаю только о друзьяхъ моихъ — смотрю на часы отъ времени до времени, и говорю себѣ: теперь они просыпаются — теперь они гуляютъ — теперь они сидятъ въ кружку и разговариваютъ, можетъ быть, обо мнѣ. Я слушаю, вхожу въ разговоръ, и самъ разсказываю. Щастливая сила памяти и воображенія, которая переноситъ человѣка за неизмѣримыя отдаленности, и даетъ ему чувство-

вать радость свиданія въ нѣдрахъ самой разлуки!

Не знаю, какая тайная сила обольстила душу мою; но я не уступилъ бы ни за какіе вѣнцы славы, ни за какое торжество честолюбія тѣхъ мирныхъ дней, которые провожу подъ защитою Небеснаго крова, въ повиновеніи законодательной природѣ, въ одномъ шумномъ сообществѣ птичекъ. Чувства мои живы, впечатлѣнія глубоки, сердце свѣже. Надежды жизни моей столько разъ обманутыя, заботливыя попеченія о счастіи, шумныя суеты свѣта, бури страстей, несправедливость человѣческая, заблужденія, предразсудки, пороки! вы представляетесь мнѣ однимъ сновидѣніемъ, подобно какъ жи-

тейскія бури должны мечтаться счастливымъ въ вѣчности.

Не осуждайте невольныхъ восторговъ моихъ, невольнаго моего энтузіазма. Скоро отцвѣтетъ весна жизни моей, и тогда настанетъ угрюмое время истины. Пока оставьте меня наслаждаться тѣми свѣтлыми призраками, которые въ легкомъ туманѣ играютъ надъ долиною.

ПИСЬМО II.

Серпуховъ.

Сего дня пріѣхалъ я въ Серпуховъ. Объ семъ городѣ не имѣю ничего сказать вамъ. Въ немъ нѣтъ ничего достой-

наго взоровъ путешественника, ни мѣстныхъ украшеній, ни городскихъ монументовъ, ни Историческихъ достопамятностей.

Не нужно сказывать вамъ, что онъ былъ два раза разворенъ Литовцами подъ начальствомъ Олгердовича, былъ возобновленъ Царемъ Іоанномъ I, и видѣлъ въ стѣнахъ своихъ, во время Годунова, собраніе всѣхъ Россійскихъ войскъ.

Здѣсь нѣтъ ничего, достойнаго взоровъ путешественника, но есть памятникъ, драгоцѣнный для моего сердца, по которому я буду всегда любить сей городъ. Вы помните, что за нѣсколько лѣтъ передъ симъ мы всегда проѣзжали чрезъ него въ деревню нашу К***; тог-

да семейство наше составля-
ло одно многочисленное обще-
ство друзей ; никогда не было
еще горестнаго разрыва въ
сердечныхъ нашихъ связяхъ.
Добрѣйшій изъ отцевъ и нѣ-
жнѣйшій изъ братьевъ укра-
шали союзъ священнаго дру-
жества ; мы были живы , —
были щастливы , веселились
природою , простотою , серд-
цами своими , и не вообража-
ли , чтобы Богъ могъ преры-
вать когда нибудь счастіе ,
его самаго достойное. Помни-
те и то конечно , что въ
одно время нашего проѣзда ,
нещастный поселянинъ, увле-
ченный быстротою рѣки На-
ры , погибъ въ волнахъ ея;
мимо насъ пронесли его хо-
лодный трупъ. Мы всѣ тро-
нулись , но любезный Т* * *
содрогнулся . . . . взглянулъ

на насъ . . . . . хотѣлъ говорить, но слова замерли на устахъ его . . . . . и одни слезы полились рѣкою. Ахъ! кажется, что сердце его предчувствовало въ сію минуту, что онъ самъ скоро погибнетъ на зарѣ прекрасной жизни.

Съ сими воспоминаніями въ душѣ моей, сѣлъ я на зеленой пригорокъ, неподалеку отъ поспоялаго двора, между тѣмъ какъ заходящее солнце освѣщало міръ послѣдними лучами. Тутъ оживлялъ я предъ собою образъ мнѣ еще милый; тутъ искалъ я того, кто не могъ изчезнуть въ мірѣ, не оставивъ горячихъ слѣдовъ за собою; тутъ воображалъ я, какъ гуляли мы вмѣстѣ,

какъ сиживали на семъ самомъ мѣстѣ, какъ пріятныя чувства лились рѣкою изъ сердецъ нашихъ, какъ мы были упоены и голубымъ цвѣтомъ неба, и зеленымъ бархатомъ луговъ, и шумомъ ручейковъ, и красотою весны, и весною жизни нашей. Тутъ около часа мечталъ я — возвращалъ минувшіе дни блаженства — внималъ, какъ эхо повторяло еще наши радости — снова жилъ — снова дышалъ малымъ человѣкомъ — и чувствовалъ на сей разъ, что надежда и воспоминаніе дѣлаютъ иногда насъ счастливѣе, нежели самая существенность.

ПИСЬМО III.

Деревня.

Нѣсколько разъ перемѣнялъ я лошадей; нѣсколько разныхъ мѣстъ видѣлъ, но не встрѣчалъ ничего для меня интереснаго. Проѣзжая только чрезъ деревню Л*** вздохнулъ я о судьбѣ нашего несчастнаго М*** Л***, которой въ нѣдрахъ сладкаго уединенія, имѣя дѣтей и подругу, не умѣлъ наслаждаться сими чистыми благами жизни, тосковалъ объ шумѣ свѣта, котораго сцена была для него закрыта, и кончилъ преждевременно дни свои отъ

того, что не пользовался благодѣтельными совѣтами Философіи.

Послѣ обѣда день прояснился, и я, остановясь на первой станціи, сѣлъ въ крестьянской избѣ подъ окномъ, гдѣ прекрасная ветла составляла густую тѣнь.

Вѣтеръ утихъ, солнце проглядывало отъ минуты до минуты, и сердце мое открывалось пріятнымъ впечатлѣніямъ.

Вы не забыли, что другъ вашъ родился сего дня. Мнѣ хотѣлось провести сей день, торжественной для всякаго человѣка, въ мирѣ съ природою и человѣчествомъ. Я удерживалъ всѣ порочныя движенія сердца, скончалъ день пріятно, и думалъ съ

восторгомъ, что нѣсколько любезныхъ мнѣ существъ молятъ въ сей день Небо о счастіи ихъ любимца.

ПИСЬМО IV.

Тула.

Я буду говорить въ семъ письмѣ вдругъ о нѣсколькихъ предметахъ, мною видѣнныхъ.

Первымъ предметомъ моего любопытства былъ оружейной заводъ. Я видѣлъ тысячу рукъ занятыхъ работою, механизмъ приводящій въ движеніе восьмнадцать огромныхъ колесъ, и механизмъ воды.

Прогуливаясь по симъ подземнымъ кузницамъ, встрѣчая черныя лица, ви-

дя ковальни, мѣхи и печи, слушая шумъ рѣки, громъ колесъ, стукъ молотовъ, наконецъ осыпанный летящими искрами огня, мнѣ казалось, что я вижу Вулканово царство съ одноглазными Циклопами: жилище, достойное бога, столкнутаго съ неба Юпитеромъ, но не пріятное для наблюдателя, и для тѣхъ, которые тутъ работаютъ подъ огнемъ, живутъ только механическою жизнію, и не имѣютъ нравственнаго наслажденія.

Гостиной дворъ не имѣетъ ничего примѣчательнаго. Я не нашелъ въ немъ и того движенія, той живости, той суетной толпы, съ которою люблю носиться по нашимъ Московскимъ рядамъ; кажется, что шалъ чело-

вѣкъ живѣе чувствуетъ бытіе свое.

Одинъ домикъ чистенькой и свѣтленькой прельстилъ меня. Я вошелъ въ него. Меня встрѣтилъ Нѣмецъ очень учтивой, которой работаетъ мѣдные часы, Электрическія машины, циркули и проч. Онъ водилъ меня по мастерскимъ, отпиралъ, показывалъ всѣ вещи съ чрезвычайною снисходительностію.

По сему сдѣлалъ я замѣчаніе. Многіе купцы, ремесленники, художники не любятъ перебирать свои вещи, естьли приходящій не хочетъ купить ихъ. Это показываетъ одну только жадность къ деньгамъ. Истинной художникъ долженъ всегда съ удовольствіемъ вы-

ставлять на глаза свою работу изъ любви къ искусству, такъ какъ Поэтъ изъ любви къ Музамъ читаетъ всегда съ охотою стихи свои.

Замокъ, построенный Іоанномъ Васильевичемъ, и возобновленный Екатериной II. существуетъ еще. Я смотрѣлъ на него, и мечталъ о разности теперешнихъ и тогдашнихъ временъ. Какая перемѣна — въ три столѣтія! Воображеніе мое протекало пространство времянъ отъ перваго шага ума до послѣдняго успѣха общежитія, и старалось угадать будущую судьбу человѣка; но невидимая Рука не позволяла смертному читать въ книгѣ Судебъ небесныхъ.

ПИСЬМО V.

Тула.

Я гулялъ около трехъ часовъ по городу.

Лучшія зданія въ Тулѣ: Театръ, присудственныя мѣста, Воспитательной домъ, Смирительной и проч. Церквей по пространству города довольно, какъ и во всѣхъ городахъ Россіи.

Городъ раздѣляется рѣкою Упой на двѣ части; по обѣимъ берегамъ простирается нитьстроеній, между которыми возвышается и набережный Дворецъ не огромный, но пріятный.

Вообще Тула нравится тѣмъ, что всѣ домы низень-

кїе и свѣтленькїе представляютъ образъ счастливой посредственности. Но всего болѣе плѣнился я тѣмъ, что изъ каждаго уголка сего города, лежащаго въ долинѣ между пригорковъ, видны цвѣтущїя зеленыя поля, которыя, переходя изъ возвышенности въ возвышенность, препоясываютъ горизонтъ вѣнцемъ горъ и лѣсовъ; изъ каждаго уголка можно гулять глазами по прекрасному лугу, гдѣ пасутся стада по холмамъ, гдѣ разсѣяны деревеньки по бережкамъ ручейковъ, которыхъ кристальное теченіе сверкаетъ въ отдаленности; изъ каждаго уголка можно однимъ шагомъ перейти отъ сцены города къ сценѣ деревенской, и плѣняться симъ восхи-

спительнымъ разнообразіемъ. Пріятно, очень пріятно имѣть передъ глазами сельскія картины въ нѣдрахъ самаго города, быть всегда близкимъ къ природѣ и къ ней возвращаться.

Ахъ! какъ часто, гуляя по Москвѣ, желалъ я быть въ полѣ за городомъ, въ тишинѣ души и натуры — желалъ, и не могъ исполнить своего желанія. Кажется, что въ большихъ городахъ человѣческая развратность хотѣла нарочно укрыться преградами отъ невиннаго гласа природы.

Подходя къ Кіевской заставѣ, обратились глаза мои на церковь въ полуверстѣ за городомъ. Я пошелъ туда, и увидѣлъ прекрасное мѣсто.

Церковь, построенная Октогономъ, стоитъ на горѣ; къ низу къ подошвѣ ея спеляются, кажется, кровли домовъ, куполы церквей и всѣ зданія города; далѣе на противоположной горѣ поля усѣяны деревеньками, рощицами и кустарничками. Около часа любовался я симъ видомъ, и не могъ налюбоваться. Жаль, что кладбище и острогъ въ нѣсколькихъ саженяхъ, мѣшаютъ полному наслажденію чувствительнаго сердца.

Вечеръ былъ прекрасной. Мнѣ не хотѣлось перестать гулять. Я пошелъ на берегъ рѣки Упы, чтобъ окончать день мой въ бесѣдѣ съ вечернею природою и нѣжными сердцами. Тамъ, сидя на травѣ и смотря на розовую

зарю, думалъ я объ тѣхъ, которыхъ дружба украшаетъ розами жизнь мою.

ПИСЬМО VI.

Тула.

Вчера былъ я въ Соборѣ, но онъ былъ заперт. Сего дня я его видѣлъ.

Великолѣпной иконостасъ! великолѣпные образа! великолѣпная трапеза! вездѣ сіяетъ золото и серебро; вездѣ глаза ослѣплены богатыми дарами, которые человѣческая бѣдность приноситъ Всеимущему Богу; кажется что смертные, принося слабыя жертвы, исполняютъ только обѣтъ Христіанскаго смиренія. Все, чѣмъ бы ни

украсила рука смертнаго священный храмъ Божества, все будетъ мало и недостойно предъ Тѣмъ, Кто имѣетъ свое прекраснѣйшее святилище во глубинѣ души человѣческой; но по крайней мѣрѣ человѣкъ показываетъ, что сердце его умѣетъ благоговѣть предъ Высочайшимъ Существомъ въ мірѣ.

Утро — бьетъ девять часовъ. Я прощаюсь съ Тулою.

ПИСЬМО VII.

Деревня.

Куликово поле, гдѣ Димитрій Донской съ 20000 Русскихъ побѣдилъ славнаго Мамая, лежитъ въ 60 верстахъ отъ моей дороги; я не могъ

за отдаленностїю видѣть мѣсто славной побѣды.

Выѣхавъ изъ Тулы, смотрѣлъ я съ примѣчанїемъ на поля, ее окружающїя. Тамъ въ XVII столѣтїи Литовцы опустошали все огнемъ и мечемъ; тамъ во время походу Іоанна Г подъ Казань, набѣжали Орды Ташарскїя, наполнили ужасами войны сердца мирныхъ пастуховъ и обагрили кровїю поля и луга, гдѣ паслись щастливо невинныя овечки; тамъ Россїйскїе Орлы, всегда противъ зла устремленные, поразили сообщниковъ Отрепьева, и вырвали лавръ побѣды изъ рукъ Ирана. Сїе послѣднее сраженїе было самое кровопролитное. Я перенесся въ тѣ времена, и мнѣ казалось, будто я вижу нещастныхъ, упо-

пающихъ въ рѣкѣ. Упѣ,, землю усѣянную трупами,, и друзей другъ друга оплакивающихъ..

Окрестности Тулы имѣютъ много живописнаго. Вездѣ пригорки и покатости,, одни другихъ возвышеннѣе;; зеленыя долины лежатъ между ими,, и глаза перебѣгаютъ пріятнымъ образомъ отъ горы усаженной кустарничкомъ къ лощинѣ,, покрытой стадами,, слѣдуя за излучинами сего прекраснаго ландшафта.. Я люблю такія мѣста,, и можетъ быть болѣе отъ того,, что милая П*** сообщила мнѣ свой нѣжной вкусъ. Сердце любитъ все то,, что передало ему другое любезное сердце..

Въ 20 верстахъ отъ Тулы, прекрасной березовой

лѣсъ служитъ опушкою лежащей чрезъ него дорогѣ — опускается съ обѣихъ сторонъ по легкому скату въ низъ къ долинѣ — и опять съ обѣихъ сторонъ по теченію противоположной горы, возвышается въ видѣ амфитеатра, и образуетъ аллею передъ глазами путешественника. Не можно себѣ представить, какія романическія убѣжища, густыя тѣни и чистыя, гладкія равнины открываются отъ мѣста до мѣста въ семъ лѣсу; кажется, что нѣжные любовники могли бы въ немъ укрыться отъ цѣлаго міра, забыть пороки, злобу, несправедливость человѣческую, и только жить съ любовію и природою. Сей лѣсъ называется малиновка, и я тотчасъ вообра-

зилъ себѣ, что за нѣсколько лѣтъ передъ симъ скрывалась въ немъ какая нибудь милая красавица съ любовію своей, открывала природѣ тайну душевную, и пѣла отъ горести, какъ Сафо, какъ малиновка.

ПИСЬМО VIII.

Обтуха.

Солнце садилось, когда я остановился въ сей деревнѣ. Она стоитъ на пригоркѣ; внизу течетъ Ока; за рѣкою по самому берегу растетъ зеленой и высокой лѣсъ. Я былъ расположенъ къ чувствительности, и трогался видомъ сего мѣста. Въ самую сію минуту многочисленное

стадо съ блѣяніемъ бѣжало въ деревню; пастухъ позади его игралъ на свирѣли; ребятишки съ прутиками загоняли барашковъ и овечекъ, которые не хотѣли, казалось, разстаться съ природою; все чувствовало сладкое вліяніе вечера, и сцена становилась часъ отъ часу живѣе.

Я сбѣжалъ на берегъ Оки, и сѣлъ на зеленой муравкѣ, смотря на синія волны, которыя съ тихимъ движеніемъ изъ блеска въ блескъ переливались, и на алую зарю, которая за солнцемъ показывалась. Сладкое упоеніе овладѣло мною; образъ милыхъ людей, неразлучный съ радостями нашего сердца, оживился передо мною. Я вспомнилъ тѣ счастливые дни, когда вмѣстѣ съ нѣжнѣйшимъ

Гос. Публичная Б-ка Ленинград.

другомъ и братомъ, жили мы подъ кровомъ сельской природы — все видѣли одними глазами — и все чувствовали одною душею. — Теперь я одинъ на землѣ безъ него, не могу сообщить ему моихъ радостей, не могу дать ему положить руку на мое сердце — и сердце мое, при сей мысли, заносковало. Я спрашивалъ натуру, для чего разрушаетъ она сладостнѣйшія связи душъ, разлучаетъ нѣжнѣйшихъ друзей во цвѣтѣ лѣтъ и счастія, и оставляетъ жизнь врагамъ непримиримымъ, людямъ злымъ, и старцамъ отягченнымъ бытіемъ своимъ? ..... спрашивалъ — но природа молчала вокругъ меня. Солнце скрылось; свѣтлой мѣсяцъ и милліоны звѣздъ засверкали на

небѣ; какой-то тайной голосъ говорилъ мнѣ, что за предѣлами сего мїра, посреди небесныхъ сферъ, есть другое жилище, гдѣ друзья соединятся, гдѣ человѣкъ тосковать перестанетъ. Сердце мое пылало отъ радости. Я взглянулъ на небо свѣтлыми глазами, съ полною довѣренностію къ Богу, съ твердою надеждою, что рука Его усѣяла мїрами голубое пространство и живыми существами шаръ земный, для того, чтобы совершить счастіе сихъ самыхъ существъ.

Я поѣхалъ. Ночь наступила самая тихая и свѣжая; все обольщало мои чувства; казалось, что самъ Богъ хотѣлъ наградить меня за сладкую вѣру. Вѣтерокъ тихо вѣялъ, и вдругъ въ ближ-

ней березовой рощицѣ запѣлъ соловей, первой, котораго я еще слышалъ нынѣшнею весною, и запѣлъ такъ пріятно, такъ трогательно, что мои люди, какъ будто бы оживленные симъ голосомъ, вздохнули вмѣстѣ со мною изъ глубины сердца. У меня навернулись на глазахъ слезы....

Ахъ! я никогда не забуду вечера, проведеннаго мною въ Обтухѣ 9 Маія. Естьли и вы будете проѣзжать когда нибудь эти мѣста, друзья чувствительности! то отыщите слѣды мои, посидите на берегу Оки, и вспомните, что я чувствовалъ.

ПИСЬМО IX.

Орелъ.

Орелъ есть городъ довольно пространный, но нехорошо отстроенный, хотя въ немъ и довольное число домовъ каменныхъ и деревянныхъ. Между великолѣпными и новѣйшими зданіями, замѣчаю я главную школу, которой фасада съ перистилами и колоннадою достойна своего вѣка.

Городъ стоитъ на пространной равнинѣ; но отъ него подобно солнечнымъ лучамъ, текущимъ изъ своего средоточія, простираются холмы и пригорки, возносятся надъ городомъ, и соста-

вляютъ горной вѣнецъ, подъ которымъ отъ мѣста до мѣста блеститъ Ока.

Сей городъ можетъ славиться тѣмъ, что еще въ седьмомъ надесять столѣтіи извѣстно было о его существованіи. Правленіе Димитрія самозванца, набѣги Крымскихъ Татаръ, и войны Россіи съ Польшею произвели великія опустошенія въ его окрестностяхъ.

Я гулялъ около часа, и возвращаясь спросилъ одного человѣка, мнѣ встрѣтившагося: Кому принадлежитъ большой каменной домъ на правой рукѣ? — Гражданскому Губернатору. — Кто онъ такой? — Не знаю; но знаю то, что онъ доброй человѣкъ, и очень доброй. Бѣдной до него доходитъ, при-

ственной плакке. Чего больше? Сколько ни спрашивай, ничего лучше не узнаешь. — Правда, отвѣчалъ я, правда, провожая глазами сего человѣка, котораго лице показывало, что онъ глубоко въ душѣ своей чувствовалъ цѣну добра, и вѣрилъ безъ всякой Философіи, что добродѣтель выше всего въ мірѣ. Моралисты! запишите сію черту въ трактатахъ вашихъ, и имя Вульфа въ Исторіи людей.

ПИСЬМО X.

Курскъ.

Отъ Орла до Курска нѣтъ ни одного лѣсочка, который бы привлекъ взоры ваши; ни

одного лужечка, на которомъ бы захотѣлось отдохнуть съ нѣжною красавицею; ни одного селенія, гдѣ бы воображеніе любило поселять счастливое семейство. Вездѣ только поле — пашня — и печальной горизонтъ; — вездѣ натура, безъ прекрасной натуры; кажется послѣ тѣхъ красотъ, которыя прежде восхищали путешественника, что милая кокетка, обвороживъ глаза и чувства, скрылась, не оставивъ за собою и самой тѣни; но кокетка скрывается на время для того, чтобы болѣе воспалить любовь къ себѣ, и послѣ является передъ глазами съ новымъ блескомъ и торжествомъ. Въ самое то время, когда я пересталъ заниматься природою, поту-

пилъ глаза въ землю и задумался такъ, что не видалъ, какъ мы приближились къ Курской заставѣ; — вдругъ глаза мои встрѣчаютъ великолѣпную картину, и одинъ взглядъ наградилъ меня за отсутствіе прекрасной натуры.

Улица со свѣтлыми домиками, по одной линіи выстроенными, опускаясь ниже и ниже, примыкаетъ вдали къ зеленѣющей горѣ, которая на концѣ ея, за пріятною перспективою домовъ и церквей, за сценою оживленнаго вездѣ народа, возвышается какъ ландшафтъ съ кустарничками и рощицами. Изъ этой улицы на обѣ стороны видно также поле до самой, такъ называемой Красной площади, гдѣ новыя кра-

сомы открываются. На высокой и прямо въ отвѣсъ стоящей горѣ лежитъ большая часть города; рѣка Тускаръ, широкая и быстрая, разливается у подошвы горы; за нею по другому берегу на пространной равнинѣ, между цвѣтущими зелеными садами, разсыпаны деревянные домики, или лучше сказать хижины; соломенныя кровли ихъ покрываются вѣтвями густыхъ деревъ; кудрявая зеленая сѣнь обвиваетъ, такъ сказать, все ихъ пространство. Кажется, что сія Стрѣлецкая слобода представляетъ образъ Флоренціи, которая, говоритъ дю Паши, сидитъ (*) посреди

(*) Я осмѣлился удержать сей галлицизмъ.

букета цвѣтовъ. Нѣжность сего ландшафта, которой, естьли смѣю такъ сравнить, улыбается у подошвы горы, какъ страстной юноша у ногъ нѣжной красавицы. Излучины сверкающей на немъ рѣчки, островокъ, какъ будто бы отъ него отдѣлившійся и зеленѣющій посреди кристальнаго Тускара — сколько картинъ!.... Смотришь — и не можешь насмотрѣться; чувствуешь — и не можешь разобрать чувствъ своихъ; забываешь самаго себя — и наслаждаешься симъ самымъ забвеніемъ.

Не есть ли это чувство любви, и чувство природы?

Прекрасенъ видъ изъ городской части за рѣку на Стрѣлецкую слободу, мною описанную; но не менѣе пре-

красенъ видъ закурной части. Стоя на Красной площади, имѣешь предъ глазами возвышеннѣйшую гору, гдѣ зеленѣютъ сады, гдѣ блестятъ домы и церкви, посреди сихъ цвѣтущихъ садовъ, гдѣ густая зелень стелется, вьется, кудрявится, естьли можно такъ сказать, по кровлямъ, фронтонамъ и колоннадамъ, гдѣ прекрасная Херсонская улица съ двумя другими съ ней параллельными разсѣкаетъ сей цвѣтущій садъ, въ образѣ величественнѣйшей перспективы. Глаза текутъ съ удовольствіемъ вдоль улицы, въ верьхъ горы, къ концу ея, гдѣ тріумфальныя ворота съ трубящею славою служатъ предѣломъ зрѣнія и концемъ горизонта. Кра-

сота сего мѣста тѣмъ разительнѣе, что видишь вмѣстѣ Натуру и искуство, деревню и городъ, близь дому садъ, близь саду хижину; кажется, что духъ общежитія поселился тутъ подъ цвѣтами сельской природы, что всѣ жители любятъ страстно натуру, и что одно щастливое семейство людей живетъ тутъ въ мирѣ и согласіи подъ законами разума и сердца. По крайней мѣрѣ я любилъ думать, смотря на красоты закурной части, что присутствіе изящнѣйшихъ картинъ въ природѣ не совмѣстно съ развращенными существами въ человѣчествѣ; — любилъ вѣрить, что такая мысль не есть одна мечта воображенія.

Въ городѣ есть много хорошихъ зданій. Каменныя лавки, Дворецъ, Присудственныя мѣста, Знаменской монастырь, главная школа, представляютъ пріятную архитектуру и пріятной видъ.

Въ главной школѣ былъ я сего дня. Классы, зала испытанія, библіотека и Кабинетъ физической заключаютъ въ себѣ все то доброе, что можно только ожидать въ Россіи отъ обыкновенной школы, отъ учителей, которые трудятся со всемъ возможнымъ напряженіемъ силъ, во всемъ пространствѣ физическихъ и моральныхъ своихъ способностей. Одинъ изъ нихъ водилъ меня по классамъ, сказывая, что славнѣйшій изъ Истори-

овъ, (конечно изъ Рускихъ) Щербатовъ, и славнѣйшій изъ атириковъ, Кантемиръ, и лавнѣйшій изъ Трагиковъ, умароковъ находятся въ хъ библіотекѣ для очищенія вкуса учениковъ, и что же многіе изъ нихъ, къ доазательству своихъ успѣховъ въ наукахъ, дослужись до Офицерскихъ чиновъ ъ арміи.

Возвращаясь съ сего нѣней моей прогулки, увидѣлъ я двухъ молодыхъ имфъ, которыя освѣжались ъ струяхъ прозрачной рѣки ускары. Я приближился къ ому мѣсту; но цѣломудренныя Діаны, угадая мысль оваго Актеона, скоро выскоили изъ воды и закрылись латьемъ. Видя милую стыдивость, милое ихъ замѣша-

тельство, я постыдился своей нескромности, и — удалился.

Что касается до Исторических дѣлъ сего города, то нѣтъ нужды сказывать вамъ, что онъ былъ нѣкогда опустошенъ правнукомъ славнаго Чинхисъ-Хана, Батыемъ, и что въ немъ прежде было Княженіе великихъ Князей Россіи. Нынѣ не осталось никакихъ памятниковъ сихъ важныхъ перемѣнъ въ Исторіи нашей; все приняло новой видъ.

Такъ заглаживаются слѣды варварства и дикости; но такъ разрушаются и цвѣтущія Царства!

ПИСЬМО XI.

Писоремка.

Я разстался съ Курскомъ, какъ разстаются съ любезной женщиной, которой обладать не можно, но которой образъ останется вѣчно жить во глубинѣ сердца. Естьлибъ возможно было, чтобъ я хотѣлъ всякой годъ ходить въ сей городъ на поклоненіе — природѣ.

Какъ прелестна дорога за Курскомъ! Цвѣтущіе луга лежатъ по обѣимъ сторонамъ ея; прекраснѣйшія деревья, прекраснѣйшіе кустарники, подобно цвѣтникамъ разбросаны отъ мѣста домѣста; стада пасутся между ими. Смотря

на покоющихся овечекъ, на поющихъ пастуховъ, на травки и цвѣточки, чувствуешь какое-то небесное вдохновенїе и хочешь схватить сельскую свирѣль, чтобы пѣть съ Теснеромъ щастїе пастуховъ и пастушекъ.

Надлежало переѣзжать рѣку Сеймъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Курска. Вмѣстѣ со мною взошли на паромъ множество крестьянъ и крестьянокъ. Между ими примѣчательнѣе всѣхъ былъ одинъ сѣдой старикъ, идущій на богомолье. Онъ сидѣлъ на краю, устремивъ взоры на влажную бездну, подъ нимъ шумящую; нѣчто святое оживляло черты лица его; казалось, что одна тонкая завѣса отдѣляетъ отъ него вѣчность, и что

онъ простираетъ уже руки къ послѣднему убѣжищу жизни. Рядомъ съ нимъ сидѣли двѣ молодыя крестьянки, смотря также на волны; онѣ были прекрасны; ихъ робкая улыбка разнообразила съ сѣдою бородою старца; онѣ разцвѣтали — онъ отцвѣталъ; — онѣ улыбались на земныя радости — онъ мечталъ о небесныхъ. Я не могъ перестать глядѣть на сіи двѣ противныя эпохи человѣческой жизни.

ПИСЬМО XII.

Малороссія.

Я ступилъ ногою на ту землю, которая была театромъ великихъ произшествій въ

Исторіи нашей, добычею сосѣднихъ державъ, и отечествомъ самыхъ миролюбивыхъ людей. Сей прекрасной климатъ, сія прекрасная земля, сей народъ ее населяющій достойны были лучшей участи — достойны были покоиться подъ тѣнію вѣчнаго мира, которымъ они наслаждаются наконецъ подъ Россійскою Державою.

Я гулялъ по берегу рѣки Алешны, въ деревнѣ Писоремкѣ (гдѣ пишу сіе письмо теперь), и смотря на зеленые лѣса, которые здѣсь зеленѣе кажутся, нежели лѣса на Сѣверѣ — на рѣку, которая свѣтлѣе рѣкъ нашихъ, на небо ясное и голубое, чувствовалъ всю теплоту Юга и всю горячность сердца:

Ахъ! какъ хотѣлось мнѣ на ей разъ дышать симъ воз- ухомъ вмѣстѣ съ тѣми, ого люблю я всего болѣе въ ірѣ!

Въ сію деревню пріѣхалъ въ 6 часовъ, — напился аро- атическаго чаю на бальза- ической травѣ — написалъ, то вы читали — и хочу хать далѣе, оживленный во сѣхъ чувствахъ, неся образъ ашъ въ душѣ моей, и об- разъ всего мнѣ любезнаго.

Естьли всегда будетъ такъ свѣтло сердце мое, естьли всегда буду такъ гар- монировать съ природою, естьли жизнь моя, однимъ словомъ, будетъ всегда цѣпью ихъ пріятныхъ впечат- лѣній, то я скажу, вопреки нѣкоторой Философіи, что радости, которыя чувстви-

пельной человѣкъ вкушаетъ въ семъ мірѣ, споили того, чтобы природа произвела его на свѣтъ для сихъ минутныхъ радостей, не смотря на слезы его и бѣдствія. Горести разительны; потери сердца ужасны и очень ужасны. . . . . .

J' ai trop à mes depens appris à le (connoitre.

Но за то тѣмъ живѣе чувство счастія и радости. И птички, послѣ тихой бури, поютъ веселѣе.

ПИСЬМО XIII.

Сумы.

Первой Малороссійской городъ по сей дорогѣ, чрезъ которой проѣзжалъ я, былъ

Суджа, не важной городъ; за нимъ послѣдовали Сумы, гдѣ теперь остановился, и въ нихъ нѣтъ также ничего примѣчательнаго — по крайней мѣрѣ для моихъ глазъ и для моего сердца. Одни зданія, одни виды, одни люди для меня не интересны; я не могу заняться никакою книгою, никакимъ разговоромъ, никакимъ важнѣйшимъ предметомъ въ свѣтѣ, естьли сей самой предметъ не трогаетъ моего чувства, или не возбуждаетъ во мнѣ никакой идеи.

Я разговаривалъ съ однимъ умнымъ Малороссіяниномъ. — „Вы не богатѣе другаго народа, и живете такъ чисто, такъ хорошо, гораздо лучше нашихъ крестьянъ.„ — „Это правда; мы лю-

бимъ чистоту. Мы кажемся сами себѣ лучше и богатѣе, когда все вокругъ насъ показываетъ опрятность и изобилїе.„ — И вы не бѣдны въ самомъ дѣлѣ; однакожъ вы не наживаетесь отъ проѣзжихъ, и угощаете ихъ не за дорогую цѣну. — (съ улыбкой) „Отъ того мы и наживаемся, что не требуемъ никогда лишняго. Скупость раждаетъ скупость, великодушїе дѣлаетъ великодушнымъ. Дань, наложенная корыстолюбїемъ, досадна. Платежъ добровольной и предоставленной великодушїю превосходитъ всегда цѣну вещи. Въ первомъ случаѣ мы дѣлаемъ только должное, иногда принужденное, но въ послѣднемъ подвергаемъ опыту нашу щедрость, — обязываемъ благодарностью къ себѣ и по-

емъ выгоднее мнѣніе о се-
ѣ. „— Какъ вамъ кажется
акая Философія въ про-
помъ крестьянинѣ?

Въ Сумахъ нѣтъ ничего
римѣчательнаго, но за горо-
омъ по Ахтырской дорогѣ,
ельзя не замѣтить съ удо-
ольствіемъ столѣтнихъ Осо-
оровъ, посаженныхъ по обѣ-
мъ сторонамъ плотины
резъ рѣку, гдѣ пѣшеходецъ
томленный жаромъ скры-
ается въ тѣни и прохладѣ.
І самъ пошелъ пѣшкомъ изъ
орода, оставивъ экипажъ
азади — и увидя сію густую
лею, сѣлъ отдохнуть подъ
еревьями на берегу рѣки.
Они бросаютъ зеленыя тѣни
а кристальную поверхность
одъ, и волнующіяся воды
играютъ, кажется, ихъ мель-

кающими тѣнями. Я долго стоялъ, радовался, и наконецъ началъ въ семъ сладкомъ убѣжищѣ читать Поэму: Таврида, которая была со мною.

ПИСЬМО XIV.

Слобода Баромля.

Сія слобода, на рѣкѣ сего имяни населенная въ прекрасной картинѣ очаровала меня; но въ ней ожидало меня еще сладчайшее очарованіе. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ почтоваго двора, стоялъ свѣтленькой домикъ: передъ нимъ зеленѣлъ цвѣтникъ; двѣ дѣвушки лѣтъ въ 20 выглянули изъ окошка. Я поклонился имъ, и пошелъ гулять, но вдругъ молодой

человѣкъ явился передо мною. Хозяинъ проситъ васъ посѣтить его, сказалъ онъ мнѣ снявъ шляпу. — Съ удовольствïемъ, отвѣчалъ я, заплативъ ему тою же учтивостïю, и послѣдовалъ за нимъ. Отецъ съ двумя дочерьми встрѣтили меня съ сельскою простотою — потчивали кофеемъ и разговаривали со мною объ моемъ путешествïи. Старикъ сохранилъ почтенной характеръ своей нацïи, и его можно назвать съ Оссïаномъ сыномъ древности; но большая дочь, воспитанная въ новѣйшïя времяна, милая и ловкая, начала мнѣ скоро хвалить удовольствïе сельской жизни. — „Въ городѣ жить скучно; по крайней мѣрѣ намъ такъ кажется — деревенскимъ жителямъ, которые

привыкли пользоваться жизнію, прудиться и гуляшкло прекраснымъ полямъ нашимъ весною и осенью. Этого нельзя дѣлать въ шумѣ общества и въ нарядныхъ платьяхъ.„ — „Правда, сударыня, правда, и вамъ завидуютъ тайно въ сердцѣ своемъ наши горожанки. Вы счастливы, что умѣете такъ пользоваться сельскими прїятностями, и достойны вашего счастїя.„ — Она отблагодарила меня; разговоръ продолжался — и мы съ нею чрезвычайно гармонировали. Братъ ея, жившїй долго въ Крыму, хотѣлъ меня увѣрить, что удовольствїе быть на горѣ Чатырь-дагѣ, откуда видѣнъ весь полуостровъ Таврической, не можетъ наградить

за тотъ трудъ, котораго оно стоитъ. Она спорила съ нимъ, и утверждала, что одинъ взглядъ съ оной горы, гдѣ ясность и тишина царствуютъ на долину, гдѣ носятся облака подъ ногами, и бури свирѣпствуютъ, — наградитъ конечно за самые тягчайшіе труды. Однимъ словомъ, вы не повѣрите, какъ умно и пріятно говоритъ сія молодая дѣвушка.

Хозяинъ дома есть Дворянинъ Малороссійской Карповъ. Еще отдаленнѣйшіе предки его владѣли сею землею, и онъ говоритъ, что не могъ бы безъ слезъ разстаться съ симъ наслѣдственнымъ кровомъ, гдѣ столько лѣтъ жилъ дѣдъ его, отецъ, и наконецъ онъ самъ съ своею семьею, въ простотѣ и счастіи.

Сія привязанность къ родинѣ, сіе счастіе переходящее изъ рода въ родъ вмѣстѣ съ сельскимъ домомъ, сіи слова въ устахъ сѣдаго и почтеннаго старца тронули меня до слезъ.

Съ сею встрѣчею осуществилась отъ части сладчайшая мечта моего воображенія, восхитительнѣйшая фантазія юности. Сколько разъ думалъ я, сколько разъ живо представлялъ себѣ, какъ буду жить съ нѣжною подругою, съ плодами еще нѣжнѣйшими любви нашей, въ сельскомъ домикѣ, въ тишинѣ сердца и природы. Безъ заботъ, безъ попеченія о фортунѣ, безъ страха о судьбѣ своей, съ нѣсколькими книгами, съ добрыми поселянами проводилъ бы я жизнь

свою тихо, но покойно, не богато, но весело — и былъ бы не извѣстенъ въ мірѣ, но дорогъ и незабвенъ для сердецъ, достойныхъ хранить память добраго человѣка. Мнѣ хотѣлось сверьхъ того, чтобы дѣти, мною воспитанные въ добронравіи съ однимъ просвѣщеніемъ необходимымъ для счастія, передали и сіе щастіе, и сіи нравы, и самую сію хижину своимъ дѣтямъ, и чтобы такимъ образомъ поколѣніе мною начатое, перераждаясь изъ одного въ другое, продолжало жить однимъ умомъ, и однимъ сердцемъ, которые никогда не угасаютъ въ мірѣ. Сладостно думать, что эхо, которое повторило бы въ тиномъ лѣсочкѣ клятву любви послѣдняйщаго потомка,

было бы только черезъ тысячу столѣтій однимъ отзывомъ того голоса, которой въ семъ самомъ лѣсочкѣ, въ глазахъ неба и природы, клялся устами моими любить новую Сарру, мать новыхъ Израилей. Это была одна мечта конечно; но жизнь видимаго мною семейства показала мнѣ тѣнь возможности, и можно по крайней мѣрѣ думать, что нѣкогда родятся люди, которые съ выгодами здравой Философіи, пользуясь одними благами общежитія и удаляясь отъ безчисленныхъ золъ его, представятъ на землѣ примѣръ едва ли вѣроятный въ вѣки наши.

Что касается до красавицы, то я буду также

всегда любить ея образъ. Никакая городская Грація не могла бы такъ восхитить мою душу; самая достойнѣйшая дѣвушка едва ли бы не потеряла цѣны въ глазахъ моихъ, естьли бы я встрѣтилъ ее блестящую нарядомъ, въ кругу романическихъ обожателей, веселую въ шумѣ свѣта и общества; но молодая дѣвушка съ милымъ лицемъ, съ прекрасною душею, которая въ присутствіи отца и матери безъ нескромныхъ рукоплескателей свѣта, подъ тѣнью дерева, въ тихой вечеръ, играетъ или поетъ, которая умѣетъ прогатться красотами натуры, гармоніи и домашней жизни, которая наконецъ читаетъ Руссову Элоизу, не изъ любви къ одинимъ

романамъ, но для того, чтобы научиться благородству и нѣжности того невольнаго чувства, которое уже говоритъ въ ея сердцѣ сильнѣе и опаснѣе всякаго романа — такая дѣвушка есть для меня совершеннѣйшее твореніе въ мірѣ. Я нашелъ почти сіе любезное существо и посвятилъ ему всю ту часть души моей, которую могъ посвятить безъ нарушенія другихъ священнѣйшихъ правъ.

Надлежало проститься съ гостепріимнымъ семействомъ. — Жалѣю, сказалъ я съ распроганнымъ чувствомъ; жалѣю, что не могу долѣе пользоваться пріятнымъ вашимъ знакомствомъ. — Они пожелали мнѣ счастливаго пути, и мы разстались. Не

знаю, что они нашли во мнѣ; но я — я полюбилъ ихъ, какъ родныхъ своихъ; они будутъ раздѣлять сердце мое съ любезнѣйшими мнѣ людьми, и счастїе ихъ останется одно изъ пламеннѣйшихъ моихъ желаній.

Узнаю въ сїю минуту, что сїя любезная женщина, сей земной ангелъ, сїя новая Шарлотта, объ которой писалъ къ вамъ, за мужемъ, и за тѣмъ самымъ, котораго принялъ я за ея брата, и которому она во всемъ противорѣчила. Всегда ли Шарлотты будутъ за Альбертами?

ПИСЬМО XV.

Ромень.

Пребываніе Александра нашего вѣка въ семъ городѣ, дѣлаетъ его любопытнымъ для путешественника. Онъ имѣлъ въ немъ главную свою квартиру, пробираясь чрезъ Украйну; но, искусно вымененный хитростію мнимаго своего Дарія, онъ провелъ двое сутокъ въ дикой степи, на открытомъ полѣ, среди жестокаго мороза, между Гадячемъ и Ромнемъ въ то время, когда Россійскія войска заняли сей послѣдній городъ.

Я ходилъ въ задумчивости послѣдамъ его, и — можно

сказать — съ нимъ вмѣстѣ; мнѣ казалось, будто я вижу и его самаго, и долину, на которой страдало его честолюбіе. Мнѣ не хотѣлось перестать читать на лицѣ и въ душѣ его исторію сердечныхъ сокровенностей.

Выѣхавъ изъ сего города, встрѣчалъ я почти на каждой верстѣ могилы или курганы насыпанные землею, гдѣ скрываются слѣды войны и остатки человѣчества. Я не могъ видѣть ихъ безъ содроганія. Къ тому жъ въ сихъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ видны памятники разрушенія, гдѣ свѣжи еще слѣды кровопролитія, находится множество селитряныхъ заводовъ. Сія близость человѣческаго праха къ орудію разрушенія и по-

гибели возбуждаетъ тысячу идей. Я ходилъ по заводамъ, и думалъ о баснословномъ Вулканѣ, которой работалъ для Юпитера перуны на другихъ боговъ.

ПИСЬМО XVI.

Веприкъ.

Городъ Веприкъ есть тотъ самой, которой былъ осажденъ Карломъ XII три раза безъ успѣха, не смотря на превосходное число его войска. Гарнизонъ нашъ здался, по изтощеніи всѣхъ средствъ сопротивленія. Осталось только 1000 человѣкъ съ тремя полевыми пушками.

Такъ покорялись Греки и Римляне!

Въ семъ мѣстечкѣ имѣлъ я минуту, незабвенную въ жизни. У заставы сидѣлъ нищей. Онъ не просилъ милостыни; но черты лица его, но выраженіе его взоровъ, но тайные вздохи, вырывающіеся изъ груди, сказывали, что онъ терпитъ нужду. Я подалъ ему бездѣлицу — и почувствовалъ такое внутреннее движеніе, котораго описать не умѣю. Упоеніе пролилось въ душу мою. Я былъ безъ памяти — не слыхалъ, что говорилъ благодарный старикъ — и не видалъ, что вокругъ меня происходило; какой-то сладкой голосъ раздавался въ природѣ и въ моемъ сердцѣ; все казалось мнѣ вокругъ меня веселѣе и небо, и травка, и поющіе птички, и шумящіе ручейки, и

собственное бытіе мое. Около часа не могъ я собрашься съ разсѣянными мыслями. Наконецъ вздохъ вылетѣвшій изъ глубины сердца привелъ меня въ самаго себя. Говарды, Рюмфорды! вѣрю, что ваши наслажденія были живѣе наслажденій всѣхъ щастливѣйшихъ Аристипповъ и Лукулловъ.

ПИСЬМО XVII.

Аилова долина.

Такъ называется деревня или слобода, гдѣ я сего дня обѣдалъ. Въ хатѣ своей сидѣла мать съ двумя младенцами: одинъ лежавъ на рукахъ, сосалъ грудь ее; другой игралъ на скамьѣ. Такая

мать должна быть счастлива, думалъ я; но не видалъ въ ея выраженіяхъ сердечнаго удовольствія: мнѣ хотѣлось читать въ ея сердцѣ. — Любишь ли ты мужа своего, спросилъ я сперва, какъ будто бы боясь, чтобъ отвѣтъ ея не лишилъ меня вдругъ сладкаго обмана? — Онъ мужъ мнѣ, отвѣчала она. — Такъ любишь ты и дѣтей своихъ? — Очень люблю; но съ ними хлопотно, съ ними много горя. — Ахъ! нѣтъ; съ ними легко носить горе; — захотѣла ли бы ты перестать быть крестьянкою и сдѣлаться Госпожею, промѣнять хижину на палаты, посредственность на богатство? — Кто не хочетъ добраго? — Однакожъ ты не терпишь нужды въ твоемъ со-

стоянїи ; а наше имѣетъ свои безпокойства, свои горести. — Однакожъ, баринъ ! . . твое состоянїе счастливѣе. — Лучше быть тѣмъ, что ты есть. — Нѣтъ ! все бы лучше. . . . . Она не договорила словъ своихъ и вздохнула ; я такжe вздохнулъ отъ мысли, что просвѣщенїе необходимо для счастїя, что оно даетъ намъ чувствовать цѣну нашего состоянїя въ сравненїи съ другими, и что просвѣщенная крестьянка посреди дѣтей своихъ, имѣя милаго мужа, не позавидуетъ никогда удовольствїямъ свѣта и жизни городскихъ Сибаритовъ.

Послѣ того ходилъ я къ Жиду, которой пріѣхавъ изъ Польши, поселился въ семъ мѣстѣ. Онъ читалъ книгу

въ то время, когда я пришелъ къ нему; множество другихъ книгъ лежало вокругъ его; лице показывало очень умнаго человѣка. Я осмѣлился заглянуть въ книгу; это была Еврейская Библія. — Завидую, сказалъ я ему по Нѣмецки, что вы умѣете читать на томъ языкѣ, на которомъ писана Библія. — У васъ есть переводъ, отвѣчалъ онъ. — Правда; но переводъ не есть подлинникъ; въ немъ пропадаютъ многія красоты. Къ тому жъ наша Славянская переложена съ Греческой. Такую книгу, гдѣ хранятся всѣ великія истинны, гдѣ Божество устами свящѣйшихъ Сыновъ своихъ изрекло законы добродѣтели и мудрости, откуда самой философической умъ почерпаетъ

лучшія мысли, гдѣ наконецъ одно невѣжество находишь зло и порокъ; — такую книгу, священную для ума и сердца, любопытно читать въ подлинникѣ, и..... — Я хотѣлъ продолжать: нѣкоторой священной жаръ пылалъ въ груди моей; но почтенной мой Раввинъ, не входя совсѣмъ въ мои чувства, началъ говорить со мною о другомъ. Мнѣ не хотѣлось потерять душевнаго жара; я пресѣкъ разговоръ, и пошелъ одинъ него гулять съ осташкомъ чувствъ и мыслей моихъ.

Гуляя и размышляя съ самимъ собою, вспоминалъ я о тѣхъ безумныхъ людяхъ, которые смѣли вооружаться противъ Религіи, и наконецъ вспоминалъ и о томъ Жидѣ,

извѣстномъ въ ученомъ мірѣ, которой написалъ сиссему объ атеизмѣ. Это былъ часъ утра: птички сладко пѣли; трава вездѣ зеленѣла; небо и земля радовались; казалось, что природа торжествовала въ присутствіи Бога. Я не хотѣлъ вѣрить, что Спиноза былъ атеистомъ, и чтобъ атеисты могли быть въ мірѣ.

ПИСЬМО XVIII.

Деревня * **

Нынѣшній день сдѣлался такъ жарокъ, что лошади мои, утомленныя зноемъ и пылью, едва передвигали ноги; я самъ чувствовалъ пѣлесное разслабленіе, и оста-

новился отдохнуть въ одной крестьянской хатѣ. Мужъ молодой и прекрасной собою съ женою еще прекраснѣйшею сидѣли оба за работою. Онъ ткалъ холстину, она пряла шерсть. — Извольте сѣсть, сказали они мнѣ, но не безпокойно ли будетъ для васъ стукъ стана? — Ничего, отвѣчалъ я учтивымъ крестьянамъ и сѣлъ на скамьѣ. Тутъ увидѣлъ я пріятную сцену. Мужъ и жена, молодые супруги, въ нѣкоторомъ упоеніи взглядывали другъ на друга съ нѣжною улыбкою, трогали одинъ другаго рукою, назывались пріятнѣйшими именами и смѣялись. Скоро они забыли и работу и гостя, и конечно всю вселенную, и бросились другъ къ другу ласкаться.

Ласка ихъ была самая горячая, но и самая цѣломудренная; строгіе Римляне конечно бы ее не осудили. Наконецъ они опомнились, захохотали — и спросили: не надобно ли мнѣ молока и яицъ? — Казалось, что они стыдились своей нескромности. Молодая крестьянка стояла съ потупленными глазами; румянецъ любви и стыдливости горѣлъ на лицѣ мужа; но сей самой румянецъ, сіе замѣшательство составляли живѣйшую сцену любви.

Я узналъ отъ нихъ, что они около мѣсяца носятъ названіе счастливыхъ супруговъ. Имена любовниковъ не новы кажется для сердецъ ихъ. Они выросли вмѣстѣ подъ одною кровлею, играли

вмѣстѣ въ младенчествѣ — и нынѣ играютъ подъ вѣнцемъ любви своей.

Живая картина любви въ состоянїи земледѣльца распалила мое воображенїе. Разставшись съ ними, мечталъ я во всю дорогу объ удовольствїяхъ простой жизни, и прекраснѣйшїй романъ родился въ головѣ моей. Естьли судьба или превратность вещей человѣческихъ перемѣнитъ когда нибудь состоянїе мое въ обществѣ; то я, не задумаясь ни на минуту, сдѣлаюсь земледѣльцемъ, выберу себѣ подругу, и вмѣстѣ съ нею поселюсь въ низкой хижинѣ. Тамъ, въ часъ солнечнаго восхожденїя, буду пробуждать любезную на рукѣ друга покоющуюся; тамъ буду съ нею обработывать

уголокъ земли, или стеречь барашковъ и овечекъ; тамъ плоды земные, молоко и хлѣбъ будутъ нашею пищею; мягкая солома — постелью, вечернїе часы — отдохновенїемъ. Тамъ останется изъ моей библїотеки Цицероновъ трактатъ о Богѣ, Сен-Ламбертова книга о морали для всѣхъ народовъ, и — признаюсь въ слабости — всѣ четыре тома Новой Элоизы. Я буду читать, любить и трудиться; подруга моя будетъ мнѣ въ угожденіе пѣть Русскія пѣсни, а я въ угожденїе ей буду переводить наизусть нѣжнѣйшія письма Аллїйскихъ любовниковъ (1); послѣ

(*) Авторъ сего путешествїя давно занимается симъ переводомъ. Первой томъ близокъ къ окон-

чтенїя, прогулки, работы, послѣ слова *люблю тебя*, я прилягу къ ея груди; она приляжетъ къ головѣ моей, и мы сладко заснемъ съ образомъ счастїя, съ образомъ того нѣжнаго плода, которой въ Ангельской улыбкѣ разцвѣтаетъ всегда предъ воображенїемъ супруговъ. Вы скажете, что это одна романическая идея, и что возможное для меня невозможно, можетъ быть, для женщины, которая должна быть моею подругою. Но я не вижу причины сомнѣваться. Женщины не все-

---

чанїю. Можетъ быть вскорѣ за сими письмами могла бы послѣдовать и Новая Элоиза, естьлибъ Переводчикъ осмѣлился когда нибудь выдать Руссо на Рускомъ языкѣ

гда любятъ уединенїе, не всегда согласятся на такой родъ жизни; но естьли любовь требуетъ жертвы, естьли должно слѣдовать за тѣмъ, кто милъ сердцу: нѣтъ тогда ничего невозможнаго для женскаго сердца, и прекраснѣйшїя изъ существъ творятся славнѣйшими Героинями добродѣтели и твердости. Къ тому же, хоть не умѣю точно разсказать вамъ мое видѣнїе, но я вижу, какъ будто бы въ тѣни, милую красавицу, которая уже надѣваетъ легонькой карсетецъ, беретъ соломенную шляпку съ посошкомъ, и съ улыбкою подаетъ мнѣ руку. Вамъ оставляю изъяснять такое видѣнїе.

Романическїя идеи на сторону. Мнѣ кажется, что можно потерять свое мѣсто

въ обществѣ, не потеряя тѣхъ способностей, которыя служатъ основаніемъ нравственнаго бытія и должны служить основаніемъ счастія. Намъ данъ разумъ для того, чтобы мыслить о вещахъ, разбирать человѣка и природу; въ насъ есть сладкія движенія души, которыя даютъ намъ чувствовать въ одно мгновеніе неизчетныя наслажденія. Съ сими двумя прекраснѣйшими способностями человѣкъ можетъ всегда и вездѣ дѣйствовать, облетать пространство возможностей, и наслаждаться; ихъ никто отнять не можетъ, тиранство человѣческое не похититъ того, что хранится во глубинѣ сердца, и въ чемъ Вышняя воля заключила сѣмена счастія.

ПИСЬМО XIX.

Борисольская станція.

Теперь пишу въ тридцати верстахъ отъ Кіева въ ожиданіи лошадей, за которыми побѣжали почтари. И такъ я ужъ проѣхалъ часть Малороссіи, которая обращаетъ на себя все мое вниманіе. Съ отмѣннымъ любопытствомъ прохожу и осматриваю все на здѣшней сторонѣ.

Сообщаю нѣкоторыя мои примѣчанія о простомъ народѣ.

Малороссіяне сохранили еще нѣчто изъ древняго своего характера. Они любятъ отечество и его славу; ибо слухъ ихъ привыкъ къ симъ

именамъ, и собственная слава ихъ всегда была тѣсно связана съ долгомъ патріотизма. Они помнятъ, что собственная рука ихъ защищала отечество противъ безчисленныхъ враговъ, и память Хмельницкихъ жива еще въ душахъ ихъ.

Хлѣбопашество занимаетъ малую часть ихъ времени и хозяйства. Они обработываютъ одинъ уголокъ земли для пропитанія себя въ теченіи года; вся прочая усадьба остается подъ лугами, на которыхъ зрѣетъ ихъ главное богатство, и гдѣ вскармливаются многочисленныя и тучныя стада воловъ. Они почитаютъ скотоводство лучшимъ способомъ жизни и вѣрнѣйшею наградою трудовъ своихъ.

Легко судить можно, что земледѣльное искуство находится еще здѣсь въ младенчествѣ; но для того, чтобъ оно процвѣтало, какъ въ Англіи, требуется уже нѣкоторое совершенство во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго художества и наукъ, которыхъ заря едва ли еще взошла на землѣ нашей.

Я видѣлъ круги семейства ихъ; — видѣлъ, что супруги любятъ другъ друга и дѣтей своихъ, также какъ дѣти любятъ своихъ родителей. Взаимная любовь производитъ въ ихъ домашнемъ хозяйствѣ лучшую гармонію и порядокъ, нежели власть и повиновеніе у насъ. Я рѣдко видалъ ссоры между ими; они не терпятъ ихъ, и согла-

сїе есть первымъ закономъ ихъ супружества.

Женщины добры, смирны и чадолюбивы. Онѣ стараются угождать самымъ тайнымъ желаніямъ мужей своихъ, и сердце ихъ привыкло ясно читать въ сердцѣ милаго человѣка. Дѣти служатъ имъ увѣшеніемъ а не тяготою, и вмѣстѣ залогомъ супружеской любви.

Законы супружества соблюдаются свято; рѣдкая женщина имѣетъ своего Чичисбея, извѣстнаго не подъ однимъ пламеннымъ небомъ Италіи, но и въ Сѣверѣ нашемъ между самымъ простымъ народомъ.

Дѣвицы напротивъ того имѣютъ довольно свободное обхожденіе; каждая изъ нихъ

есть Нарина (*), рѣзвая и привлекательная. Нѣтъ прекрасныхъ женщинъ; но всѣ онѣ имѣютъ выразительное лице, на которомъ написано пламенными чертами чувство души ихъ. Онѣ стройны и ловки для крестьянокъ. Одежда ихъ не безобразна. Бѣлое покрывало, называемое *наметъ*, одѣваетъ голову женщины, и виситъ распущенными концами; ленточка или повязка, изъ подъ которой выбираются волосы и переплетаются косами, украшаютъ головы дѣвушекъ.

Мущины носятъ такъ называемые *сиряки*; — всѣ брѣютъ себѣ не только бороды, но и часть волосъ на головѣ

(*) См. Voyage de F. le vaillant, tome I. page 370.

вокругъ лба и щекъ. Они имѣютъ вообще умныя лица.

Кажется, что самой вкусъ Малороссіянъ есть вкусъ изящнаго, и что онъ образовался по натурѣ, которая такъ великолѣпна передъ ихъ глазами. Всѣ деревни или хуторы ихъ расположены въ прекрасныхъ мѣстахъ; каждая хата, чистая и бѣлая окружена цвѣтущимъ садомъ со зрѣющими плодами; окны осѣнены осокорами или липами; у каждаго поселянина есть скрипка и любимая овечка въ стадѣ. Не кажется ли, что это самой просвѣщенной поселянинъ? Не такъ ли и Руссо и Клейнъ — Шпокъ любили натуру?

Малороссійской народъ достоинъ любопытства и можетъ быть славы, естьли

не одинъ наружной блескъ въ состоянїяхъ человѣческихъ заслуживаетъ уваженїе.

ПИСЬМО XX.

Кїевъ.

Дорога чрезъ Малороссїю отъ Курска къ Кїеву прекрасна; то цвѣтущіе луга, то зеленые лѣсочки, то долины увѣнчанныя пригорками увеселяютъ взоры путешественника. Но приближаясь къ Кїеву, сцена перемѣняется; лѣса рѣдки, земля пуста, селенїя бѣдны; — волшебство натуры исчезло.

Отъ Бориспольскаго (послѣдней станцїи къ Кїеву) ѣхалъ я около часа по ровному мѣсту, между влаж-

ныхъ болотъ, безъ удовольствїя для сердца и безъ прїятности для глазъ. Я ожидалъ увидѣть прекрасныя мѣста вокругъ Кїева — и не встрѣчалъ ничего, кромѣ степей. Летѣлъ мыслями къ предмету пламенныхъ моихъ желанїй — и движущїеся пески, какъ будто бы мнѣ въ досаду, препинали путь мой. Я терялъ терпѣнїе.

Въ самое то время, когда любопытство мое обвиняло въ медленности и пески, и природу, и лошадей, и проводника, зазеленѣлся густой сосновой лѣсъ, и немного повыше его, подобно блестящей точкѣ, сверкнула одна златая глава Печерской Лавры. Вотъ Кїевъ, твердилъ я самъ себѣ, вотъ Кїевъ,

и чувствовалъ радость. Мы въѣхали въ чащу бора.

Мрачныя сосны, возносящіяся къ облакамъ, опирались вѣковыми корнями на сыпучій бѣлой песокъ; святая древность цвѣла на ихъ кудрявыхъ вершинахъ; молчаніе, мракъ и ужасъ царствовали во внутренности бора. Я видѣлъ живъ разительной образъ того времени, когда Кіевское Княжество стенало подъ игомъ чуждыхъ народовъ, когда гремѣли цѣпи наложенныя рукою побѣдителя, и гибельное варварство производило явленія, однѣ другихъ ужаснѣйшія. Сіи мечтались мнѣ. Сѣдой старецъ, согбенной тяжестію лѣтъ, мертвой для радости жизни, но еще живой для любви къ отечеству,

возносилъ на небо томное око, моля его о спасеніи Царя своего, о спасеніи народа Русскаго: онъ стоялъ на колѣняхъ — послѣдній вздохъ жизни готовъ былъ въ жертву; но небо не принимало жертвы несчастнаго. Тамъ слабая женщина, оживленная материнскою любовію, сражалась за невинность дочери своей; злодѣи похищали ее — и цвѣтъ невинности увядалъ съ жизнію матери. Во мракѣ густаго лѣса, подъ меланхолической сосною, скиталась по песку блѣдная красавица, съ дикимъ взоромъ, съ распрепанными волосами; она искала слѣдовъ нѣжнаго юноши на войнѣ убитаго, и ожидала, чтобы взошелъ свѣтлый мѣсяцъ надъ его могилою.... Кажется, что рука

времени сохранила сей прочной сосновой лѣсъ для того, чтобы онъ осталася вѣчнымъ памятникомъ такихъ печальныхъ происшествій, и оживлялъ передъ глазами Исторію нашего отечества.

Лѣсъ мало по малу тѣрялся; зеленая отдаленная гора, бѣлыя кучи песковъ, нѣсколько блестящихъ главъ показывались сквозь рядъ деревьевъ, и опять за деревьями скрывались. Я напрягалъ зрѣніе, но — не могъ ничего видѣть. Одно любопытство мое воспалялось.

Наконецъ — перерывается преграда. Величественный Днѣпръ, въ синей равнинѣ, развивается нечувствительно передо мною. Я вижу Амфитеатръ горъ, возвышающихся

изъ уступовъ въ уступы, поддерживающихъ, подобно величественному пїедесталу, седмиглавую Печерскую Лавру, и церковь Андрея Первозваннаго, и подносящихъ сїи храмы къ самымъ облакамъ, какъ будто бы въ даръ небу отъ земли; — вижу красоты природы, величество Бога и твореніе ума человѣческаго: соединеніе всего, что есть изящнѣе въ предѣлахъ міра. — Вижу тысячи богомольцевъ спѣшащихъ къ берегу, тысячи народа, покрывающаго обширной лугъ передъ рѣкою, тысячи другихъ плывущихъ съ свѣтлымъ взоромъ благоговѣнія; — вижу множество женщинъ, высаженныхъ на другомъ берегу, крестящихся на небо, и съ смѣлостію взбирающихся на крутизну

горѣ, по тяжелому песку изъ любви къ трудамъ и Богу (*); — вижу все оное — переплываю самъ божественной Днѣпръ — лечу на верьхъ — и чувствую оживленіе всѣхъ жизненныхъ силъ. Холодные люди, холодные Философы! не посѣщайте сего мѣста; но вы, имѣющіе сердце и воображеніе, взгляните на сію живость, шумъ и толпу людей

(*) Я видѣлъ старушекъ, которыя всходили по самому крутому мѣсту горы и сказывали мнѣ сами, что онѣ такъ трудятся для Бога. — Число богомольцевъ, которые приходятъ всякое лѣто поклаяться Святымъ мощамъ, бываетъ до 60,000 человѣкъ, по счисленію одного любопытнаго. Въ мой пріѣздъ, было ихъ конечно не менѣе 10,000 на лугу передъ Днѣпромъ, въ лодкахъ и на другомъ берегу.

покланяющихся Богу, — и Кіевъ останется навсегда въ памяти вашей.

Мнѣ хотѣлось бы гулять по городу — и меня удерживаютъ; хотѣлось бы заглянуть подъ мрачные своды пещеръ, — и высокая гора стоитъ между ими и мною; хотѣлось бы насытить взоръ свой и первымъ храмомъ Христіанства (*), и жилищемъ Великаго Владиміра, и убѣжищемъ новыхъ Анахоретовъ, — но мракъ ночи скрывъ городъ, смѣется, кажется, моему нетерпѣнію.

Почти со слезами вхожу въ маленькую комнату нанятую мною. Она мнѣ кажется темницею. До раз-

---

(*) Т. е. церковь Андрея Первозваннаго.

свѣта не увижу Кіева. Какъ тяжело духу, когда онъ летѣть хочетъ, а ему подсѣкаютъ крылья!

Что жь дѣлать? Разбираю книги свои, выставляю дорожной письменной ящикъ и поселяюсь съ душею и мыслями въ новомъ кабинетѣ; тутъ буду возвращать вѣки скрытыя во мракѣ временъ; тутъ буду вопрошать нѣни людей и непремѣнные законы натуры; тутъ буду наконецъ бесѣдовать съ друзьями о произшествіяхъ, объ судьбѣ земныхъ вещей и объ моихъ чувствахъ.

Спѣшу спать; ибо за сномъ ожидаетъ меня удовольствіе.

ПИСЬМО XXI.

Кіевъ.

Нетерпѣніе пробуждаетъ меня въ 4 часа утра. Ужъ я готовъ бѣжать; но вдругъ новая мысль меня удерживаетъ: *ко мнѣ есть вѣрно письма отъ друзей моихъ.* Простите, мѣста прекрасныя! Прости Кіевъ! Прости первое нетерпѣніе! Все забылъ; бѣгу на Почту.

Ахъ! любить и быть любимымъ есть первое земное благо! Съ какимъ сладкимъ чувствомъ читалъ я письма друзей моихъ! Эта минута заплатила мнѣ и за долговременную неизвѣстность и за разлуку. Какъ

нѣжно пѣняетъ мнѣ дружба за то, что я лишилъ ее утѣшенїя прощаться и проливать слезы! Какъ трогательно пишетъ любезный Д*** о дѣйствїи произведенномъ въ немъ моею комнатою, и о пустотѣ, которую мое отсутствїе оставило въ душѣ его. Слова: mais dissipons le nuage et n' en parlons plus — сїи слова до слезъ меня растрогали. Такъ! Ангелы завидуютъ конечно сердечнымъ союзамъ смертныхъ!

Наконецъ сердце мое удовлетворено, и я иду насытить любопытство мое, столько разъ перерываемое другими предметами; — иду взглянуть на картину Кїева.

Въ самомъ дѣлѣ величественная картина! Съ одной стороны Печерская крѣпость

съ ея предмѣстіями, съ ея зеленымъ валомъ, занимаетъ высокую гору надъ Днѣпромъ; съ другой стороны на нѣсколькихъ холмахъ съ Михайловскимъ и Софійскимъ монастыремъ, въ видѣ замковъ съ домами и садами, лежитъ старой Кіевъ; въ низу къ самому Днѣпру, подобно остроконечному мысу, у подошвы высокой горы видѣнъ *Подолъ*, украшенной также громадою зданій.

Златыя главы, отъ которыхъ сыплются огни и искры, зеленые холмы окружающіе Печерскую Лавру, Днѣпръ сверкающій отъ игры лучей солнечныхъ, барки разсѣкающія его волны съ шумомъ, лучезарное солнце, котораго злато со златомъ куполовъ переливается изъ

блеска въ блескъ, противоположной берегъ, гдѣ, кажется, небо и вода сливаются, и гдѣ тонкая зеленая опушка означаетъ горизонтъ; все сіе образуетъ такую картину, такое мѣстоположеніе, такое очарованіе, что всѣ чувства трогаются, одно за другимъ, самымъ пріятнѣйшимъ образомъ.

Естьли любовь къ природѣ и къ изящному могла бъ когда нибудь угаснуть въ душѣ человѣческой, то одинъ взглядъ на Кіевъ возжегъ бы ее снова.

ПИСЬМО XXII.

Кіевъ.

Дорога, идущая къ Печерской Лаврѣ черезъ валъ и крѣпость того же имени, обѣщаетъ нѣчто пріятное. Подъемные мосты украшенные зеленьми перилами, ворота высѣченныя изъ камня и перегибающіяся надъ головою, бульваръ покрытый свѣжею зеленью, которая никогда не мялась подъ ногою человѣческою: все сіе увеселяетъ взоры. Внутри крѣпости возвышается арсеналъ, котораго архитектура есть самая великолѣпная, но еще неокончанная. Приближась къ стѣнамъ Печерской Лавры,

видишь на святыхъ воротахъ праведныхъ Мужей, оживленныхъ конечно не кистію Эспаньолета (*), но святыхъ и праведныхъ въ лицѣ своемъ. Вы проходите ворота, и за ними представляется вамъ восхитительное зрѣлище. Толпа людей покланяется Богу въ преддверіяхъ храмовъ и на помостѣ; толпа народа гуляетъ, шумитъ и тѣснится вокругъ святыхъ мѣстъ; множество великолѣпныхъ зданій возвышаются въ стѣнахъ монастыря, и въ тѣни храмовъ прикасающихся къ облакамъ, сре-

(*) Славной живописецъ, который въ одной Неапольской церквѣ (Eglise des chartreux) написалъ мастерски образа из ти Пророковъ.

ди краснорѣчія Религіи, среди Божіяго Величества, преклоняются къ землѣ тысячи келій, убѣжища мира и невинности, и каждая келья осѣняется столѣтними деревьями, и передъ каждою кельею цвѣтетъ садикъ. Вы смотрите — трогаетесь, и живо, живо чувствуете, что Богъ и природа остались единымъ, но совершеннѣйшимъ благомъ пустынниковъ.

Успенской Соборъ есть первая церковь и достойнѣйшая примѣчанія. Нѣсколько разъ рука непріятеля разрушала сей храмъ святости, и нѣсколько разъ неутомимая ревность сооружала новой храмъ на его развалинахъ. Наконецъ время, и конечно небо въ награду вѣрной набожности пощадили его; онъ

существуетъ нынѣ во всей цѣлости и славѣ. Образа, украшающіе иконостасъ, осыпаны дарами вѣрныхъ сыновъ церкви. Другія украшенія подарены Россійскими Государями; рака святаго Ѳеодосія посеребренная и позолоченная — Княземъ Георгіемъ; дискосъ со звѣздою, два золотыя блюдца и копье съ золотою рукояткою — Императрицею Анною; престолъ и жертвенникъ, цѣною въ 10000 руб. — Императрицею Елисаветою. Судите о богатствѣ всего прочаго, чѣмъ Вѣра и Любовь украшали церковь, что усердіе вышивало для одѣянія священнослужителей, что набожность въ кладъ полагала.

На лѣвой рукѣ отъ большаго входу написаны на стѣ-

къ портреты великихъ мужей нашего отечества. Великіе Князья и Малороссійскіе Гетманы являются одинъ за другимъ, къ великому удовольствію того, кто любитъ отечество и славные подвиги его сыновъ.

Вотъ и тотъ славной Хмельницкой, которой умѣлъ освободить своихъ соотечественниковъ отъ ига Польши; ему обязана Малороссія своимъ спасеніемъ. Онъ достоинъ признательности народа, и народъ, чувствующій сію признательность, достоинъ такого начальника.

Князь Острозской, изваянной изъ бронзы, лежитъ на одрѣ, подъ балдахиномъ, и онъ имѣетъ право на при-

знательность Малороссійскаго народа. —

Взглянемъ съ чувствомъ на прочихъ Князей и Гетмановъ, которые болѣе или менѣе благодѣтельствовали роду человѣческому, и будемъ особливо искать между ими *Наливайко*, которой также защищалъ права своихъ соотечественниковъ передъ Поляками съ жаромъ Демосѳена и съ мужествомъ Хмельницкаго, хотя, будучи несчастливѣе сего послѣдняго, онъ погибъ жертвою своего патріотизма. Тщетно будемъ искать его; — нѣтъ сего великаго мужа! но Исторія не можетъ забыть имя его.

Приближимся къ лѣвому крылосу. Тутъ скрытъ прахъ другаго Героя; того,

которой вооружался мечемъ крови не изъ любви къ славѣ, но изъ любви къ отечеству; пораялъ по долгу, и щадилъ по сердцу; переходилъ, какъ Цинцинната, отъ сохи къ оружію, отъ шума къ тишинѣ, и наконецъ въ нѣдрахъ тихаго уединенія наслаждался зарею славы и вечеромъ жизни. Поклонимся праху Героя Задунайскаго, нашего Евгенія!

Какая прекрасная мысль была поставить въ храмѣ Бога памятники великимъ людямъ! Къ Источнику всего великаго должно возвратиться все великое. — Молящійся Христіанинъ, взирая на портреты славныхъ мужей, вспоминая жизнь ихъ, посвященную трудамъ и пользѣ согражданъ своихъ, воспла-

менится усердіемъ къ заслугѣ, къ отечеству, а особливо къ Религіи, которая такъ награждаетъ подвиги сыновъ своихъ. *И я хочу имѣть безсмертное имя*, воскликнетъ онъ, и обратится отъ ничтожества къ дѣятельности, первой цѣли бытія. Ахъ! я радовался, что Религія предаетъ вѣчности имена Героевъ; — радовался, что въ нѣдрахъ новаго Сіона заключается другое Вестминстерское Аббатство.

Колокольня, цѣною въ 88000 рублей, представляетъ прекрасной осмиугольникъ объ четырехъ этажахъ, украшенныхъ 64 колоннами Коринѳическаго, Іоническаго и Дорическаго ордена. Между соборной церковой и колокольнею возвышается четверо-

угольной и остроконечной столбъ. Одна сторона показываетъ часы или время не въ одномъ Кіевѣ, не въ одной Россіи, но во всемъ извѣстномъ мірѣ, въ Парижѣ и Пекинѣ, въ Тобольскѣ и въ Филадельфіи; другая сторона показываетъ раздѣленіе времени по тѣни и по примѣру древнихъ народовъ; третья сторона являетъ солнечные и лунные часы; четвертая звѣздные. На верьхнемъ четвероугольникѣ означаются четыре кардинальныя точки.

Не льзя не замѣтить слѣдующихъ надписей на семъ столбѣ:

1.

Mortel qui cherches l'heure où tu vois du (soleil la lumiere,
Pense que doit être celle où tu ferme- (ras la paupiere.

2.

L'ombre fuit:
La mort vient.

Я не читалъ другихъ надписей, которыя тутъ находятся.

Объ церквахъ: Петра и Павла, Троицы, Николая и проч., находящихся во внутренности Лавры, описанныхъ въ другихъ мѣстахъ для любопытствующихъ, не буду говорить. Я взглянулъ на нихъ.

ПИСЬМО XXIII.

Кіевъ.

Низенькой человѣкъ съ сѣдою бородою въ черномъ клобукѣ, въ черной одеждѣ — словомъ,

монахъ, давъ мнѣ въ руки нѣсколько слѣпленныхъ и горящихъ свѣчь, подобныхъ возженному факелу, повелъ меня въ низъ подземнымъ ходомъ подъ мрачные своды. Свѣтъ дневной скрылся; надъ головою сгибались своды, подъ ногами звучалъ желѣзной помостъ; тишина и мракъ окружали насъ. Казалось, что безмолвная вѣчность воцарялась со стономъ на развалинахъ временъ и человѣчества. Я содрогался.

Около четверти часа шли мы узкими темными проходами, не говоря ни слова; одинъ топотъ ногъ прерывалъ глубокое безмолвіе; наконецъ голосъ моего монаха загремѣлъ подъ сводомъ. „Вы видите — сказалъ онъ, не каменные, но земляные своды;

рука времени не могла поколебать ихъ въ теченіи полвѣка; — такое чудо есть дѣло одного Бога. Подъ низкими сводами, въ смертельной сыростіи проводили дни святые пустынники. Тщетно искушеніе колебало ихъ сердце, тщетно страсти волновали ихъ чувства; они превозмогли страсти и искушенія, и вѣнецъ страдальческой сдѣлался ихъ наградою. Это ихъ мощи. "

Мы продолжали итти тихими шагами вдоль узкаго коридора, между рядовъ мощей, видя по обѣимъ сторонамъ затворенныя окошечки, за которыми скрывались отъ міра и людей люди, сотворенные Богомъ для угожденія сему самому Богу. Я благоговѣлъ въ молчаніи.

Вдругъ въ одномъ углу подъ покрываломъ представилась одна голова и плеча; прочія части тѣла скрывались въ землѣ. „Это мощи, сказалъ мнѣ мой путеводитель, Іоанна многострадальнаго, которой закопался въ землю до самыхъ плечь, и такъ окончилъ жизнь свою. Теперь онъ переселился на небо; но тѣло его сохранилось нетлѣнно.„

Воображеніе мое представило себѣ живо святаго Іоанна. Я видѣлъ — видѣлъ, кажется, собственными глазами, какъ творилось сіе истинное чудо, какъ Іоаннъ многострадальный зарылъ себя въ сырую землю, какъ холодъ разливался по его жиламъ, какъ черви снѣдали еще живое тѣло, какъ кровь

леденѣла, какъ замиралъ послѣдній духъ его, объятый ужасомъ смерти и ушѣшенный надеждою вѣнца небеснаго. Священной трепетъ овладѣлъ мною, и взоры мои сквозь каменные своды, сквозь нетлѣнные прахи летѣли успокоиться на небо.

Мы вышли изъ пещеры; благоговѣнїе было въ душѣ моей, и я взглянулъ на солнечной свѣтъ съ тихими слезами. Природа и Богъ показались мнѣ величественнѣе, нежели когда нибудь: — я искалъ осязать ихъ; они были для меня милы. Зелень, которая осѣняла окны коридоровъ, рѣка Днѣпръ, которая за ними омывала подошву горы, живость птичекъ и людей, бїенїе собственнаго моего сердца давали мнѣ чув-

ствовать бытіе мое живѣе, нежели когда нибудь. Я готовъ былъ упасть на колѣни и благодарить Бога за мое чувство.

Естьли хотите знать число всѣхъ мощей въ пещерахъ, то ихъ съ лишкомъ сто, между которыми замѣтилъ я особливо Нестора нашего лѣтописца, Илію Муромца, и младенца убитаго градомъ.

ПИСЬМО XXIV.

Кіевъ.

Гдѣ нѣкогда кровь человѣческая лилась ручьями, гдѣ мечи сверкали и спрѣлы летали, гдѣ Печенѣги испы-

тали силу Кіевлянъ, и гдѣ наконецъ побѣда увѣнчала будущихъ сыновъ славы; тамъ Князь Ярославъ I., какъ величественной трофей, воздвигнулъ церковь, которая и нынѣ называется Софійская. На развалинахъ человѣчества, естьли можно такъ сказать, на прахѣ людей люди теперь покланяются Богу и молятъ за жертвы любви къ отечеству.

Сему самому Князю, побѣдителю Печенѣговъ, воздвигнутъ въ сей церквѣ бѣлой мраморной монументъ, и не смотря на его заслуги глядимъ на сіе мѣсто сухими глазами. Отъ чего, спросите вы? Отъ того, что искуство не умѣло еще быть искуствомъ; отъ того, что Артисты не были тогда еще

вмѣстѣ и Поэтами, Философами, живописцами; отъ того, что для совершенства художнической работы надобно мыслить, чувствовать, и потомъ оживлять; отъ того, что никакая Поэма, никакая картина, никакая статуя не будетъ имѣть надъ нами дѣйствія, если-ли она, хотѣвъ тронуть одно изъ чувствъ нашихъ, не тронетъ вмѣстѣ разума и сердца, которыя суть главныя наши способности.

Но въ сей же самой церквѣ есть прекрасное произведеніе искуства. Надлежало украсить храмъ, — и вдругъ является человѣкъ съ нѣсколькими камешками въ рукахъ, съ мастикою и молоточкомъ. Онъ приноравливаетъ камешекъ къ камешку,

отмѣняетъ — потѣетъ, и подъ творческою рукою родится — образъ Богородицы. Работа продолжается — и двенадцать Апостоловъ, во весь ростъ оживляются на стѣнѣ. Еще нѣсколько ударовъ молотка — и четыре Евангелиста являются передъ вами. Вы угадали, что я говорю объ мозаикѣ, которая еще и въ древнія времена была извѣстна подъ названіемъ *мусія*, и которая украшаетъ часть свода въ олтарѣ.

Батый въ нападеніи своемъ на Кіевъ не пощадилъ сего произведенія. Это одно осталось отъ большой мозаической піесы.

Хотите ли вы присутствовать при рожденіи Христа? Хотите ли видѣть Богородицу и Богочеловѣка?

Взгляните на картину висящую въ Софійской церкві при входѣ.

Марія, держа младенца на рукахъ, смотритъ на него, стоя въ задумчивости и наклонивъ голову на лѣвое плечо. Лице ея представляетъ красоту во всѣхъ совершеннѣйшихъ соразмѣрностяхъ, во всемъ пространствѣ красоты, но красоты не человѣческой, а небесной. Нѣчто святое сіяетъ на возвышенномъ челѣ ея: глаза, осѣненные черными рѣсницами и потупленные на младенца, открыты только до половины; она хочетъ кажется улыбнуться, и въ улыбкѣ ея едва, едва примѣтной, сердце чувствуетъ высокое опредѣленіе новорожденнаго и счастіе матери. Тайна сего рож-

денїя читается на лицѣ Маріи. Младенецъ покоится на рукахъ ея, и заря Божества изливается изъ его взоровъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ, сидятъ на зелени, играютъ и смѣются пастухи; одинъ изъ нихъ улыбается на Марію; улыбка его есть, кажется, предчувствїе великой радости земнородныхъ. Волхвы внимаютъ съ восторгомъ пѣнїю Ангеловъ, которые въ облакахъ спускаются на землю.

Сія картина списана, какъ мнѣ сказывали, съ Италїанской; копїя даетъ предчувствовать красоту оригинала. Ни имени живописца, ни имени кописта нѣтъ на картинѣ.

ПИСЬМО XXV.

Кіевъ.

Десятинная церковь построена великимъ Княземъ Владимiромъ 1мъ. Въ ней нѣтъ ничего примѣчательнаго; но въ ней скрыты были священные остатки Владимiра и Ольги. Но гдѣ же гробъ сего великаго Героя, которой просвѣтилъ народъ свой, прославилъ его, и имѣлъ Пѣвца, себя достойнаго? Гдѣ гробъ великой жены, которая была предтечею Елисаветъ и Екатеринъ? Ищу — и не нахожу ихъ. Время загладило слѣды тѣхъ мѣстъ, гдѣ покоились драгоцѣнные прахи. Нѣтъ мавзолеевъ,

нѣтъ памятниковъ; но память *великихъ* не исчезаетъ въ мірѣ, и сынъ отечества въ мысляхъ покланяется тѣнямъ ихъ.

ПИСЬМО XXVI.

Кіевъ.

Вотъ гора Андрея Первозваннаго!

Прекрасные виды! прекрасное мѣсто!

На сей горѣ воздвигнуто было знаменіе того священнаго ученія, которое заключаетъ въ великомъ семействѣ людей союзы братскаго дружества, возвѣщаетъ устами Божества законы сердца и природы, и показываетъ за земными бурями тихое

пристанище и блестящую звѣзду вѣчности.

Такъ, сія гора достойна того, чтобы разцвѣло на ней древо Христіанства; достойна того, чтобы новой Боссюетъ гремѣлъ на ней съ душевнымъ краснорѣчіемъ въ присутствіи народовъ о сладостяхъ сердечной вѣры и о величествѣ миролюбиваго Бога.

Какъ великолѣпно возвышается церковь Андрея Первозваннаго! Крестъ мира сіяетъ въ рукѣ Апостола; тысячи столбовъ прикасаются къ облакамъ и соединяютъ, кажется, небо съ землею. Къ подошвѣ горы смиренно преклоняются жилища чадъ и сыновъ Бога. Прекрасна и цѣпь каменныхъ ступеней, служащая кажется эмблемою

лѣствицы, которая соединяетъ Бога съ человѣкомъ, и по которой духъ послѣдняго возносится къ величеству Перваго.

Бѣгу на гору съ живостїю — всхожу на верьхъ, и обнимаю однимъ взоромъ театръ великихъ произшествїй.

Отсюда вижу я и Крещашикъ, и на немъ великолѣпнѣйшее зрѣлище.

Утреннее солнце сїяетъ во всемъ блескѣ своемъ; ни одно облачко не помрачаетъ голубаго свода; сладкой зефиръ тихо струитъ воздухъ; всѣ стихїи пребываютъ въ нѣкоторой гармонїи; кажется, будто природа возвѣщаетъ день великаго торжества.

Въ самомъ дѣлѣ посреди краснаго дня, посреди все-

игрной тишины несутся волны людей къ Днѣпровской песчаной отмѣли. Старцы и младенцы, богатые и нищіе, властелины и невольники, въ одной шумной толпѣ, въ смѣшеніи чувствъ и состояній, текутъ въ слѣдъ за соборомъ священнослужителей, за развѣвающимися хоругвями, за блестящими крестами, за почтеннымъ пастыремъ, которой величественно шествуетъ впереди, ведя за собою кроткое стадо къ Источнику вѣры и благодати. Солнце озаряетъ шествіе лучами своими — солнце озаряетъ лица свѣтлыя отъ благоговѣнія — солнце озаряетъ сладкую надежду во глубинѣ сердецъ.

Все приближается къ Крещенику — и толпа прежде

движущаяся подобно бурному морю, пребываетъ вдругъ неподвижна. Никто не дышетъ; кажется, что нѣтъ ни голоса, ни движенія въ мірѣ.

Въ семъ глубокомъ безмолвіи, священный пастырь возвѣщаетъ гласомъ Ангела, что есть высочайшее Существо въ мірѣ, предвѣчная Причина разума и чувствительности, что Оно является намъ въ блестящемъ феноменѣ творенія, въ дыханіи насѣкомой и въ жизни цвѣточка, въ теченіи свѣтилъ небесныхъ и въ движеніи сердца человѣческаго, что Его всемогуществу угодно было возжечь искру жизни во всѣхъ частицахъ мертвой матеріи, и населить чувствительными существами безмолвныя

пустыни вселенной, что любовь Его къ тварямъ есть любовь совершеннѣйшая, несравненная, что она питаетъ птенцовъ безпомощныхъ, покоитъ младенцевъ, и печется съ нѣжностію о человѣкѣ до послѣднихъ дней его; что рука Его покрываетъ щитомъ добродѣтельнаго и щадитъ законопреступника, что воля Его даетъ торжествовать пороку и позволяетъ страдать добродѣтели, но скрываетъ внутреннее мученіе подъ наружнымъ блескомъ первато; и свѣтлую душу въ скромной тѣни послѣдней; что благость Его подаетъ подпору въ слабостяхъ, сочувствуетъ горестнымъ и отираетъ слезы отчаянныхъ; что наконецъ Его правосудіе ожидаетъ насъ къ престолу

вѣчности, въ нѣдра высочайшей любви, къ неизъяснимымъ радостямъ, которыя ощущаютъ дѣти въ объятіяхъ отца . . . . . Первосвященникъ преклоняетъ колѣна предъ Богомъ вселенной.

Въ одно мгновеніе всѣ преклоняютъ колѣна свои; въ одно мгновеніе милїоны рукъ возносятся къ небу; въ одно мгновеніе милїоны людей покланяются единому Богу въ мїрѣ. Во всѣхъ глазахъ блестятъ слезы; во всѣхъ сердцахъ сїяетъ вѣра; во всѣхъ устахъ безмолвствуетъ радость; кажется, будто одинъ гласъ небеснаго благословенія гремитъ въ воздухѣ.

Первосвященникъ возстаетъ — новые Христїане приближаются къ нему —

и онъ погружаетъ ихъ въ воду. Обрядъ крещенія во имя основателя Христіанства совершается.

Уже радостныя восклицанія раздаются въ воздухѣ и во всѣхъ сердцахъ; святые гимны въ честь Божества проникаютъ твердь небесную; люди обнимаютъ другъ друга, враги примиряются, и миролюбивое соединеніе людей на землѣ доказываетъ всѣмъ ясно, что Богъ проповѣдуемый Христіанствомъ есть Богъ истинный и благій.

Ахъ! могу ли выразить слабымъ языкомъ тѣ трогательныя явленія, которыя въ сію минуту мнѣ представляются?

Тамъ прекрасная отроковица, встрѣтивъ прекраснаго отрока, обнимаетъ его и го-

воритъ ангельскимъ гласомъ: „На небѣ живетъ всеобщій Отецъ нашъ; мы братія. . . Мы должны любить другъ друга.„ — И милой строкъ улыбается. Сѣдой старецъ въ нѣсколькихъ шагахъ, свидѣтель трогательной сцены, отираетъ сладкую слезу.

Далѣе двѣ женщины пораженныя потерею всего, что было для нихъ драгоцѣннѣе въ мірѣ, разлученныя смертію съ милыми людьми, улыбаются въ первой разъ въ жизни. Нѣтъ въ мірѣ любезныхъ для ихъ сердца, но есть вѣчность; душа не разрушается съ тѣломъ — онѣ соединятся, и соединятся на вѣки. Надежда *безсмертія* возвращаетъ душу и жизнь отчаянныхъ.

Тутъ нѣжной отецъ ведя сына за руку, бесѣдуетъ съ нимъ о долгѣ Христіанина. Первой долгъ нашъ есть посвятить жизнь свою истинѣ, добродѣтели и человѣчеству. Богъ есть Царь вселенныя; законъ Его есть святой и ненарушимой; все земное должно преклониться предъ престоломъ Его правосудія, презрѣвъ низкія страсти и предразсудки, которые нарушаютъ благородный санъ человѣка. Истинный Христіанинъ полагаетъ жизнь въ исполненіи должностей своихъ и своего опредѣленія, наслажденіе страстей въ страсти къ добрымъ дѣламъ, славу въ распространеніи святыхъ истинъ, служащихъ къ благоденствію рода человѣческаго. Славнѣе быть въ

тѣни. Героемъ добродѣтели и славы, нежели злодѣемъ въ блескѣ и торжествѣ. Прекрасно защищать истинну, не взирая на безчисленныхъ враговъ ея. Блаженъ, кто приноситъ ей въ жертву жизнь свою. Онъ погибаетъ подъ ударами смертоноснаго грома; злодѣйская нога попираетъ прахъ добродѣтельнаго; зависть помрачаетъ имя его — но звукъ истинной славы тихо повторяясь изъ вѣка въ вѣкъ, загремитъ въ потомствѣ, которое передастъ вѣчности имя Героя. — Молодой человѣкъ, внимая симъ великимъ истиннамъ, воспаляется любовію къ изящной нравственности; взоры его сверкаютъ, и онъ облетаетъ мыслями подсолнеч-

ную, чтобы защищать притѣсненныхъ, слабыхъ, обиженныхъ.

Ахъ! я часто буду съ сими мыслями приходить къ Крещатику.

ПИСЬМО XXVII.

Кіевъ.

Войдемъ въ церковь Архистратига Михаила.

Внутреннее и внѣшнее великолѣпіе церкви сего имени есть нѣчто болѣе, нежели великолѣпіе; снаружи златоглавый куполъ пылаетъ въ лучахъ солнечныхъ; внутри иконостасъ, вырѣзанной изъ золота рукою худож-

ника, подобно древеснымъ листьямъ, служитъ величественною рамою для образовъ, въ немъ поставленныхъ. Живопись, какъ и во всѣхъ другихъ церквахъ, не умѣла еще вознестись до главной цѣли живописнаго искуства, до изящнаго въ мысляхъ, до того, чтобы зрѣніе плѣняясь красотою, передавало сердцу и уму чувство сей самой красоты.

На лѣвой рукѣ, на треножникѣ, возвышаются четыре колонны и поддерживаютъ балдахинъ; подъ нимъ, въ богатой ракѣ, лежатъ мощи великомученицы Варвары. Золото сіяетъ въ столбахъ; золото блеститъ на покровѣ; золото, брилiанты и жемчугъ украшаютъ паникадило; но сіе богатство,

сіе великолѣпіе, сіи лучи поздной славы представляютъ вдругъ ужасное зрѣлище.

Женщина, съ дѣвическою невинностію въ душѣ и взорѣ, съ глазами обращенными на небо, съ глазами полными страдальческихъ слезъ, но успокоенными сладкою надеждою, споитъ, какъ смиренная агница — и рука варварскаго палача раздираетъ грудь ея раскаленнымъ желѣзомъ, и рука другаго сѣчетъ нѣжное тѣло ея — и отецъ, свирѣпой отецъ, палачь родной дочери съ яростью въ душѣ и взорахъ, изливаетъ на нее чашу смерти, и бѣдная страдалица безъ жалобы, безъ стенанія, въ угожденіе Богу, спокойно испускаетъ послѣдній вздохъ подъ

сѣкирою. Какое торжество Религіи! какое страданіе человѣчества!

Сіи мученія представлены, каждое порознь, на иконостасѣ; орудія мучительства въ рукахъ злодѣевъ, держутся руками Ангеловъ, стоящихъ по сторонамъ балдахина съ разпростертыми крыльями.

Злодѣи! преступники! посѣтите святой прахъ великомученицы Варвары, если хотите, чтобъ сердце ваше смягчилось. А вы, люди человѣколюбивые, други всѣхъ людей и народовъ, истинные Христіане! посѣщайте сіе мѣсто для того, чтобы питать въ себѣ духъ кротости.

ПИСЬМО XXVIII.

Кіевъ.

Святилище искуствъ и наукъ, получившее свое имя отъ Грековъ, гдѣ древле Платоны бесѣдовали съ учениками своими, гдѣ зеленѣли Лицеи ученыхъ, гдѣ мудрствовали и наслаждались Аристиппы — Академію, однимъ словомъ, видѣлъ я сегодня въ стѣнахъ братскаго монастыря.

Я пришелъ требовать позволенія видѣть Академію, и нашелъ у Префекта собраніе духовныхъ, Архимандрита съ блестящимъ бриліантовымъ крестомъ, Ректора въ Орденѣ Св. Анны и иноже-

ство монаховъ. Это былъ день диспутовъ, и господинъ Префектъ пригласилъ меня съ собою въ Академію. Скоро пришли извѣстить Префекта, и все духовенство пошло туда.

Зданіе древнее, но достойное служить театромъ Академическихъ лекцій, возносится съ прекрасною галлереею и колоннадою въ стѣнахъ монастыря. Въ огромной залѣ, на каѳедрѣ, студентъ ожидалъ слушателей; хоръ пѣвчихъ встрѣтилъ духовенство; всѣ сѣли по своимъ мѣстамъ, и студентъ принявъ благословеніе Архимандрита, началъ говорить на Латинскомъ языкѣ. Послѣ того начались споры.

На листкѣ поданномъ при входѣ написаны были утверж-

даемые и оспориваемые вопросы: I. Не можно вѣрно основать понятія о вещахъ безъ Метафизики. II. Существо вещи есть необходимое, вѣчное, непремѣнное и несообщаемое, и проч. и проч.

Кажется, что говорено было только о томъ, что было затверженo наканунѣ; по крайней мѣрѣ движеніе физіогноміи не показывало, чтобы умъ работалъ и искалъ доказательствъ. Однакожь нѣкоторой жаръ оживлялъ говорящихъ; я самъ почувствовалъ огонь въ груди своей, видя бой умовъ, и горѣлъ желаніемъ имѣть способности, чтобы быть Атлетомъ въ блестящей Аренѣ.

Вышедши оттуда, думалъ я, какъ пріятно и полезно бы было, чтобъ такіе

споры произходили чаще въ обществѣ людей, чтобъ Филозофы и моралисты, Метафизики и Юрисконсульты, Скептики и Теологи, представляли свои системы, защищалибъ свое мнѣніе, каждой въ свою очередь, и истощали искуство краснорѣчія и умствованія; чтобы Руссо, доказывая безсмертіе души Волтеру, извлекалъ слезы изъ глазъ послѣдняго; чтобы какой нибудь Монтескьё гремѣлъ противъ Махіавеля, противъ проповѣдниковъ безначалія и рушителей гражданскаго порядка; чтобы Фонтенелъ, осыпанной дарами счастія, чернилъ страсти въ то время, когда Юнгъ, пораженный въ нѣжнѣйшихъ чувствахъ сердца, признавалсябъ, что страсти и чув-

ствительность бываютъ источникомъ горести, но вмѣстѣ и такихъ радостей, для которыхъ много страдать можно. Я думалъ объ тѣхъ Аѳинскихъ площадяхъ, гдѣ собирались Стихотворцы и Ораторы, ученый и полуученый, Философы и Софисты, гдѣ разсуждали о важнѣйшихъ предметахъ для человѣчества, гдѣ произходили тѣ восхитительные споры, которые описалъ намъ краснорѣчивой отецъ Анахарсиса и творецъ Аглаи перомъ новаго Бартелеми.

Отсюда прошелъ я взглянуть на библіотеку Академіи. Въ ней было много рѣдкихъ манускриптовъ; пожаръ похитилъ сіе сокровище, но осталось много хорошихъ книгъ, которыя составляютъ

библіотеку вкуса и выбора. Я замѣтилъ съ удовольствіемъ книгу о законахъ, писанную самимъ Геніемъ, по справедливости наименованную Духомъ закона, достойную Монтескье и ума человѣческаго, — Эмиля, единственнаго въ своемъ родѣ, гдѣ умъ говоритъ языкомъ сердца, гдѣ Философія въ устахъ Граціи, и краснорѣчіе въ страстяхъ, — Пѣвца всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ, которой произвелъ Виргилія, сіялъ съ новой славой въ славѣ своихъ подражателей, и остался одинъ въ своемъ родѣ выше Тасса, Мильтона и самаго Клопштока; — наконецъ множество твореній древности и твореній новѣйшихъ, гдѣ вкусъ, ученость и Философія положили печать свою.

Я не заѣхалъ запасной храмины знаній и заблужденій человѣческихъ — Энциклопедіи.

ПИСЬМО XXIX.

Кіевъ.

Вотъ церковь Святаго Василія.

На семъ мѣстѣ стоялъ домъ Князя Владиміра.

Передо мною зеленѣетъ и тотъ холмъ (*), гдѣ человѣкъ обожалъ твореніе рукъ своихъ, и низвергнулъ его въ ничтожество тою же самою рукою; гдѣ громодер-

(*) Извѣстно, что Перунъ стоялъ передъ самымъ Владиміровымъ домомъ.

жецъ Перунъ, истуканъ изваянной искусствомъ человѣческимъ, посѣлялъ трепетъ въ душѣ громодержавнаго Царя и Героя.

Стоя на семъ холмѣ, взоры покоются на прекрасномъ горизонтѣ. Владимiръ сидѣлъ конечно часто на семъ мѣстѣ, предавался глубокимъ размышленiямъ, и колебался уже заранѣе во мнѣнiи своемъ о идолопоклонствѣ. Вѣрю, что сидя на семъ высокомъ холмѣ, взирая на ясное небо вокругъ его развивающееся, на рѣку шумящую съ нѣкоторымъ величествомъ, на горы и долины; обтекая взоромъ красоты горизонта, и чувствуя тайное восхищенiе, онъ самъ призналъ Творца въ мiрѣ. Мнѣ кажется, будто я вижу сей великой

часъ; великолѣпная картина природы сообщила ему понятіе о Богѣ, и онъ поклонился Его величію.

Не въ семъ ли же самомъ Владимірovомъ жилищѣ было покушеніе на жизнь его, и самое трогательное приключеніе?

Рогнеда, распаленная мщеніемъ, захотѣла нѣкогда, чтобы объятія любви и наслажденія превратились для ея супруга въ объятія смерти. Женщина вознесла убійственную руку на своего любимца, и въ то самое время, когда онъ покоился въ сладкомъ снѣ на груди ея; но — Владиміръ просыпается въ сію самую минуту. Вообразите его пробужденіе. Рука, которая нѣжно его ласкала,

держитъ кинжалъ надъ нимъ; дикая свирѣпость сверкаетъ въ тѣхъ взорахъ, гдѣ нѣкогда сверкали любовь и нѣжность. Онъ видитъ адскую блѣдность и трепетъ на тѣхъ самыхъ устахъ, на которыхъ улыбались розы, и пылали поцѣлуи. Онъ удерживаетъ руку несчастной; кинжалъ выпадаетъ, убійца обезоружена; но кажется, что ярость и мщеніе пролились въ Рогнединомъ взорѣ во глубину сердца Владимїра. Онъ самъ вооружается кинжаломъ, которой былъ устремленъ противъ него, и назначаетъ часъ казни для той, которая хотѣла устроить гробъ ему. Уже на другой день Рогнеда ожидала смерти. Наступаетъ назначенной часъ. Владимїръ вбѣ-

гаетъ, чтобы совершить наказаніе преступницы, какъ вдругъ видитъ бѣгущаго къ себѣ младенца съ обнаженнымъ кинжаломъ. Это невинной младенецъ — это сынъ его, это залогъ прежней любви. Онъ бросается на колѣни предъ отцемъ и требуетъ, чтобы онъ пощадилъ мать его, или пронзилъ грудь, собственную грудь его. Я остаюсь сиротою въ мірѣ, восклицаетъ младенецъ, и слезы перерываютъ рѣчь его. Владиміръ изумленный пребываетъ безмолвенъ. Не сражается ли онъ съ самимъ собою? . . . Нѣтъ... чувство природы погасило мщеніе; но онъ наслаждается несравненными минутами. Ему хотѣлось бы продлить ихъ, хотѣлось бы долѣе видѣть

у ногъ своихъ сына умоляюща-го отца за жизнь матери, и чувствовать, какъ природа сладко торжествуетъ въ душѣ его. Я читаю это въ лицѣ Владимїра. Онъ молчитъ, но молчанїе его краснорѣчиво; — едва онъ можетъ удержаться, чтобы не броситься къ сыну. Наконецъ одинъ взоръ Изяслава, которой читалъ побѣду свою въ глазахъ Владимїра и простиралъ къ нему уже рученки, сей взоръ довершилъ торжество любви отеческой. Владимїръ бросилъ мечь, и взялъ на руки младенца. — Опускаю занавѣсъ.

Но простилъ ли Владимїръ Рогнеду? Стыдишесь спрашивать, естьли вы имѣете сердце.

Живописцы, Поэты, и ты, Пѣвецъ Владимїра! простите, что я осмѣлился изобразить слабою кистїю сіе произшествїе.

ПИСЬМО XXX.

Кіевъ.

Здѣсь бываетъ гулянье въ Дворцовомъ саду каждой вечеръ, и я иду взглянуть на Кіевскую публику. Вы спросите можетъ быть: какъ, и въ Кіевѣ есть собранїе? — Есть, и не удивляйтесь. Вездѣ сердце говоритъ сердцу, вездѣ взоры любятъ сообщаться со взорами; вездѣ человѣкъ носитъ въ груди своей чувствительную душу; вездѣ самой строжайшій Ана-

хоретъ, и самой безстрастнѣйшій Философъ любитъ улыбку и взглядъ красавицы.

Часы показываютъ вечеръ, и не запирая Философіи своей за ключемъ, какъ находилъ за нужное Жанъ-Жакъ Руссо, выступаю съ нею на улицу.

Кареты скачутъ; форейторы кричатъ: *лоди!* пыль вьется столбомъ, и тамъ философствующій пѣшеходецъ скрываясь въ пыльномъ туманѣ, но счастливѣе Діогена, находитъ между собою и солнцемъ не страшныхъ Александровъ, но кроткихъ красавицъ, распудренныхъ франтовъ, и старушекъ забывшихъ на часъ богомолье. И такъ Кіевъ имѣетъ уже

славу (*) равняться съ знатнѣйшими городами въ Европѣ блескомъ экипажей, быстрымъ полетомъ коней и тѣмъ каретнымъ вихремъ, которой разноситъ ипохондрію и истерику, но правда съ невыгодой для пѣшеходцевъ, не столько отягченныхъ жизнію, чтобы имъ хотѣлось издыхать подъ колесами.

Приближаюсь къ саду, и вхожу въ него. Одни гуляютъ парами, по аллеямъ; другіе сидятъ на лавочкахъ; иные стоятъ и смотрятъ. Мое дѣло не представлять себя на сценѣ, не мѣшаться въ толпѣ, но замѣчать. Сядемъ подъ тѣнію этой липы.

(*) Нужно ли замѣчать, что путешественникъ шутитъ?

Можетъ быть душевное мое расположеніе, можетъ быть нѣкоторая живость чувствъ, можетъ быть юное воображеніе расписываетъ все предо мною свѣтлыми красками; но я нахожу нѣчто прекрасное и важное въ сихъ собраніяхъ, гдѣ тысячи смертныхъ, привлеченныя взаимною потребностію души и сердца, посвящаютъ зеленой садъ въ храмъ удовольствія, и назначаютъ другъ другу свиданіе въ нѣдрахъ сельской природы, гдѣ невинная забава разсыпаетъ легкія пріятности, вкусъ — свои тонкости, красота — неистощимыя прелести; гдѣ минута разсѣянія, сверкая молніею счастія, разсѣиваетъ тучи горести и облака прискорбія на горизонтѣ жизни человѣ-

ческой. Признаюсь, что глаза мои наполняются слезами, видя, какъ человѣкъ, всегда горестной на землѣ, лобызаетъ тѣнь счастія въ нѣдрахъ существеннаго бѣдствія, какъ надежда удовольствія, маня его къ прелестному призраку, питаетъ привязанность къ жизни; какъ воспоминаніе, повторяя дни быстраго бытія, показываетъ ихъ въ минувшей отдаленности свѣтлѣе и радостнѣе, нежели они когда нибудь были, и прибавляетъ видъ существенности къ тому, что было одною мечтою.

Однакожъ прохладимъ воображеніе и признаемся, что сіи собранія не достигаютъ своей цѣли; что зависть, злословіе и суеты помрачаютъ истинныя его удоволь-

ствія, и что въ обыкновенномъ общежитіи нѣтъ — общежитія.

Передо мной столкнулась толпа. Одинъ сказалъ слово, другой улыбнулся, третій и четвертой пожали другъ у друга руку; всѣ встрѣтились безъ вниманія и всѣ разстались безъ сожалѣнія. За сею толпою слѣдуетъ другая съ суетнымъ тщеславіемъ, въ ослѣпленіи самой себя, глядясь только въ зеркало другихъ предметовъ, подобно Нарциссу, которой гулялъ по лугамъ и долинамъ для того, чтобы во всѣхъ ручейкахъ созерцался его образъ. Вотъ еще куча людей, и она остановилась; идетъ разговоръ; не мысли летятъ на уста, но языкъ ищетъ однѣхъ словъ; говорятъ о по-

годѣ — смѣются надъ уборомъ одной женщины — и разсказываютъ объ утреннемъ съѣздѣ у Губернатора. Естьли можно по оному судить о духѣ собранія, то никогда не проглядываетъ въ немъ основательной разумъ, никогда не сверкаетъ искра сердечнаго чувства, нѣтъ души въ разговорахъ. Полагаютъ ли удовольствіе прогулокъ въ томъ, чтобы вѣтреной зефиръ игралъ словами и мыслями? Должно ли только для забавы прикасаться къ пуху цвѣтовъ, не вдыхая въ себя ихъ ароматовъ, не пользуясь ими, какъ хотѣла того природа? Не льзя ли выбрать достойнѣйшихъ предметовъ разговора изъ того ума, не важнаго, но пріятнаго и легкаго, кото-

рой рѣзвился во множествѣ мі-ровъ съ Фонтенелемъ, гулялъ въ садахъ между цвѣтами съ Виргиліемъ, Делиллемъ, Сен-Ламбертомъ и путешествовалъ съ Анахарсисомъ въ отечествѣ Музъ, Грацій и Философіи?

Оставимъ это и займемся другимъ дѣломъ. Я сижу въ царствѣ красоты; женщины, однѣ другихъ прелестнѣе, мелькаютъ предо мною, и взоръ не успѣваетъ ловить всѣ черты нѣжности, любви и безстрастія.

Вотъ красавица во всѣхъ чертахъ и во всемъ станѣ! но душа еще не прикасалась къ ея взорамъ, къ ея физіогноміи, къ ея тѣлодвиженію; кажется, будто она ожидаетъ чуда Пигмаліоновой любви. Молодой человѣкъ, которой

говоритъ съ нею, не показываетъ, чтобы его любовь могла произвести чудо, и чтобъ онъ имѣлъ къ ней то боготвореніе, которое сообщаетъ жизнь и душу.

Взглянемъ на эту дѣвушку не прекрасную, но милую. Она улыбнулась, и улыбка принадлежитъ мнѣ. Я имѣю на нее право. Сердце мое глубоко почувствовало сію улыбку; она доставила мнѣ наслажденіе, и я причисляю сей часъ къ счастливѣйшимъ часамъ моей жизни. Естьлибъ красавица превратилась въ прелестнѣйшую Аспазію, естьли бы она пролила на меня рѣки сладострастія, то едвали бы восторги ея объятій принесли мнѣ болѣе удовольствія. Ахъ! одна улыбка дала мнѣ пред-

чувствовать все блаженство любви.

Эта дѣвушка, которая съ томнымъ взглядомъ тихо шепчетъ нѣчто на ухо своей подругѣ, заставляетъ меня мечтать. Мнѣ бы хотѣлось въ тѣни сей аллеи, при тихомъ свѣтѣ мѣсяца, провести съ нею нѣсколько минутъ за книгою..... новой Элоизы.

Присутствіе тысячи блестящихъ красавицъ разнѣжило мое сердце; я чувствую томность, и невольные вздохи вырываются изъ груди. Пламенные взоры мои ищутъ кого-то, и не находятъ; сила тайной симпатіи влечетъ меня; образъ небеснаго счастія, которое человѣкъ вкушаетъ въ надеждѣ, что оно возвратится, и которое еще вкушаетъ онъ въ воспомина-

нiи, повторяется предо мною.

Милыя, милыя женщины! гдѣ тотъ уголокъ на землѣ, которой бы не освѣщался солнцемъ и не украшался вашими прелестями? Гдѣ то существо, которое не дышало бы воздухомъ и не жило вами? Въ рукахъ вашихъ — держава мiра; въ глазахъ — скипетръ природы; вы оживляете и царствуете. Съ вами нѣжной юноша приводитъ въ совершенство духовныя свои способности; съ вами счастливъ человѣкъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ; вашими воспоминанiями живетъ старецъ. Нѣтъ кажется счастiя на землѣ — и вы, не знаю какъ, даете его предчувствовать. Жизнь наша есть одно мгновенiе — и вы превоpяете

мигъ бытія въ вѣчность наслажденія. Ничто не совершенно въ семъ мірѣ; но боготвореніе, котораго вы бываете предметомъ, и которое не причастно ничему земному, приближаетъ чувства наши къ божественной чистотѣ и къ высочайшему совершенству. Милыя женщины! повелѣвайте нами, упѣшайте насъ, царствуйте; но естьли хотите быть достойны олтарей мїра, любите, какъ любили Юлїи и Софїи; любите святую добродѣтель, тихїя удовольствїя и домашнюю жизнь.

Возвращаюсь домой тихими шагами, и пишу въ головѣ параллель Кїевскихъ и Московскихъ женщинъ.

Въ Кїевѣ болѣе красавицъ, но въ Москвѣ болѣе

Грацій; здѣсь ловкость природы, тамъ ловкость искуства; здѣсь болѣе истины во взорахъ, тамъ болѣе нѣжности въ каждомъ взглядѣ; здѣсь нѣтъ живой игры романовъ, и отъ того нѣтъ утонченной любви; тамъ играютъ романическія роли, и въ самомъ дѣлѣ бываютъ Героини романовъ. Московитянка можетъ подражать новой Элоизѣ; Кіевлянка можетъ сдѣлаться другой Юліей; наконецъ первая милѣе для холоднаго разсудка, послѣдняя милѣе для пламеннаго сердца.

ПИСЬМО XXXI.

Кіевъ.

Я хочу вамъ сказать нѣчто о моихъ знакомствахъ въ семъ городѣ.

Г* * * В* * * есть богатая вдова и богомольная старушка. Я имѣлъ къ ней письмо отъ такого человѣка, которой за два года предъ симъ жилъ въ Кіевѣ, и два года былъ ея вседневнымъ гостемъ; но такъ все быстро въ вихрѣ общества, гдѣ одни впечатлѣнія заглаживаются другими, что госпожа В* * * читая и перечитывая письмо своего знакомца, нашла за нужное признаться

мнѣ, что она его не помнитъ. Я просидѣлъ у ней около часа. Она разсказывала мнѣ о святыхъ мощахъ, о чудесахъ угодниковъ Божіихъ, о Кіевѣ; я разсказывалъ ей о моемъ путешествіи, объ его пріятностяхъ, о тѣхъ удовольствіяхъ, которыя меня вдали ожидаютъ, и взглядывалъ между тѣмъ на ея дочерей, которыя предупреждали мое сердце въ пользу любезныхъ Кіевлянокъ. Мы разстались съ учтивостію. Кажется, что мое путешествіе по Россіи было почти тоже въ глазахъ госпожи В* * *, что Расинова Ивгенія для одного Геометра, которой во время представленія спрашивалъ: что это доказываетъ?

Ген. * * * К * * * * Ъ, къ которому былъ я также

рекомендованъ, находится здѣсь въ статской службѣ. Умъ безъ требованія, добросердечіе безъ притворства, обходительность безъ этикеты дѣлаютъ сего человѣка простымъ и любезнымъ. Я былъ у него нѣсколько дней сряду — обѣдалъ сего дня, и узналъ опытомъ, что говоря не объ изящной словесности, не объ задачахъ Философіи или Метафизики, можно провести время пріятно съ тѣмъ, кто лучше науки, имѣетъ доброе сердце и здравой смыслъ; особливо ежели должно вѣрить славному Гельвецію, которой сказалъ, что здравой смыслъ кончится тамъ, гдѣ начинается разумъ. Сему почтенному человѣку обязанъ я знакомствомъ Бри* * * В* * * у.

Господинъ В* * * й играетъ уже важную ролю. Онъ имѣетъ требованія и право на ученость, по любви къ ней. Онъ много читалъ — имѣетъ понятія, и спарается о воспитаніи дѣтей своихъ. Жаль только, — и онъ самъ говорилъ мнѣ о томъ съ сожалѣніемъ — что нѣтъ здѣсь ни хорошихъ учителей для обработанія талантовъ, ни книгъ для чтенія, никакого источника вообще, откуда бы вкусъ и знаніе почерпать могли.

О молодомъ В * * *, о Митрополитѣ, которого нашелъ я слабымъ отъ болѣзни, объ отцѣ П* * *, которой водилъ меня по пещерамъ, и угощалъ послѣ у себя, и о всѣхъ тѣхъ, съ которыми знакомство мое было минутное

не буду говорить; но я не могу забыть между ими протопопа Лев* * *, котораго проповѣди напоминаютъ намъ о Боссюетѣ и Массильйонѣ.

Я имѣлъ счастїе быть у него, сидѣть съ нимъ, видѣть его, и съ тѣхъ поръ вижу его безпрестанно предъ собою, безпрестанно питаюсь сладостїю его бесѣды, какъ однажды питался ею; безпрестанно возношусь воображенїемъ къ мысленной и нравственной красотѣ, которая дышетъ въ образѣ сего почтеннаго мужа.

Таковъ долженъ быть служитель Бога; таковъ долженъ быть пастырь душъ и министръ Религїи; таковъ долженъ быть человѣкъ во всѣхъ званїяхъ, во всѣхъ соотношенїяхъ, которыя не

перемѣняютъ ничего въ существенномъ состояніи человѣка.

Онъ такъ воспользовался размышленіемъ, чтеніемъ, опытами, что изъ всѣхъ страстей и заблужденій, занимѣвающихъ разсудокъ, сохранилъ одну страсть, угодную Богу въ чистомъ сердцѣ — страсть любить ближнихъ и быть имъ полезнымъ. Правила и мнѣнія его такъ чисты, такъ благородны, такъ близки ко внутренней совѣсти, которая требуетъ отчета о каждомъ шагѣ въ жизни, что онъ позволяетъ приближаться къ себѣ, не стыдясь показываться въ своемъ видѣ, не опасаясь, чтобы слова и мысли его были въ противорѣчіи. Онъ обработалъ такъ самые свои

поступки, что его обхожденіе есть самое благородное и просшое, какое долженъ имѣть человѣкъ съ человѣкомъ безъ народной грубости, безъ свѣтскаго упонченія, безъ философской надменности.

Жизнь его течетъ, какъ жизнь истиннаго мудреца, которой не воздвигаетъ воздушныхъ замковъ, и остается жить между цвѣтами. Подобно умной пчелѣ, онъ умѣетъ выбирать лучшій сокъ изъ всѣхъ положеній жизни. Онъ служитъ предъ олтаремъ Божества — и молитва изливаясь изъ души его, составляетъ святой гимнъ чувствительности. Онъ сидитъ въ тишинѣ кабинета подъ зелеными шѣнями, висящими передъ

окнами его домика — и наука, не наперсница честолюбія, не провозвѣстница громкой славы, но кроткая сопутница жизни, занимаетъ его уединеніе. Онъ сажаетъ или копаетъ въ садикѣ своемъ; — и ясность мирнаго чувства сіяетъ въ его взорахъ и душѣ. Онъ гуляетъ въ цвѣтникѣ своемъ, между поющихъ птичекъ, между зелеными кущами — и тихое весеннее утро, прохладной вечеръ, захожденіе солнца бываетъ попеременно предметомъ его наслажденія; и онъ посреди сихъ прекрасныхъ часовъ природы, вблизи ревущаго Днѣпра любитъ задумываться о зимѣ дней человѣческихъ, которая скоро забѣлѣетъ на головѣ его.

Онъ охотно сообщается изъ любопытства къ разуму человѣческому; сообщенїе питаетъ въ немъ любовь къ испытанїю мысленной силы. Отъ Моисеевой книги *Бытїя* до цвѣтковъ Де-лиллевой Поэзіи (*) все привлекаетъ его вниманїе; черты вкуса, чтенїя и ума сверкаютъ безпрестанно въ его разговорахъ. На мою мысль, что уединенїе пріятно и полезно, но не можетъ быть вѣчно; онъ отвѣчалъ: легко обращаться отъ тихой жизни къ шумнымъ удовольствїямъ, но едва ли можно переходить отъ раз-

(*) Почтенной Лев*** приводилъ мнѣ на память нѣкоторыя мѣста изъ Де-лиллевой Поэмы о садахъ, которую читалъ онъ на Польскомъ языкѣ, въ переводѣ.

стянія къ уединенію. — Въ сихъ словахъ скрывается болѣе глубокаго смысла, нежели какъ кажется при первомъ взглядѣ. Онъ разумѣлъ конечно чрезъ то, что должно неугомимо питать въ себѣ любовь къ уединенію, чтобы сохранить свои духовныя способности, и что потерявъ однажды привычку быть съ самимъ собою, не можно возвратить ее. Объ уединеніи можно тоже сказать, что *мой* любезный Женевецъ (*) сказалъ о силѣ разсужденія. Разсудокъ,

(*) Не принимая заблужденій сего Философа, признаюсь, что я любилъ его и буду всегда любить болѣе другихъ Философовъ. Свѣтъ тому обязанъ тѣмъ, что онъ первый обработалъ вкусъ, слогъ и умъ мой; потому и называю его *моимъ*.

говоритъ онъ, не есть такая мебель, которуюбъ можно было употреблять и оставлять по своей волѣ; и кто прожилъ десять лѣтъ безъ размышленія, тотъ не будетъ никогда мыслить.

Прощаясь съ нимъ, сказалъ я: завидую вамъ въ вашемъ садикѣ, и садику вашему близкому къ вамъ; все вокругъ васъ зеленѣетъ. — Должно, чтобы всегда что нибудь цвѣло передъ глазами, отвѣчалъ онъ съ такою пріятною улыбкою, что мнѣ показалось, будто всѣ деревья въ садикѣ его разцвѣли еще зеленѣе. Сила ума и достоинства имѣетъ въ самомъ дѣлѣ дѣйствіе волшебства!

Вижу, вы завидуете мнѣ, что я узналъ Лев * * *; но за

но вы не чувствовали прискорбія столь сильнаго послѣ такого знакомства, быть принужденнымъ разстаться.

ПИСЬМО XXXII.

Кіевъ.

Судьба познакомила меня еще съ однимъ любезнымъ человѣкомъ В***ъ, и я остаюсь ей обязаннымъ за тѣ добрыя сердца, которыя прибавились къ числу любезныхъ мнѣ сердецъ. Съ симъ послѣднимъ встрѣтился я въ главной школѣ. Онъ учитель натуральной Исторіи — достоинъ быть учителемъ, и богатъ мыслями и чувствами, подобно природѣ,

которой богатства и красоты изъявляетъ онъ ученикамъ своимъ. Онъ гулялъ со мною по городу, котораго древности ему очень извѣстны (*); я пригласилъ его обѣдать въ трактиръ, и мы провели день по-философски.

Вотъ вамъ сокращеніе нашего разговора. Я люблю очень трудиться, сказалъ мнѣ любезный Б***й, люблю дѣйствовать всѣми душевными способностями. — Вы близки къ цѣли своего назначенія. Намъ даны способности для

(*) Онъ читалъ мнѣ историческое Описаніе свое о Кіевѣ, и оно достойно похвалы; но сей бѣдной человѣкъ, пользуясь небольшимъ имуществомъ, имѣлъ бы нужду въ награжденіи, которое бы поощряло его къ дальнѣйшимъ трудамъ.

того, чтобы приводить ихъ въ дѣйствіе; трудъ также нуженъ для сохраненія моральной природы, какъ движеніе для подкрѣпленія нашего тѣлеснаго сложенія; безъ того то и другое разстроивается. — Но знаете ли что? Я люблю болѣе писать, нежели читать. Чтеніе не такъ сильно приводитъ въ движеніе мои умственныя силы. — Однакожъ чтеніе сообщаетъ Автору вкусъ и мастерство. Для совершенства своихъ произведеній необходимо должно собирать матеріалы. Люди строютъ мнѣнія свои, одинъ на основаніи другаго; писатель предуготовляетъ писателя; открытія и дарованія составляютъ въ цѣломъ постепенную лѣстницу совершенія.

Гомеръ родилъ гораздо совершеннѣйшаго Виргилія, такъ какъ сей послѣдній произвелъ издали Расина, который въ свою очередь вмѣстѣ съ Шекспиромъ далъ бытіе Вольтеру, имѣвшему вліяніе на таланть тысячи другихъ писателей. Иначе дикой Камчадалъ, среди лѣснаго мрака, среди звѣрей, ему подобныхъ, могъ бы сдѣлаться Ломоносовымъ или Жанъ-Батистомъ Руссо; но это никогда не случается. Слѣдственно должно пользоваться чтеніемъ. — Это хорошо для тѣхъ, которые думаютъ о красотѣ слога, о литтеральной славѣ, о безсмертіи; но я пишу только для того, чтобы занять себя. — Не ужели вы не хотѣлибъ сдѣлаться славнымъ въ ученомъ

свѣтѣ? — Нѣтъ; слава есть дымъ, когда человѣкъ есть одинъ прахъ. — Эта Философія не есть кажется истинная. Какъ ни ничтожна жизнь наша, однакожъ природа сотворила насъ съ нѣкоторымъ наиѣреніемъ; она влила въ грудь нашу любовь къ дѣятельности, къ славѣ и къ самому себѣ. Любя самаго себя, должно любить себѣ подобныхъ; любя ихъ, любить славу; любя славу, дѣлать усилія, безъ которыхъ нѣтъ ничего великаго въ нравственномъ мірѣ. Безъ того искуства и науки угаснутъ; безъ того не будетъ великихъ открытій; безъ того никогда умъ человѣческой и гражданскія общества не достигнутъ до своего возможнаго совершенства. Гдѣ бы

были Катоны, Петры Великіе, всѣ истинные Герои, естьли бы благородная страсть къ славѣ ихъ не оживляла, естьли бы все великое ограничивалось для нихъ здѣшнею жизнію? Вознеситесь мыслію выше земной точки, распространите предѣлы міра; вѣрьте, что все великое, и тотъ, кто дѣлаетъ великое, произведутъ когда нибудь и что нибудь еще величайшее, и вы почувствуете побужденіе къ великимъ дѣламъ. — Еще повторяю вамъ, что для меня по крайней мѣрѣ веселѣе быть отцемъ семейства и любить натуру, нежели гоняться за блестящими призраками. Я люблю — и доволенъ судьбою своею. Живу въ тѣни неизвѣстности — и не завидую

любимцамъ славы. Знаю, что не могу, по уставу природы, наслаждаться здѣсь вѣчною жизнію — и не хочу, чтобы память моя переживала меня. —

При сихъ послѣднихъ словахъ я вздохнулъ, замолчалъ и погрузился въ уныніе. Мирное счастіе не дороже ли въ самомъ дѣлѣ заботы о славѣ? Не счастливѣе ли тотъ, кто можетъ довольствоваться свѣтлою хижиною, ключевою водою, улыбкою красавицы и природы? Руссо! Руссо! . . .

ПИСЬМО XXXII.

Кіевъ.

Нигдѣ можетъ быть въ Россіи нѣтъ такъ много Жидовъ, какъ въ Кіевѣ. Они встрѣчаются на улицахъ; улицы населены ихъ домами; дома наполнены ими; но они только за два года предъ симъ поселились здѣсь въ такомъ множествѣ.

Они робки, какъ и во всемъ свѣтѣ; Жидъ снимаетъ шляпу свою передъ каждымъ человѣкомъ, и Христіанинъ показываетъ уже ему благосклонность, если отвѣчаетъ на его вѣжливость такою же вѣжливостію. Простой народъ бранитъ его.

Ты распялъ Христа, сказалъ при мнѣ одинъ Офицеръ на заставѣ Жиду, пришедшему требовать пропуска, — злочестивой Іуда! — и бѣдной Жидъ не смѣлъ отвѣчать ничего, платя терпѣніемъ и смиренностію за преступленіе отдаленнѣйшаго своего предка.

Впрочемъ они живутъ богато, производя разныя ремесла; лица ихъ вообще имѣютъ умную физіогномію, и женщины между ими статны и прекрасны.

Философъ не можетъ довольно восхвалить терпимость ЕКАТЕРИНЫ II и ПАВЛА I, Которымъ Жиды обязаны покойною жизнію; по крайней мѣрѣ никто не

тревожить ихъ въ свободѣ совѣсти, и Богъ остается единымъ судіею сердецъ. —

ПИСЬМО XXXIV.

Кіевъ.

Нынѣшній день останется незабвеннымъ въ исторіи моей жизни.

Я былъ въ Кириловскомъ монастырѣ за четыре версты отъ города. Любопытство мое не нашло въ немъ ничего; но взоры и сердце съ нѣкоторымъ нѣжнымъ и горестнымъ чувствомъ покоились на зеленыхъ тѣняхъ деревъ окружающихъ монастырь, на мшистыхъ гробныхъ камняхъ, на лонѣ тишины и уныния, которыя обнимаютъ

въ кельяхъ и въ стѣнахъ монастырскихъ. Сердце мое трогалось болѣе и болѣе. Это былъ часъ вечера. Я сѣлъ на зеленомъ пригоркѣ въ тѣни, и предался меланхолии. Можетъ быть, думалъ я, можетъ быть въ послѣдній разъ вижу я солнце; вижу то небо, подъ которымъ живутъ друзья мои; можетъ быть въ послѣдній разъ прощался съ Москвою. . . . — За чѣмъ было ѣхать въ такую отдаленность одному, безъ друга, безъ роднаго? Я изчезну съ земнаго шара, и никто не выронитъ слезы надъ моей могилой; умру, и никто изъ милыхъ не положитъ въ гробъ меня; буду томиться смертію, и никто не приметъ послѣдняго вздоха моего. — Эта мысль пробудила

во мнѣ привязанность къ жизни и произвела внезапную и удивительную перемѣну.

Вы помните, что за полтора года передъ симъ, послѣ первой нашей потери жизнь казалась мнѣ унылою; тщетно доставляли мнѣ разсѣянія; тщетно люди, меня любящіе, старались занять пустое мѣсто въ душѣ моей; я бунтовалъ противъ дружбы, природы и жизни, и любилъ предаваться своему отчаянію. Протекло время — и живая горесть утихла. Я плакалъ — вздыхалъ; но не сѣтовалъ на тѣхъ, которые меня любили. Я уже не думалъ разорвать всѣ узы сердца отъ того, что судьба перервала одинъ изъ нихъ. Однакожъ, не взирая на всѣ

усилія, не смотря на самыя горячія привязанности, которыя еще мнѣ оставались, я былъ далекъ отъ совершеннаго изцѣленія. Приближаясь къ тому ужасному и вмѣстѣ любезному мѣсту, гдѣ покоится прахъ моего друга Т* * *, я не содрогался, и измѣрялъ мыслями глубину могилы. Пусть и я тамъ лягу — думалъ я — мнѣ не будетъ тошно близъ моего друга; пусть. . . . и слезы съ сими мыслями лились кровью изъ глазъ моихъ. Часто проходя Быструю Москву рѣку, видя, какъ волны ея съ ревомъ несутся къ стѣнамъ Сим* * * монастыря (*); слушая, какъ поютъ

(*) Въ семъ монастырѣ положенъ другъ мой; тамъ скромный мав-

птички въ первую весну послѣ его кончины, птички, которыми мы гуляя восхищались, вспоминая голосъ и взоръ друга моего и не находя ихъ нигдѣ, я чувствовалъ себя въ такой пустотѣ, въ такомъ мракѣ, что нѣсколько разъ покушался слѣдовать за нимъ въ другой міръ, и былъ только удержанъ мыслію, что одна цѣпь сердецъ связываетъ его со мною и меня съ нѣсколькими другими друзьями, и что она перервавшись съ моею жизнію, перерветъ еще нить многихъ жизней. Наконецъ чувствуя необходи-

---

золей, воздвигнутый дружбою, и эпитафія написанная ею же, показываетъ цѣну того, кто тутъ скрывается.

мость удалиться отъ тѣхъ мѣстъ, которыя были свидѣтелями прекраснѣйшихъ дней и скоро послѣ того самыхъ мрачнѣйшихъ, рѣшился я путешествовать. Первые часы были для меня часами жестокихъ опытовъ; горесть моя усиливалась въ одиночествѣ, и я хотѣлъ возвратиться; но мало помалу разнообразіе предметовъ оживило меня. Я началъ вкушать удовольствіе; но былъ все еще равнодушенъ къ жизни, когда я спрашивалъ о томъ свое сердце. Минута удивительной перемѣны ожидала меня здѣсь, и она есть та самая, о которой пишу къ вамъ. Въ чрезвычайной меланхоліи, въ которой сидѣлъ я подъ стѣнами Кириловскаго монастыря, пред-

ставился мнѣ образъ смерти. Я затрепеталъ. Любовь къ друзьямъ, живымъ еще для моего сердца, боролась съ любовїю къ тому другу, котораго не было уже на свѣтѣ. Умереть далеко отъ милыхъ, въ то время, когда они воображая мое возвращеніе, радуются, когда я самъ готовлюсь найти въ ихъ объятіяхъ тѣнь минувшихъ радостей — такъ умереть ужасно. Я обратился къ тѣни друга моего, и далъ ему читать въ душѣ моей непреодолимое чувство, которое привязывало меня и послѣ его къ жизни; мнѣ казалось, будто я вижу его утѣшительной взоръ, и сладчайшїя слезы примирили меня съ жизнію. Нѣжный, чувствительный, милый другъ! Сила

одного чувствія, тебѣ болѣе, нежели кому нибудь извѣстная, влечетъ меня къ смерти и отвлекаетъ къ жизни. Въ сей день испыталъ я все, что можетъ дружба и любовь въ сердцѣ человѣческомъ. Я буду еще жить, буду любить, и не забуду милаго человѣка.

Nemo felicitatis suae obliviscitur.
Сенека.

ПИСЬМО XXXV.

Кіевъ.

Я говорилъ о древностяхъ Кіева, о его достопамятностяхъ, о его положеніи; теперь скажу слово о городѣ, въ собственномъ смыслѣ. Нѣтъ домовъ каменныхъ;

нѣтъ порядка въ строенїи; нѣтъ регулярности и архитектуры; улицы не мощены, пески покрываютъ ихъ; пѣшеходецъ глотаетъ несносную пыль, и туманной столбъ вьется безпрестанно вокругъ проѣзжающихъ. Самой Подолъ болѣе населенный, нежели другїя части города, не имѣетъ совсѣмъ вида города; деревянныя кровли, низкїя хижины прикрываются церквами и монастыремъ; улицы такъ узки на Подолѣ, что едва ли двое дрожекъ могутъ разъѣхаться. Сообщенїе между тремя частями города чрезвычайно затруднительно отъ того, что горы отдѣляютъ ихъ одну отъ другой; кажется, что вы видите три разныя селенїя. Я говорю — селенїя:

ибо и весь Кіевъ едва ли бы заслуживалъ названіе города, естьлибъ великолѣпныя церкви и монастыри не украшали его. Наконецъ сердце согласно со взорами именуетъ Кіевъ сладкою пустынею, гдѣ укрываются простота, миролюбіе и младенчество нравственнаго существа.

ПИСЬМО XXXVI.

Кіевъ.

Les tableaux & les monumens ne lui avoient point fait négliger l'étude des moeurs & des hommes

J. J. Rousseau.

Каждой путешественникъ имѣетъ долгъ оправдать смыслъ сего эпиграфа и мнѣніе Женевскаго Фило-

софа. Зданія и живописи, памятники и картины не питалибъ благороднаго жара въ душѣ нашей, естьлибъ онѣ не имѣли соотношенія къ какому нибудь великому произшествію или славному дѣлу, сохраненному Исторіею. Познаніе нравовъ и людей, при ихъ жизни, еще любопытнѣе.

Человѣкъ есть средоточіе, откуда все произтекаетъ на землѣ, и куда все обратно стремится. Не для него сотворена вселенная, не для него она украшена; но бытіе міра требовало бытія человѣческаго. Прекрасное твореніе осталось бы мертво безъ того существа, которое одно изъ земныхъ тварей, единымъ дѣйствіемъ мысли, сообщается со всѣми

существами, обнимаетъ пространство природы, и покоряетъ державѣ своей области міра. Образованный по высочайшему Образцу человѣкъ, подобно Ему, есть зеркало вселенной, и долженъ быть для Философа важнѣйшимъ предметомъ наблюденія.

Мое наблюденіе касается не до случайныхъ обычаевъ, не до временныхъ условій, не до мѣлкихъ подробностей, которыя принадлежатъ къ одному мѣсту и мнѣнію; но до нравственныхъ качествъ вообще, которыя составляютъ вѣчной и непремѣнной характеръ человѣчества. Мнѣнія перемѣняются, человѣкъ изчезаетъ; но родъ человѣческой возрастаетъ въ цѣломъ, переживаетъ заблужденія, и цвѣтетъ посреди

разрушенїй царствъ и народовъ. Изъ сего слѣдуетъ, что философической духъ нашего времени требуетъ, чтобы наблюдатель означилъ шагъ народа въ ходѣ всемірнаго ума. Постараемся означить его въ Кіевлянахъ.

Народъ, Дворянство и Духовенство, три класса людей въ обществѣ, составляютъ здѣсь, какъ можетъ быть и въ другихъ мѣстахъ, три круга общежитїя, три сферы ума, и, естьли можно такъ сказать, три рода нравственности.

Слѣдуя отвлеченнѣйшему понятію о вещахъ, нравственность должна быть одинакова для всѣхъ сословій; но умозрѣнїе Философа, мыслящаго въ своемъ кабинетѣ, всегда не согласно съ поло-

женіемъ гражданскихъ обществъ. Ремесленникъ дѣйствующій въ кругу механической жизни, священникъ проводящій дни свои въ богослуженіи, и Дворянинъ живущій въ свѣтѣ, въ безпрестанной дѣятельности, въ борьбѣ страстей, въ изощреніи чувствъ и понятій, не могутъ имѣть однѣхъ правилъ, однѣхъ мыслей, одной нравственности. Для того не буду я повторять ничего о народѣ (*); не замѣчу ничего о духовенствѣ, которое не принадлежитъ моему сужденію, и ограничу замѣчанія свои однимъ вышнимъ сословіемъ.

(*) Въ письмѣ XIX. было сказано нѣчто о Малороссійскомъ народѣ вообще.

Кіевляне имѣютъ вообще характеръ своего времени, своей земли, своего круга; цвѣтъ просвѣщенія едва ли еще развернулся между ими; черта, которая отдѣляетъ отъ нихъ осталокъ міра, служитъ чертою ихъ нравственнаго бытія. Кажется, что они ревнуютъ еще только къ успѣхамъ блестящей столицы — Москвы, которая, послѣ эпохи Петра Великаго, сдѣлалась почти тоже для цѣлаго государства, что были нѣкогда Аѳины для Греціи и Парижъ для Франціи; гдѣ превосходство знаній и вѣжливости, большое число просвѣщенныхъ обществъ, тысяча умовъ наэлектризованныхъ тренiемъ, усредоточили лучи просвѣщенія; откуда одно слово

изъ устъ именитаго человѣка, одна эпиграмма изъ устъ молодаго вертопраха, одинъ жестъ модной красавицы летитъ изъ города въ городъ удивлять, смѣшить и производить тысячи вѣтреныхъ подражателей.

Нѣтъ еще здѣсь систематическаго воспитанія, и каждой слѣдуетъ въ нравственномъ своемъ образованіи одному примѣру и обычаю. Никто не составляетъ себѣ особеннаго понятія; никто не опредѣляетъ своихъ мнѣній; никто не дѣлаетъ усилій, чтобы превзойти мѣру посредственныхъ достоинствъ и покрыться блескомъ превосходства. Всякой довольствуется тѣмъ, что не хуже никакого другаго въ свѣтѣ, и гордится собою, есть-

ли самолюбїе, отдавая ему отчетъ о себѣ, показываетъ его на одной чертѣ съ людьми, ему равными.

Общежитїе обработало умы, но не довело ихъ еще, такъ сказать, до умственной роскоши, которая требуетъ въ разговорѣ тонкихъ чувствъ и живыхъ идей, Философіи и пріятности, Аттической соли въ шуткахъ и эпиграматическаго ума Вольтера, искры Дидеротова энтузіазма, и въ языкѣ нѣжности Расина; которая хочетъ заниматься изящнымъ, наслаждаться природою, книгами, мечтами и всѣми благородными страстями нравственности, которая хочетъ только жить въ томъ мірѣ, гдѣ улыбка природы, взглядъ Гомера,

и чувство Стерна открываютъ новую сферу жизни и наслажденія.

Здѣшняя жизнь ограничивается кругомъ простой домашней жизни и тѣмъ состоянїемъ, гдѣ человѣкъ находитъ мирное счастіе въ удовлетвореніи первымъ потребностямъ и въ умѣренномъ дѣйствіи своихъ способностей.

Вѣжливость, которая разцвѣла въ Аттикѣ подъ ея прекраснымъ небомъ съ улыбкою Философіи и Грацій, которая украшала столицу міра, вѣкъ Августовъ, Музу Виргилія, Овидія, Горація, которая наконецъ въ счастливые дни Людвига XIV осыпала нѣжнѣйшими цвѣтами своими славную націю въ свѣтѣ, всѣ состоянія обще-

ства, всѣ произведенїя талантовъ отъ придворнаго до ученаго и отъ Эклоги до Эпопеи (*); вѣжливость показывается уже между Кіевлянами. Не ищите того, что называетъ Горацій: molle atque facetum; но вы найдете видъ пріятной нѣжности, привѣтливость словъ и наружную ласку. Если и лицемѣріе, какъ думалъ Рошфокольдъ, показываетъ почтеніе порока къ добродѣтелямъ, то благородство въ поступкахъ и словахъ показываетъ человѣка близкимъ къ благороднымъ мыслямъ и къ истинной нравственности.

(*) Телемакъ и Генріада показываютъ не только Авторовъ въ Вольперѣ и Фенелонѣ, но и учтивыхъ людей.

Религія хранитъ здѣсь сладкую власть надъ сердцами въ то время, когда пагубная дерзость разрушила въ другихъ мѣстахъ олтари ея. Старцы, мужи и юноши посѣщаютъ священые храмы во всѣ часы Богослуженія: они присутствуютъ тамъ съ благоговѣніемъ, и возвращаются съ живѣйшею любовію къ Богу. Слезы пролитыя въ присутствіи высочайшаго Утѣшителя, душевное умиленіе, раскаяніе, источникъ тысячи добродѣтелей, смягчаютъ нравы. Молодые люди, воспитанные въ истинахъ Христіанской морали, привыкаютъ чувствовать вездѣ благость Отца Небеснаго: въ нѣжной любви родителей, въ радостяхъ жизни, въ красотахъ

величественной природы и въ неизчетныхъ сокровищахъ, которыя разкрываются для человѣка въ земныхъ нѣдрахъ. Чувствительная молодая дѣвушка, пробуждаясь въ часъ утра, посвящаетъ начало дня своего не удовольствіямъ свѣта, но молитвѣ. Она возхищается въ часы солнечнаго возхожденія оживленіемъ птичекъ и цвѣточковъ; слезы каплютъ изъ глазъ ея, и сіи слезы произтекаютъ отъ благодарносіи къ Творцу природы, а не отъ романической чувствительности. Наступаетъ вечеръ; набожная красавица наслаждается остаткомъ дня своего, и вмѣстѣ съ вечернею природою поетъ еще святой гимнъ Богу. Такъ цар-

ствуетъ Религія въ любезной своей столицѣ!

Подъ сію эгидою сердца предохраняются отъ распаленія опаснѣйшей изъ страстей. Любовь сіяетъ здѣсь тихимъ свѣтомъ, дышетъ кротостію и заключаетъ союзы счастія и мира. Она не возжигаетъ тѣхъ ужасныхъ пожаровъ, которые поглотили нѣкогда Трою, десятую долю сполѣнія и цвѣтущее юношество Греціи; но за то нѣтъ упоеченной любви, которой чувство есть богопзореніе, гимнъ и восторгъ, которая, будучи украшена всѣмъ героизмомъ добродѣтели, наслаждается во всей силѣ способностей человѣческихъ, во всемъ земномъ совершенствѣ, дышитъ оза-

ренными счастливымъ солнцемъ, сладкимъ уединеніемъ, тихими прогулками, зелеными рощицами и журчащими ручейками; нѣтъ нравственной любви, которая родилась въ душѣ Платона, писала письма новой Элоизы, и текла съ пера Вертера; но за то и нѣтъ тѣхъ безчисленныхъ бѣдствій, которыя бываютъ слѣдствіемъ романическаго воображенія.

Нравы сохраняютъ вообще чистоту свою; счастіе и вѣрность украшаютъ супружеское состояніе; согласіе обитаетъ въ семействахъ; цвѣтъ стыдливости не увядаетъ на лицѣ невинности. Чичисбеи! Ниноны де Ланкло! Фрины! вы не сіяете здѣсь на горизонтѣ свѣта и не помрачаете добронравія.

Любезнѣйшія изъ существъ, которыхъ красота и добродѣтели даряшъ насъ днями завиднаго счастія, достойными Ангеловъ, прекрасными, подобно ихъ улыбкѣ, — дѣвушки живутъ здѣсь со всею скромностію робкаго пола, со всею цѣломудренностію Весталокъ, которыя хранили нѣкогда свящной огонь въ храмахъ и сердцахъ своихъ, или съ невинностію тѣхъ красныхъ дѣвицъ, которыя за полвѣка предъ симъ цвѣли подъ тѣнію смиренныхъ теремовъ своихъ. Онѣ имѣютъ домашнее воспитаніе и образъ жизни, близкой къ Патріаршескимъ нравамъ; вкусъ ихъ есть врожденной безъ пріобрѣтенія; природные таланты украшаютъ ихъ; онѣ судятъ здраво безъ науки.

Уборная комната ихъ не превращается также въ ученой кабинетъ, гдѣ Пиѳическое вдохновеніе летаетъ въ бѣломъ облакѣ пудры, гдѣ стихи сочиняются за туалетомъ, гдѣ новые Авторы стучатся у дверей славы. Ближе къ первымъ основаніямъ обществъ, Кіевлянки играютъ въ свѣтѣ ролю скромныхъ невѣстъ, являются въ бесѣдахъ не для того, чтобы ослѣпить всѣхъ блескомъ ума и талантовъ, не чтобы понравиться женихамъ кротостію, и выходятъ за мужъ не для однѣхъ выгодъ свободы, не для того только, чтобы окружить себя розами свѣтскихъ удовольствій, но чтобы вкушать съ милымъ человѣкомъ сладости сердечной любви и ма-

терінской нѣжности. Не ищите здѣсь и тѣхъ милыхъ, но опасныхъ волшебницъ, которыя магическимъ жезломъ своимъ заставляютъ вздыхать старцевъ, юношей проливать слезы, философовъ преклонять колѣно, ведутъ за собою по цвѣтамъ Грацій въ сады учености и силою неизъяснимаго очарованія дѣлаютъ умъ любезнѣе, дарованіе совершеннѣе, науку милѣе и привлекательнѣе.

Заключимъ: Кіевскіе жители прикасаются еще только къ развитію всѣхъ нравственныхъ способностей, которое составляетъ человѣка въ высочайшемъ смыслѣ сего слова, которое въ системѣ всемірной гармоніи должно можетъ быть довершить твореніе человѣка, которое до сихъ

поръ остается предметомъ спора между Апостоловъ науки и враговъ просвѣщенія, между Жанъ - Жака и его Антагонистами, между вѣрующихъ совершенію ума человѣческаго и невѣрующихъ.

Между тѣмъ по необходимому закону вещей, нравы и народы сближаются. Кіевскіе жители заимствуютъ, какъ я сказалъ выше, новые обычаи и мнѣнія. Протечетъ немного времени — и вы увидите, что они потеряютъ все доброе, что показываетъ въ нихъ юность рода человѣческаго, что они пріобрѣтутъ нѣкоторыя блестящія качества, которыхъ имъ не доставало, но безъ которыхъ можно быть счастливымъ, и что съ сими качествами захватятъ они и

развратности, сопряженныя съ дальнѣйшимъ шагомъ къ просвѣщенію.

Черта, которая раздѣляетъ совершенное просвѣщеніе отъ совершеннаго невѣжества, есть можетъ быть средняя черта между двумя крайними точками счастія. Не сіе ли посредственное состояніе ума и науки осуждалъ славный Антагонистъ науки?

Замѣтьте, что мои замѣчанія о Кіевлянахъ требуютъ исключенія, и что я отдѣлялъ однѣ главныя черты.

ПИСЬМО XXXVII.

Кіевъ.

Сего дня всходилъ я на Андреевскую гору, чтобы взглянуть въ послѣдній разъ на картину Кіева и на его окрестности. Взоры, носясь по сему горизонту, покоются на зеленыхъ бастіонахъ вокругъ Печерской Лавры, гдѣ Петръ I бросилъ, такъ сказать, одну черту творческой руки Своей (*); на старомъ Кіевѣ, гдѣ поселился Кій, и котораго имя осталось на

(*) Извѣстно, что Петръ I заложилъ крѣпость Печерской Лавры.

слѣдствомъ всего города; на Вышгородѣ, прежде называемомъ Хоревицею, по имени Хорева; на Щековицѣ — пребываніи Щека, и наконецъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Владиміръ имѣлъ свое жилище, и гдѣ нѣтъ теперь и слѣдовъ сего святилища.

Взирая на сію землю, претерпѣвшую столько перемѣнъ въ теченіи времени, на Днѣпръ грозящій потопить нижній Кіевъ, на горы, часъ отъ часу осядающія и близкія можетъ быть къ своему паденію (*),

(*) Кіевъ былъ свидѣтелемъ нѣкотораго разрушенія сихъ горъ и потопленія части Подола, которое случилось за 40 или 50 лѣтъ передъ симъ. Сіе послѣднее свирѣпство Днѣпра продолжается такъ, что живущіе близко къ берегу переносятъ всякой годъ домики свои далѣе, и вода всякой годъ снова догоняетъ ихъ жилища.

остановлялся я въ мысляхъ на земныхъ разрушенїяхъ и на превратностяхъ судьбы человѣческой.

Течетъ свѣтило дня — и вѣки про-
(текаютъ;
Дымятся прахи царствъ, народы
(изчезаютъ.

Поколѣнїя уступаютъ мѣсто другимъ поколѣнїямъ; солнце наукъ пылаетъ и гаснетъ; иногда земля представляется богатымъ святилищемъ, иногда безмолвною пустынею. Въ самое то время, когда человѣкъ готовъ кажется похитить всѣ таинства умомъ своимъ, внезапное потрясенїе природы разрушаетъ памятники разума, сокровища открытїй человѣческихъ и бытїе тѣхъ, которые вѣками собирали ихъ. Родятся новые люди, и поня-

нія снова начинаютъ образоваться, и снова человѣческой умъ ловитъ въ темнотѣ искры потерянного свѣта, и снова сіяетъ заря истинны до того, пока новая бездна несчастія поглотитъ успѣхи народовъ. Греція, прекрасная Греція осталась только блестящею въ мысляхъ Философа и въ душѣ Поэта; странникъ, сидя на мшистыхъ обломкахъ Дельфійскаго храма, находитъ царство запустѣнія и ничтожества тамъ, гдѣ процвѣтало царство красоты и силы. Но что же служитъ цѣлью такихъ важныхъ перемѣнъ въ мірѣ? Произтечетъ ли всеобщее благо изъ частнаго зла? Есть ли въ наружной нестройности вещей тайной порядокъ? Можно ли вѣрить сему девизу

нѣкоторыхъ великихъ людей: Nil ſub ſole novum?

Такъ размышлялъ я съ самимъ собою, обращался къ Философіи, чтобы она разрѣшила мои сомнѣнія, и находилъ однѣ противорѣчащія системы, однѣ догадки, однѣ остроумныя мысли, почерпнутыя болѣе изъ головы, нежели изъ природы; думалъ, какъ люди жили и еще живутъ въ счастливомъ невѣденіи, пользуясь земными благами и не заботясь о тайныхъ законахъ судьбы, непостижимой для разума; думалъ, какъ счастливыя заблужденія и сладкіе обманы предпочтительнѣе существенныхъ истинъ, подозрѣваемыхъ разумомъ, и печальныхъ для сердца; думалъ наконецъ о сладостяхъ сердеч-

ной вѣры, о Религіи, которая разрушая умствованія, отвергая сомнѣнія, покоясь на лонѣ самаго Бога, даетъ вкушать сынамъ своимъ счастіе совершенной довѣренности.

Въ минуты сего размышленія, бродя по волѣ глазъ, очутился я на берегу Днѣпра, на мягкой зелени между поющими птичками въ тотъ часъ, когда блескъ утренняго солнца повторялся на поверхности серебряныхъ волнъ и въ капляхъ жемчужной росы; мнѣ казалось, будто первая весна міра разцвѣтаетъ передъ моими глазами. Я дышалъ радостью, которая развѣвалась во всѣхъ дуновеніяхъ вѣтерка, во всѣхъ движеніяхъ листочковъ, во всѣхъ благоухающихъ тра-

вахъ, во всѣхъ голосахъ птичекъ. Ахъ! будемъ наслаждаться природою, будемъ протекать тихо поле жизни, и не будемъ заботиться объ осташкѣ дней нашихъ, которыхъ судьба въ рукахъ Бога.

Любезные Кіевляне! любезные соотчичи! покойтесь подъ тѣнію душевнаго мира; живите въ сладкой безпечности, не спѣшите любопытствовать; вѣрьте, что тайное внутреннее безпокойствіе тревожитъ того, кто обдумалъ всѣ вещи въ мірѣ, судьбу жизни и судьбу человѣка. Il eſt beau de ſçavoir, il eſt bon d' ignorer, такъ сказалъ одинъ Поэтъ, и такъ мыслилъ одинъ Философъ.

ПИСЬМО XXXVIII.

Деревня * **

Прости Кіевъ! простите мѣста прекрасныя! простите памятники любопытные для путешественника, особливо для Рускаго. Я разстался съ вами.

Счастливыя предзнаменованія провожали меня изъ Кіева; утро было прекрасное — день самой ясной — не было ни одного облачка на небѣ, ни одного облака въ душѣ моей.

Уже Днѣпръ помчалъ меня на волнистомъ хребтѣ своемъ; Кіевъ явился въ блестящей своей картинѣ; пассажиры пѣли вокругъ меня

пѣсни, другїе творили молитвы; а я, сидя на краю лодки и перебѣгая глазами отъ романическихъ видовъ къ волнующейся равнинѣ, писалъ романъ въ головѣ моей.

Протечетъ много времени, думалъ я, будетъ много перемѣнъ въ жизни и въ сердцѣ моемъ, прежде нежели посѣщу я въ другой разъ Кіевъ. Можетъ быть пріѣду туда счастливымъ отцемъ, съ сыномъ достойнымъ носить имя другаго Эмиля; буду съ нимъ гулять по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ гулялъ одинъ, и буду повѣрять теперешнїя чувства мои по чувствамъ юности, близкаго къ природѣ. — „Здѣсь, скажу я ему, здѣсь путешествовалъ твой отецъ для твоей пользы, въ надеждѣ посвятить тебѣ жизнь

свою, любя тебя страстно, прежде нежели ты существовалъ для него и могъ оправдать такую нѣжную любовь; здѣсь заранѣе радовался я, воображая, что приношу плоды моего путешествія не въ жертву ненадежной славы, но въ пользу дружбы и нѣжности; воображая, какъ ты будешь тронутъ и бросишься обнимать счастливѣйшаго изъ отцевъ; здѣсь наконецъ старался я ближе и ближе подходить къ тѣмъ святымъ чувствамъ, которыя возбудятъ въ тебѣ присутствіе памятниковъ отечества, переносился въ твое сердце или переносилъ тебя въ мое, и въ моихъ радостяхъ наслаждался твоими радостями.„ — Такъ буду говорить съ нимъ, и чувствовать, что не все

счастïе потеряно для того, кто можетъ быть отцемъ нѣжнаго сына и раздѣлять его съ милою подругою. — Я веселился сею мечтою во всю дорогу до самаго вечера. Солнце закатилось; ночь покрыла природу, и счастïе мое угасло съ дневнымъ свѣтомъ. Я очутился далеко отъ Кïева, на ночлегѣ, безъ подруги, безъ сына, одинъ. . . . .

ПИСЬМО XXXIX.

Переяславль.

За двѣ версты отъ сего города стоитъ часовня на томъ мѣстѣ, гдѣ лежатъ Глѣбъ и Борисъ, убитые Ярополкомъ; но явленïе варварскихъ временъ, когда разбой, грабежъ

и убивство были знаками героизма, могутъ ли занимать путешественника въ осьмомъ надесять вѣкѣ? Нѣтъ! другой достойнѣйшій предметъ манилъ меня.

Теперь я нахожусь въ отчизнѣ того Поэта, которой родился въ одномъ столѣтіи съ Ломоносовымъ и Екатериной, и былъ достоинъ своихъ современниковъ, послѣдовалъ за славою лирическаго Поэта и далъ намъ въ себѣ Эпическаго, жилъ во время новаго Августа, и былъ Виргиліемъ своего времени.

Здѣсь хотѣлъ бы я проходить съ Херасковымъ начало его жизни, пропекать злашые дни младенчества, видѣть, какъ возрасталъ духъ Поэта, какъ *релїефъ* природы впечатлѣвался въ душѣ

его, какъ вдохновенный богомъ Поэзіи, повторялъ онъ твореніе въ твореніяхъ разума. Но разогнемъ книгу сочиненій, которая есть всегда зеркало души и жизни Писателя.

Уже я вижу зарю Поэта.

Въ весенней жизни и въ весенней природѣ, онъ гуляетъ по цвѣтущей зелени, подъ концертомъ поющихъ птичекъ, и каждая картина въ твореніи раждаетъ другую прекраснѣйшую картину въ его воображеніи; и каждой отголосокъ птички повторяетъ въ душѣ его звуки той небесной гармоніи, которая строитъ теченіе мѣровъ и лиры Ангеловъ, и каждое впечатлѣніе предмета возбуждаетъ въ немъ божественныя мысли.

Иногда въ глубокомъ уединеніи онъ видитъ тотъ взглядъ, отъ котораго потрясался Олимпъ, тотъ поясъ, которой возжегъ угасшую любовь на горѣ Идѣ, и тотъ сердечной стонъ осиротѣвшаго друга, которой будетъ слышенъ въ самомъ позднѣйшемъ потомствѣ; иногда онъ проливаетъ слезы съ несчастною Карѳагенскою Царевной, внимаетъ повѣствованіямъ Троянскаго Героя, и слышитъ прекраснѣйшую музыку въ тонахъ языка человѣческаго; иногда представляется ему первое утро творенія: Адамъ и Ева въ цвѣтущемъ Эдемѣ, и потерянное наслажденіе невинности; иногда новая Муза поетъ ему на ухо славу Іоанна, покореніе Казани, осво-

божденїе отечества отъ ига Татарскаго.

Наконецъ обогащенный сими впечатлѣнїями, упоенный красотами природы, плѣненный чувствомъ изящнаго, Поэтъ возносится выше земли на крыльяхъ вдохновенїя, паритъ въ подсолнечной, объемлетъ, подобно орлу, единымъ взоромъ небо и землю, постигаетъ связи вещей, заимствуетъ даръ Творца, и дѣйствїемъ единой мысли производитъ новой мїръ, гдѣ каждая черта есть — картина, и каждая мысль — твореніе.

Вотъ Россїяда и Эпическая Поэма!

Нѣкоторые легкїе умы судятъ о ней, какъ о бѣглыхъ стихотвореніяхъ Корнелїя, какъ о Трагедїи

Расина; но я сужу о ней, какъ о Эпической Поэмѣ, гдѣ все велико, важно, величественно; гдѣ главное достоинство состоитъ въ вымыслѣ и въ изобрѣтенїи, гдѣ духъ Творца носится въ царствѣ фантазїи. Величество Эпопеи изключаетъ тѣ правила, по которымъ судятъ о простыхъ сочиненїяхъ. Поэтъ съ дарованїями рисуетъ между цвѣтами; Поэтъ съ творческимъ духомъ пишетъ въ небѣ подъ вдохновенїемъ Генїя.

Говорятъ, что языкъ Хераскова не есть тотъ языкъ, которой долженъ установиться въ Россїйской литературѣ; но Писатель самой величайшїй не можетъ одинъ образовать языка; совершенство его зависитъ отъ

трудовъ и числа многихъ писателей. Сверхъ того есть-ли Авторъ сообщилъ слогу своему всѣ возможныя красоты того языка, на которомъ онъ пишетъ, то онъ сохранитъ всегда цѣну свою, какъ Монтань заслужилъ похвалу и въ старомъ своемъ покроѣ, какъ Бокассъ, Аріостъ и Тассъ останутся прекрасными Поэтами, хотя каждый изъ нихъ писалъ своимъ особеннымъ языкомъ (*).

Сравниваютъ еще Автора Россіяды съ Авторами легкихъ произведеній вкуса

(*) Въ Италіи, говоритъ одинъ Писатель, есть языкъ Аріоста, языкъ Тасса, языкъ Махіавеля; но нѣтъ еще языка Италіанскаго. Тоже можно сказать понынѣ и о Россійской литтературѣ; но это ничего не доказываетъ противъ Хераскова.

и нѣжности, такъ какъ бы вздумалъ кто нибудь сравнивать Мильтона со Стерномъ, Волтера съ Марменпелемъ. Я смѣюсь сравненїю, и молчу.

Наконецъ естьли Россїяда, по признанїю самаго Автора (*), подвержена благоразумной критикѣ, такъ какъ и самой Гомеръ не избѣжалъ ее; то критика должна замѣтить, что нѣтъ и не можетъ быть совершеннѣйшаго творенїя, что каждой Писатель болѣе или менѣе совершенъ въ своемъ вѣкѣ и не совершенъ въ другомъ, за нимъ слѣдующемъ; что время, обстоятельства и мѣсто Писателя имѣютъ

(*) См. Взглядъ на Эпическїя Поэмы. Твореній М. Хераскова Томъ I. стр. 22.

вліяніе на духъ его; что должно судить о талантахъ въ отношеніи къ эпохѣ ихъ рожденія; и что наконецъ Херасковъ, воспѣвъ первый съ Калліопою въ то время, когда одинъ Ломоносовъ проглянулъ еще только на горизонтѣ Россійской Поэзіи, обработавъ дикой языкъ, вознесясь, такъ сказать, выше своего времени, заслуживаетъ славу и безсмертіе.

Но оставимъ судить потомству, и займемся дѣломъ путешественника.

Я искалъ того дому, гдѣ родился Поэтъ нашъ, но нѣтъ и тѣни его.

Посредственные люди! вы завидуете славѣ достоинства, но утѣшьтесь. Никто изъ Переяславлянъ не знаетъ, что есть на свѣтѣ

Херасковъ; я буду первой путешественникъ, которой можетъ быть затвердитъ Малороссіянамъ имя славнаго земляка ихъ. Долго талантъ не пользуется правомъ своимъ, долго слава не прославляетъ славныхъ людей; но вы говорите, что потомки бываютъ умнѣе предковъ своихъ. И такъ пока утѣшьтесь, посредственные люди!

Городъ самъ по себѣ ничего не значитъ; ничто въ немъ не отвѣчаетъ славѣ Поэта; но Поэтъ въ немъ родился — и сего довольно.

ПИСЬМО XL.

Лубны.

Окрестности Переяславля очень милы; я видѣлъ вездѣ прекрасныя долины, подобныя Темпейскимъ, — ручейки и источники, подобные Иппокренѣ; — слышалъ вездѣ тысячи соловьевъ или филомелъ, и дышалъ сладкимъ зефиромъ. Я точно бесѣдовалъ съ Геніемъ Натуры и Поэзіи.

Въ деревнѣ И*** купался я въ рѣкѣ; чистыя, прозрачныя струи, подобно жемчужнымъ перламъ, стекались вокругъ меня; я плескался въ нихъ, освѣжалъ душу и наслаждался во всѣхъ чувствахъ. Конечно Греки чувствовали

живо сіе наслажденіе, когда они воображали, что прекрасныя Наяды живутъ во глубинѣ рѣкъ. Въ самомъ дѣлѣ кажется, что въ то время, когда вы погружаетесь въ воду, рука невидимыхъ Нимфъ васъ ласкаетъ, щекотитъ нервы и производитъ сладкой трепетъ.

Положеніе города *Лубны* имѣетъ нѣчто піитическое и живописное. Перпендикулярная гора несетъ его на хребтѣ своемъ; свѣтлая рѣка лобызаетъ его подошву, зеленой лѣсъ вѣнчаетъ, и солнце въ часъ вечера отмѣнно краситъ сію картину.

Приближаясь къ городу, видѣлъ я на травѣ двухъ горлицъ. Онѣ сидѣли такъ дружно одна съ другою, переглядывались такъ нѣжно,

такъ радовались натурою и любовію своею, что онѣ воркovали, казалось, Де-лиллевы стихи:

Que renaître au printems eſt un (plaiſir ſuprême;
Mais combien les beaux jours ſont (plus beaux, quand on aime.

Милы горлицы; милы стихи; милъ Поэтъ, которой написалъ ихъ.

Теперь спрашиваю себя, отъ чего гляжу я сего дня на всѣ предметы глазами энтузіазма? Отъ того, что началъ утро весело, и весело выѣхалъ изъ Переяславля. По сему случаю сдѣлалъ я замѣчаніе. Человѣкъ, открытый душею къ живымъ и глубокимъ впечатлѣніямъ, встрѣчаетъ вечеръ въ томъ же самомъ расположеніи, въ которомъ онъ началъ утро.

Какïябъ непрïятныя противорѣчïя ни пресѣкали его удовольствïя, какъ бы ни перемѣнялись обстоятельства для него; онъ останется веселъ и покоенъ, естьли первое впечатлѣнïе его при началѣ дня было прïятное. Мысли, разговоръ, упражненïе — все въ продолженïи дня заимствуетъ духъ свой болѣе или менѣе отъ сего перваго впечатлѣнïя; оно имѣетъ иногда свое вліянïе на всѣ дѣйствïя ума и сердца, такъ что для сохраненïя свѣтлой души, для успѣха добродѣтели, для достиженïя съ Франклиномъ (*) моральнаго совершенства, должно только можетъ быть стараться

(*) См. Vie de Benjamin Franklin écrite par lui-même.

о томъ, чтобъ восходящее солнце заставало насъ всегда въ мирѣ съ собою самими, съ подобными себѣ, со всею природою.

ПИСЬМО XLI.

Полтава.

Вотъ городъ, славной въ лѣтописяхъ міра!

Россіянину не должно умереть безъ того, чтобы не взглянуть одинъ разъ въ жизни на мѣсто Полтавской баталіи, на то поприще, гдѣ сражались два вѣнценосные Ратоборца; должно вообразить на семъ мѣстѣ тотъ день, въ которой судьба вѣсила судьбу двухъ земныхъ народовъ, вѣсила судьбу двухъ

Царей и склонила вѣсы въ пользу достойнѣйшаго. Какъ ужасенъ былъ сей день для двухъ Героевъ! какъ медленно восходило для нихъ то солнце, которому надлежало освѣтить славу одного изъ нихъ! какъ медленно текли часы сраженія въ то время, когда побѣда еще колебалась! какъ въ каждомъ выстрѣлѣ, въ каждомъ воплѣ арміи, каждой изъ нихъ слышалъ восклицаніе побѣды или вопль урона! какъ надежда побѣдить и страхъ быть побѣжденнымъ — сражались въ сей день между собою съ неменьшимъ жаромъ, какъ и двѣ арміи! Но особливо взглянемъ на Петра Великаго. Я вижу быстро черные глаза его, которые освѣщаютъ воинство лучемъ мужества и на-

дежды. Онъ торжествуетъ — Полтава падаетъ къ ногамъ его — и громъ славы, раздавшись въ мірѣ и въ сердцѣ Побѣдителя, даетъ ему чувствовать судьбу блаженнѣйшаго человѣка въ свѣтѣ. Удовольствіе побѣды, спасеніе отечества, будущее счастіе народа, которое должно послѣдовать за сею побѣдою, гордость благороднаго самолюбія; все радуетъ, все восхищаетъ Петра Великаго. Онъ входитъ въ городъ — и рукоплескающій народъ летитъ къ нему на встрѣчу; слѣды гордаго Карла XII изчезли, истинная слава возсѣла на развалинахъ безумнаго честолюбія... Ахъ! я люблю останавливаться мыслію на сихъ великихъ подвигахъ, которые одни достойны человѣчества,

и люблю сообщаться съ духомъ истинныхъ Отцевъ отечества.

ПИСЬМО XLII.

Полтава.

Коническая пирамида стоящая въ самомъ городѣ, въ узкомъ мѣстѣ съ мѣдною доскою, изображающею сраженіе съ стихами, недостойна сего великаго дѣла; воображеніе смѣется ей, какъ великанъ смѣется карлу; воображеніе протекло то обширное поле, которое разостлалъ, кажется, самъ богъ воинства для славы Петра Перваго. Глаза видѣли борьбу двухъ великихъ Ратоборцевъ; слухъ внималъ торжественнымъ гимнамъ

побѣды, которые пѣла и будетъ пѣть священная Поэзія въ честь Герою, и вдругъ послѣ него глаза встрѣчаютъ этотъ столбъ, частію разрушенной рукою времени, эту пѣсную улицу, эти стихи, написанные однимъ усердіемъ Руденко (*).

(*) Вотъ они:

Полтавской брани видъ являетъ сей моналлъ,
Какъ въ день Самсоновъ Карлъ сраженъ Петромъ, упалъ;
Симъ сдѣлалъ Богъ съ небесъ начало Россіи славы.
Руденко, гражданинъ усерднѣйшій Полтавы,
Которою отецъ въ сей самой битвѣ былъ,
И вольность чрезъ Петра изъ плѣна получилъ,
Въ благодареніе Всевышнему Сіону
Устроилъ каменный священный храмъ Самсону;

Нѣтъ! очистите мнѣ обширную равнину — выберите то самое мѣсто, гдѣ леталъ и еще летаетъ духъ великаго Мужа — сооружите мраморной обелискъ, котораго бы рука времени также поколебать не могла, какъ она не можетъ загладить дѣлъ Петровыхъ въ памяти человѣческой — вострубите съ Музою Державина похвальную пѣснь Герою — надпишите ее; и тогда сынъ Юга и Сѣвера, пришелецъ отъ страны отдаленнѣйшей, всякой Россіянинъ, чувствительной къ славѣ, прольетъ слезы восторга и радости.

Въ хвалужѣ Петровыхъ дѣлъ,
(грядущихъ въ память дней,
Средь сѣнѣ отечества поста-
(вилъ образъ сей.

Но не существуетъ ли уже сей монументъ на Полтавскомъ полѣ? Не существуетъ ли онъ въ одномъ имени Полтавы, въ одномъ видѣ поля, въ воспоминаніи Россіянина?

Такъ; естьли воображеніе ваше не тронется на семъ полѣ, естьли вы не найдете на немъ Карла XII и Петра I; естьли не увидите тутъ ихъ взоровъ, ихъ движеній, ихъ духа, — то нѣтъ нужды для васъ ни въ какомъ памятникѣ, и вы имѣете холодную душу.

ПИСЬМО XLIII.

Полтава.

Теперь сижу близь деревни Семеновки, на сценѣ славной баталіи, подъ шѣнью дуба, бывшаго можетъ быть ея свидѣтелемъ, и сравниваю въ мысляхъ Россійскаго Государя съ Королемъ Шведскимъ.

Они были оба Герои: но Герои со всѣмъ различные; одинъ ложной, другой *истинной*; одинъ пролеталъ землю съ бичемъ и пламенемъ, подобно всѣмъ кровожаждущимъ завоевателямъ, которыхъ память будетъ такъ сохранена, по мнѣнію одного Историка, какъ помнятъ эпохи землетрасенія, наводненій и всѣхъ

свирѣпствующихъ метеоровъ; послѣдній, подобно благодѣтельному Богу или предвѣчному Хранителю природы, воздвигалъ бури и громы для того, чтобъ очистить атмосферу, чтобы ясные дни возсіяли въ нравственномъ мірѣ; первой хотѣлъ только, чтобы имя его гремѣло въ свѣтѣ: подданные были для него одною тѣнью, и его можно сравнить съ Геростратомъ, которой для безсмертія зажегъ Діанинъ храмъ; второй обожалъ истинную славу, переносилъ всю личность въ лице отечества и любилъ пламенно счастіе своего народа.

Петръ I вознесся кажется свыше того круга, въ которомъ судьба его поставила; преграды положенныя

природою, дѣйствіе воспитанія, вліяніе времени — все уступило силѣ могущественнаго духа, и примѣръ его служитъ можетъ быть доказательствомъ, что человѣкъ самъ повелѣваетъ произшествіями міра. Карлъ XII, рожденный Героемъ, описалъ далеко отъ того величія, къ которому казалось онъ былъ призванъ; его примѣръ могъ бы напротивъ того служить доказательствомъ, что и родясь великимъ, человѣкъ имѣетъ еще нужду, чтобъ воспитаніе обратило душевныя способности на предметъ, ихъ достойный.

Петръ родился *Великимъ*; Карлъ неустрашимымъ; Петръ имѣлъ твердость *Мужа*, Карлъ ярость безумца; проницательное око Россій-

скаго Государя сообщало ему даръ *предвѣденія*, въ Шведскомъ Королѣ не было проницанія отъ чрезвычайнаго энтузіазма; первой соображалъ всѣ шаги свои, размѣрялъ близкое и отдаленное, настоящее и будущее, строилъ въ цѣломъ, какъ зодчій полагаетъ основаніе зданія, какъ музыкантъ составляетъ концертъ голосовъ; послѣдній пользовался только настоящею минутою, забывался въ упоеніи, и представлялъ намъ весь безпорядокъ ума человѣческаго, когда одна слѣпая страсть обладаетъ имъ.

Наконецъ нѣтъ въ Исторіи ничего подобнаго тому чуду, которое совершилъ *безсмертный* Петръ. Никто изъ славнѣйшихъ учредителей гражданскаго порядка не мо-

жетъ съ нимъ равняться; никогда сила творческаго Духа не дѣйствовала надъ такимъ непроницаемымъ хаосомъ; нигдѣ не является такъ живо самъ Богъ въ дѣлѣ творенія. Одна великая мысль свыше, кажется, понятія человѣческаго постигаетъ, что невѣжество есть зло и просвѣщеніе добро, что искры свѣта таятся подъ мракомъ разума, что духъ человѣческаго могущества можетъ повелѣть хаосу, чтобъ хаосъ разсѣялся и свѣтъ родился. Петръ I взираетъ съ удивленіемъ на цвѣтущія царства, на блестящіе успѣхи ума, на лучезарное солнце полуденныхъ народовъ; — внимаетъ славѣ, которая гремитъ въ подсолнечной; мыслитъ самъ въ себѣ, и — творитъ

новое царство, котораго явленіе мгновенно послѣдовало бы въ мірѣ, естьлибъ довольно было для онаго одной силы человѣческой мысли. Съ сими предначертаніями, съ пламенною любовію къ отечеству, съ благороднымъ соревнованіемъ къ славѣ, онъ отлагаетъ величество, санъ, скипетръ ревнующей власти, чтобы странствовать между просвѣщенными народами, познавать нравы, наблюдать законы, обогащаться знаніями, пріобрѣтать все то, однимъ словомъ, что можетъ только сдѣлать человѣка достойнымъ Царскаго титла. Здѣсь бесѣдуетъ онъ съ учеными мужами; санъ въ глазахъ его ниже знанія; великой по *званію* своему смиряется предъ великими по

разуму; тамъ матрозская одежда скрываетъ на немъ блескъ порфиры; рука, правящая рулемъ Государства, правитъ орудіемъ Механики, и мореходное судно возникаетъ на Сѣверномъ Океанѣ изъ рукъ Царя — художника. Иногда онъ является въ своемъ санѣ для того, чтобы сообщаться съ вѣнчанными Главами, чтобы научиться отъ нихъ наукѣ царствовать, но безъ пышности и безъ роскоши. Обогащенный открытіями, сопровождаемый сокровищами, учеными, художниками, любимцами и обожателями славы своей, покрытый рукоплесканіями свѣта, онъ является снова на тронѣ отечества, и взоры вселенной обращаются на Сѣверъ. Ничто не показы-

ваетъ такъ ясно чудеса баснословныхъ преданій исторіи Геркулеса, Орфея, Амфіона, всѣ превращенія воспѣпыя Овидіемъ, какъ дѣла Петра Великаго. Гдѣ дикія пустыни скрывали красоты природы, гдѣ ревѣли рѣки, гдѣ шумѣли лѣса непроходимые, тамъ разцвѣтаютъ города, храмы и сады; городъ *его* имени родится на берегахъ Невы; святилище наукъ и художествъ возносится; порядокъ и повиновеніе строятъ блестящіе ряды воинства; побѣдоносные флаги развѣваются изъ краю въ край Государства, отъ Каспійскаго моря до Эвксинскаго Понта, и отъ Меотиды до Балтики. Но что всего величественнѣе, всего прекраснѣе въ мірѣ — чело-

вѣкъ, погруженный въ затмѣніи разума, пробуждается вдругъ при разсвѣтѣ новаго дня, познаетъ бытіе свое — познаетъ, что онъ имѣетъ умъ и душу, открываетъ въ себѣ благородныя чувства, сладкія движенія, великія способности, заглядываетъ во внутренность сердца и въ святилище природы, и покоряетъ міръ своему воображенію, чтобы лучше имъ наслаждаться.

Osez! Dieu fit le monde et l' homme l' embellit.

Делилль сказалъ. Петръ совершилъ.

Карлъ XII....въ параллелѣ. . . .

Закрываю занавѣсъ.

ПИСЬМО XLIV.

Полтава.

Естьли Историки и любящіе славу своего отечества будутъ вѣчно твердить имя Полтавы, то любители натуры не забудутъ никогда положенїе сего города на востокѣ; кажется, что Генїй мира украсилъ оное для того, чтобы глаза и сердце послѣ окровавленнаго поля битвы на немъ отдыхали. Прекраснѣйшая равнина развивается у самой подошвы горы, и съ одной стороны примыкаетъ къ холму, на которомъ въ тѣни лѣса блеститъ монастырь; излучины нѣсколькихъ рѣчекъ пере-

сѣкаютъ ее; по ней разсыпаются пески, пасутся многочисленныя стада; рощицы, подобно насажденнымъ цвѣтникамъ, зеленѣютъ отъ мѣста до мѣста; далѣе за симъ ландшафтомъ видны сельскія хижины, красивыя рощицы, луга блестящіе въ лучахъ солнечныхъ. Наконецъ, естьли смѣю такъ сказать, видъ сей столькожъ достоинъ, сколько и слава Петра Великаго, привлекать сюда путешественниковъ.

Тамъ на прекрасной эспланадѣ, сѣвъ на зеленомъ берегу рѣки Полтавки, восхищался я прекрасными видами; но натура была не однимъ моимъ утѣшеніемъ. За дальними рощами и полями мечталась мнѣ счастливая Москва, гдѣ живетъ все

любезное моему сердцу; я сидѣлъ лицемъ къ ней, и слѣдовалъ глазами зависти за быстрыми облаками, текущими къ Сѣверу; на сихъ облакахъ ловилъ я взоръ друзей моихъ — препоручалъ имъ тайну сердца — провожалъ облака, какъ могъ далѣе, глазами — простился съ Сѣверомъ, и остался одинъ въ уединенiи.

ПИСЬМО XLV.

Полтава.

О городѣ, о его строенiяхъ, о церквахъ, о Соборѣ не имѣю ничего сказать вамъ.

Малороссiяне и козаки жительствуютъ здѣсь по

большей части; есть также довольно и Жидовъ. Сіи послѣдніе умѣютъ, не смотря на ненависть людей, наживаться позволительными средствами и быть богатыми. Чего не дѣлаетъ умъ и трудолюбіе?

Козаки напротивъ того, пребывая въ лѣности, живутъ бѣдно и грубо.

Въ моральномъ мірѣ, такъ какъ и въ Физическомъ, нужно можетъ быть дѣятельное движеніе, чтобы сохранить жизненныя способности.

ПИСЬМО XLVI.

Мѣстечко Кобылка.

Солнце садилось, когда я выѣхалъ изъ Полтавы. Вечерняя заря багровѣла на небѣ — послѣдніе лучи свѣта замирали на небѣ, на цвѣткахъ, на рощахъ — угасли — и природа скрылась подъ завѣсою ночи; но любовникъ ея не долго вздыхалъ о ея отсутствіи. Взошелъ свѣтлой мѣсяцъ, и снова освѣтилъ землю.

Вездѣ пріятна дорога въ часы мѣсячной лѣтней ночи; но нигдѣ не чувствительна такъ сія пріятность, какъ въ Украйнѣ. Здѣсь проходятъ наши Рускіе караваны, обозы,

нагруженные товарами и медленно везомые волами; здѣсь проводники ихъ въ часы ночи покоются на мягкой зелени, между тѣмъ какъ выпряженные, волы кормятся питательными травами; здѣсь пастухи, пася многочисленныя стада, проводятъ также ночь въ полѣ за пылающимъ огнемъ, за курящимися трубками (*), за сытнымъ ужиномъ. Толпа людей, отъ мѣста до мѣста встрѣчающаяся, свѣтящійся огонекъ, шопотъ и шорохъ несущіяся въ вѣтеркѣ, свѣтъ тихой луны, глубокое безмолвіе ночи, — все это производитъ въ душѣ глубокое впечатлѣніе. Я не могъ до-

(*) Малороссіяне любятъ страстно курить табакъ.

вольно наслаждаться сими ночными сценами, такъ что дорого бы далъ на ту минуту за то, чтобы мнѣ можно было съ друзьями моими провести одну такую ночь въ полѣ, въ такой же простотѣ, также за стадомъ и обозами. Признаюсь вамъ, что я непритворно завидовалъ состоянїю сихъ людей, и думалъ, что въ такой страннической жизни, подъ открытымъ небомъ, съ покойною душею есть болѣе пищи для чувства, нежели гдѣ нибудь въ городахъ нашихъ. Смѣйтесь, называйте это шалостью; но сколько такихъ шалостей, которыя бы могли сдѣлать человѣка гораздо счастливѣе, нежели всѣ обыкновенныя важности жизни!

Эта ночь обворожила меня. Мнѣ вздумалось продолжать путь мой до самаго утра, не останавливаясь. Я такъ и сдѣлалъ. Люди мои и собачка дремали, а я подъ вліяніемъ луны бесѣдовалъ одинъ съ собою. Матеріи для размышленія было довольно; можно бы написать нѣсколько томовъ, еслибъ я хотѣлъ только передать бумагѣ все то, что чувствовало сердце и мыслила голова. Сладкія мечты, романическія идеи, надежды будущей жизни, воспоминанія минувшихъ радостей — я истощилъ все, что есть только возможностей въ мірѣ и въ силахъ воображенія. Наконецъ утомленный тяжестію мыслей, заснулъ я самымъ крѣпкимъ и сладкимъ сномъ подъ душевнымъ разслабленіемъ.

Я проснулся на зарѣ, когда мы приближились къ мѣстечку Кобылкѣ, и пріятныя сновидѣнія, свѣтлое утро, остатокъ вчерашняго впечатлѣнія настроили снова душу мою къ глубокому чувству. Я взошелъ на пригорокъ, чтобы встрѣтить первые лучи восходящаго солнца. Тамъ смотря, какъ одна розовая точка рдѣла, разливалась въ огненномъ кругу, и наконецъ разсыпала по землѣ косые лучи злата; видя, какъ земля, птички, люди, всѣ существа въ мірѣ пробуждались къ жизни и радости, какъ молодыя бѣлорумяныя крестьянки съ коромысломъ черезъ плечо сходили подъ гору къ колодезю, какъ барашки и овечки бѣжали за пастухомъ, вызывающимъ ихъ

сладкою пѣснїю свирѣли; видя, какъ все оживлялось съ природою, чувствовалъ я въ душѣ неописанное движенїе.

Въ минуты сего очарованїя, когда еще одинъ голубокъ заворковалъ на кровлѣ одной хижины, вышла со двора молодая и прекрасная крестьянка. Румянецъ игралъ на щекахъ ея; живость играла въ ея станѣ; вѣтерокъ игралъ ея волосами; но что было всего прекраснѣе, младенецъ игралъ на рукахъ ея; онъ требовалъ груди, она не давала и улыбалась; ей весело было томить его. Я радовался счастїю матери, счастїю несравненному, какъ вдругъ — красавица, съ смѣлостью невинности, открыла грудь свою. Едва ли не изчезло предо мною величе-

ство матери. Снѣжная бѣлизна груди, тихое колебаніе, нѣжныя жилки, разрисованныя рукою амуровъ, плѣнительная форма округлостей, цвѣтущія лѣта красавицы, прекрасный весенній день . . . . . О талисманъ! о женщины! . . . . Но младенецъ бросился, и прижался розовыми губами къ бѣлѣйшей груди. Святость матери покрыла прелести женщины; я увидѣлъ предъ собою достойнѣйшее зрѣлище въ мірѣ, предъ которымъ низко все земное величіе, и разсудокъ сказалъ чувствамъ: *молчите!* а сердцу: *наслаждайся!*

Я удалился съ чистою душею, принося въ мысляхъ жертву очищенія матери за минутное забвеніе чувствъ.

О добродѣтель! естьли когда нибудь я нарушу святыя права твои, то пусть не буду никогда любимъ..... милыми женщинами.

ПИСЬМО XLVII.

Кременчугъ.

Въ семъ городѣ было убѣжище, гдѣ прежде укрывались нещастные, бѣглецы, праздношатающіеся.

Сей городъ, недавно построенный, стоитъ на рѣкѣ Днѣпрѣ, на ровномъ и песчаномъ мѣстѣ; нѣтъ въ немъ еще порядочныхъ строеній; и можетъ быть, все достоинство его состоитъ въ томъ, что всѣ домики вытянуты по линіи.

Гуляя по немъ, встрѣчаются Греки, Жиды, Малороссіяне, наши Великороссійскіе крестьяне, и каждой съ такою физіогноміею, съ такимъ лицемъ, что вы читаете въ душѣ человѣка — и ужасаетесь. Кажется, что вы вездѣ окружены уродами моральной натуры.

Однакожъ я награжденъ былъ за оное знакомствомъ одного проѣзжающаго Италіанца. Онъ имѣетъ семейство; неудача въ купеческихъ дѣлахъ привела его въ крайнюю бѣдность. Жена его, несмотря на свое положеніе, сохранила благородной видъ. Дочь въ нѣжныхъ лѣтахъ, прекрасная собою, заставляетъ забывать ихъ о бѣдности и о несчастной судьбѣ своей. Она разливала чай

въ домашнемъ платьѣ съ черными распущенными волосами; робость поступляла взоры ея; тихїе вздохи ясно говорили, что сердце ея чувствуетъ бѣдность состоянїя и сиротство сердца. Однакожъ мнѣ не было времени долго разбирать *логогрифы* души человѣческой, и я простился съ любезнымъ семействомъ не безъ прискорбїя. Кажется, что при прощанїи взоры красавицы сказали нѣчто моимъ взорамъ.

ПИСЬМО XLVIII.

Кривой Рогъ.

Подъ Кременчугомъ переплылъ я еще Днѣпръ — и новая рѣка отдѣлила меня

отъ друзей моихъ, и новое пространство прибавилось къ разстоянію между нами. Я живо чувствовалъ это, сидя на другомъ берегу противъ Кременчуга, подъ свѣтлымъ небомъ Юга въ 900 верстахъ отъ Москвы. Но по крайней мѣрѣ, думалъ я, мы все еще подъ одною Атмосферою, подъ однимъ солнцемъ, въ одномъ мірѣ, — и мы имѣемъ еще надежду видѣть другъ друга....

Это что такое? спросилъ я, увидя на другомъ берегу Днѣпра нѣсколько избъ, тѣсную улицу, шумную толпу народа и рогатку, которая ограничивала въ глазахъ моихъ сіе мѣсто. — Это городъ Крюковъ, отвѣчали мнѣ. Городъ, повторилъ я самъ въ себѣ, и улыбнулся на сего Пигмея между городами,

которой бы могъ конечно помѣститься на Геркулесовой ладонѣ.

Отъ Кременчуга къ Херсону начинаются гористыя мѣста, и путешественникъ только что успѣетъ опуститься въ низъ, какъ уже должно взбираться на новую гору. Мѣстъ пріятныхъ нѣтъ.

Отъ Яма Зибкова, въ 100 верстахъ отъ Кременчуга, была нѣкогда Запорожская сѣчь (*). Тамъ жили козаки, какъ новые Мальтійскіе рыцари, не имѣя женъ и воюя противъ невѣрныхъ; оттуда посылали они поражать непріятеля; тамъ отъ руки ихъ погибли милліоны жертвъ;

(*) О Запорожской сѣчи будетъ говорено пространнѣе во второй части, въ описаніи Фанагоріи.

но побѣдоносное оружіе Россіи нашло ихъ во глубинѣ сѣчи, и варварство покорилось предъ Героизмомъ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Кременчуга открылись частички горъ, которыя составляютъ можетъ быть одну цѣпь съ Крымскими горами. Здѣшнія не велики и не высоки, но довольно пространны. Онѣ состоятъ по большой части изъ аспида, и хребетъ ихъ окружаетъ деревню со всѣхъ сторонъ въ видѣ *кривого рога*; аспиду такъ много здѣсь находится, что поселяне, выкапывая его, выдѣлываютъ доски для столовъ, грифеля и проч., съ дозволенія Правительства, которое приставило къ нимъ Офицера или начальника.

ПИСЬМО XLIX.

Станція Киргинца.

Едва ли имѣю что нибудь сказать о продолженіи моего пути къ Херсону. Кромѣ степей и почтовыхъ дворовъ, печально стоящихъ, не встрѣчалъ я ничего пріятнаго. Отъ мѣста до мѣста попадались только огромные обозы, опредѣленные надѣлять хлѣбомъ роскошныхъ городскихъ жителей въ то время, когда бѣдные поселяне, разметанные по необработаннымъ полямъ, не имѣютъ средствъ къ доставленію себѣ самонужнѣйшаго въ жизни. Зрѣлище человѣческой бѣдности, и воображеніе человѣческаго

богатства въ другихъ мѣстахъ, возбуждаютъ множество глубокихъ мыслей.

Въ одномъ бѣдномъ селеніи два мальчика просили милостыни; — я имъ подалъ — и тотчасъ сбѣжалось ихъ пятьдесятъ ребетишекъ. Остановясь, обдѣлилъ я каждаго изъ нихъ пятью копѣйками; они прыгали отъ радости; наперли благословлять меня; я былъ сердечно доволенъ. Одна бездѣлка въ хорошемъ употребленіи можетъ доставить человѣку неизъяснимое удовольствіе, когда сердце въ немъ добро и умъ не испорченъ. Такъ разсуждалъ я самъ въ себѣ, и гордился бытіемъ моимъ.

Отъ сего мѣста далѣе къ Херсону степи продолжаются. Ужасной видъ! Нѣтъ

нигдѣ слѣдовъ жизни; поля лежатъ пустыя; одно небо съ землею сливается; зелень и трава не приносятъ удовольствія. Тамъ невольнымъ образомъ представляешь себѣ то время, когда хаосъ царствовалъ въ твореніи, и живыя существа не населяли еще кіръ нашъ; или когда воспослѣдуетъ всеобщее разрушеніе въ природѣ, и дикія пустыни покроютъ вездѣ слѣды живущихъ нынѣ людей.

Въ сихъ пустыняхъ творенія застала меня буря. Ужасной вихрь былъ ея предтечею; черныя облака застилали атмосферу; вѣтры шумѣли, воздухъ колебался, и небо и земля стенали; казалось, что всѣ стихіи міра хотятъ разорвать союзъ свой

и погрузишь вселенную въ новой безпорядокъ. Я готовъ былъ воскликнуть съ Жан-Баптистомъ Руссо:

Que vois-je! le monde vient d'éclorre;
L'univers se reforme encore
Dans les abymes du cahos.

Пишу сіе на почтовомъ дворѣ, которой есть ничто иное, какъ одна изъ горнаго камня сдѣланная стѣна, почти наравнѣ съ землею, безъ оконъ, безъ полу, съ соломенною кровлею. Я пишу днемъ при свѣчкѣ. Нѣтъ нигдѣ вокругъ селенія. Этотъ дворъ стоитъ одинъ посреди степи такъ печально, что вы видите, кажется, человѣка занесеннаго на край свѣта въ необитаемыя пустыни, подобно Робинзону. Едва ли можно вообразить, что за сими

безплодными странами живутъ люди въ обществѣ, въ удовольствіи, подъ благословеннѣйшимъ климатомъ.

ПИСЬМО L.

Станція Ингулецъ.

Здѣсь въ семнадцати верстахъ отъ Херсона надлежало мнѣ переѣзжать рѣку Ингулецъ подъ ревомъ ужаснаго вѣтра, которой зашумѣлъ со вчерашняго дня. Невозможно было взирать безъ ужаса на влажную равнину, которая волновалась, кипѣла и чернѣла; волны, разсѣкаемыя плывущимъ паромомъ и вздуваемыя буграми, разбивались съ бѣлою пѣною подъ рулемъ судна, удалялись съ

яростію къ берегу, и тамъ замирали съ шумомъ на пескахъ стенящей земли.

Сюда бы должно приходить свѣтскимъ людямъ, и философамъ думать о ничтожности вещей земныхъ; здѣсь люди должны бы наблюдать образъ человѣческой жизни въ бурномъ волненіи водъ; здѣсь должнобъ людямъ познавать величество Бога, Систематикамъ писать свои системы, Апостоламъ нравственности — проповѣдывать добродѣтель; здѣсь наконецъ при шумѣ волнъ должно всякому человѣку размышлять о непроницаемыхъ таинствахъ природы.

Я самъ теперь пишу на берегу Ингулеца — записываю мысли свои на бумагу — и не успѣю отдавать себѣ

отчета въ тѣхъ безчисленныхъ идеяхъ, которыя одне за другими раждаются въ головѣ моей. Какъ неизмѣримы, какъ глубоки сокровенности міра, такъ по соразмѣрности любопытенъ умъ человѣческой. Всегда ли будетъ человѣкъ трудиться надъ изслѣдованіями великихъ предметовъ и не достигнуть до рѣшенія важныхъ вопросовъ? Всегда ли первыя причины вещей будутъ отъ него сокрыты? Есть ли предѣлы ума, и гдѣ онъ кончится? Что совершится наконецъ изъ всего видимаго? Какая связь находится между настоящимъ, прошедшимъ и будущимъ? Что есть все то, что есть? Для чего все совершилось въ мірѣ? Могъ ли міръ не существовать?

Чтобъ было тогда? . . . . . Воображеніе мое изнемогаетъ подъ тяжестію мыслей.

ПИСЬМО LI.

Херсонъ.

Херсонъ стоитъ между 47 и 48 гр. широты на устьѣ Днѣпра посреди степей, его съ трехъ сторонъ окружающихъ.

Дорога къ нему непріятна, особливо въ нынѣшнее лѣто, когда трава пожелтѣла отъ засухи, и саранча покрываетъ нагія поля.

Всего любопытнѣе и всего ужаснѣе видѣть приливъ сихъ насѣкомыхъ. Мириады прыгаютъ по землѣ; дорога усѣяна ими; отъ бѣгутъ отъ лошадей во всѣ стороны, но не

успѣваютъ разбѣжаться; однѣ хрустятъ подъ колесами, другія валяются полумертвыя; желтая волоса стелется по землѣ отъ нихъ. И это живыя твари отъ руки Бога! и сіи существа составляютъ одну цѣпь съ другими существами въ твореніи! и сіи животныя, наполняющія можетъ быть пустоту между полипами и лягушками, поглощаютъ плоды трудолюбія въ благороднѣйшемъ и возвышеннѣйшемъ мірѣ! Какія чудеса въ природѣ!

Вѣздъ въ городъ не показалъ мнѣ ничего пріятнаго; но далѣе въ такъ называемомъ *купеческомъ* предмѣстіи, въ лучшей части города, плѣнили меня свѣтленькіе домики иностранныхъ

купцовъ, каждой съ садикомъ и загородочкою передъ окнами, каждой на одной линіи съ другимъ выстроенный, такъ что вамъ вдругъ представляется одна перспектива садовъ и домовъ. Нигдѣ конечно не увидишь величества Архитектуры, ни Луврской колоннады, ни Римскаго пантеона, ни Петербургскаго эрмитажа; но за то увидишь простоту, вкусъ и пріятность, которыя конечно не въ однѣхъ богатыхъ палатахъ, не въ однѣхъ мраморныхъ зданіяхъ заключаются. Замѣтьте еще, что изъ каждаго уголка города виденъ блескъ Днѣпра, усѣяннаго зелеными островами, покрытаго судами, и быстро текущаго вслѣдъ за плывущими барками.

Рожденіе сего города есть чудо. Посреди степи, въ пустомъ мѣстѣ одна воля назначаетъ мѣсто города — и городъ возносится, люди селятся, земля обрабатывается; стекаются купцы изо всѣхъ краевъ земли, и новой Херсонъ цвѣтетъ, подобно древнему Херсону. Такъ творилъ людей Петръ I! Такъ повелѣваетъ природѣ и человѣческому могуществу творческаго Духа!

ПИСЬМО LII.

Херсонъ.

Крѣпость Херсонская начатая Аннибаломъ въ 1778 году, и заключающая въ себѣ каменныя зданія, арсеналъ,

Комендантской домъ, гауб-вахту и проч. обращаетъ на себя вниманіе Инженеровъ; они бы и могли показать въ ней мастерство своего искусства. Но что можетъ сказать объ ней такой путешественникъ, какъ я? Я взглянулъ только на нее.

Взглянемъ на Соборъ, построенной внутри крѣпости для пріѣзда возвышеннѣйшаго изъ путешественниковъ, громкаго въ мірѣ, знаменитаго въ Россіи, Хозяина посѣщаемой страны, Главы видимыхъ Имъ народовъ, Царя — женщины, словомъ — Екатерины II.

Простой видъ церкви плѣняетъ; тѣнистыя деревья осѣняютъ ее. Храмъ Бога — въ тѣни природы. Сердце почерпаетъ чувство Религіи

въ изліяніи слабаго свѣта, въ простотѣ иконоспаснаго украшенія, въ легкомъ сводѣ купола, которой наполняетъ только неизмѣримость между Богомъ и человѣкомъ.

Такіе храмы люблю я; въ нихъ воображеніе сквозь легкіе своды, сквозь тонкія стѣны видитъ Божество, какъ будто сквозь прозрачность покрывала; толстыя стѣны гнетутъ мысли. Простота Архитектуры означаетъ нѣкоторымъ образомъ и кажется ближе къ великому Строителю вселенной; но бронза, мраморы, золото стѣсняютъ душу и удерживаютъ стремленіе духа, которой любитъ разливаться въ океанѣ неизмѣримаго пространства.

Взглянемъ на живопись образовъ. Эти Ангелы, Апо-

столы, мученики живы; они дышутъ; — кисть живописца воскресила на землѣ Екатерину мученицу, блѣдную, тонную и прекрасную, Іоанна Богослова со вдохновеннымъ взоромъ, со пророческимъ лицемъ, Архистратига Михаила, которой возбуждаетъ трепетъ въ сердцѣ моемъ.

Вхожу въ олтарь. Жертвенникъ есть самой простой, и отъ того самой величественной. Кажется, что вы видите курящійся фимїамъ моленія и несущійся въ облакѣ къ престолу Невидимаго.

Кого вижу я надъ сѣдалищемъ? Кого представили въ семъ образѣ? Саваоѳа — Іегову; — Того, Кто, именуясь различно земными народами, не имѣетъ имени;

Кого уста не называютъ,
Но кто всего — кто нашъ отецъ.
Qu' on méconnoit, que tout annonce.

Правителя миріадовъ міровъ, миріадовъ солнцевъ, Творца червя и человѣка, Источника гармоніи, ума, чувства. . . . . .

Живописецъ! Ты не изобразишь никогда всѣ принадлежности высочайшаго Существа, всѣ черты Его величества.

ПИСЬМО LIII.

Херсонъ.

Я поклонился сего дня праху добрѣйшаго изъ людей.

Бѣлой каменной обелискъ возвышается на обширномъ

полѣ въ 8 верстахъ отъ Херсона; прекрасныя долины лежатъ вокругъ его; неизмѣримость природы служитъ ему украшеніемъ. Это гробница Говардова.

Имя сего благодѣтеля человѣчества, сего истиннаго Филантропа, будетъ вписано первое въ исторіи людей.

Одна Англинская нація могла произвести такого человѣка, которой обратилъ всѣ природныя стпрасти, всѣ душевныя способности, всѣ наслажденія жизни въ одно наслажденіе, въ одну способность, въ одну страсть размножить счастіе себѣ подобныхъ.

Найдите мнѣ въ Исторіи одного великаго человѣка, которой болѣе бы сдѣлалъ

изъ чистой любви къ добру, и былъ бы достойнѣе истинной славы.

Свѣтъ видѣлъ тысячу пламенныхъ Вертеровъ; земля трепетала подъ шагами Александровъ; но кто былъ Героемъ добра и человѣколюбія? Одинъ Говардъ.

Человѣколюбецъ, которой возвысился до высочайшей степени страсти къ добру, имѣлъ конецъ, себя достойной. Онъ скончалъ жизнь свою на полѣ добродѣтели, какъ воинъ умираетъ на полѣ сраженія. Одна больная женщина, за которою ходилъ онъ, сообщила ему болѣзнь свою и съ нею ядъ жизни (*).

Но люди чувствовали лишёну великодушнаго друга

(*) Смотри Vie d' Howard.

ихъ? Успокоили ли они въ гробѣ того, кто покоилъ ихъ при жизни своей? Нѣтъ. Онъ жилъ, и свѣтъ не удостоивалъ его уваженія; онъ умеръ, и никто не хотѣлъ воздвигнуть ему памятника. Одинъ Херсонской кузецъ заплатилъ ему долгъ всего человѣческаго рода, и построилъ сей обелискъ. О люди!.....

Удалимъ сіи мысли, благословимъ память Говарда, и начертимъ скромную надпись въ честь добродѣтельнаго, которой въ послѣднія часы жизни изъявлялъ только одно желаніе — быть близкимъ къ небу (*).

(*) Не перевозите праха моего въ Англію, сказалъ онъ при послѣднемъ концѣ, и здѣсь буду я также близокъ къ небу.

Смотри Vie d' Howard.

Покойся въ мірѣ, другъ людей!

Выше моей надписи замѣтилъ я съ удовольствіемъ слѣдующее:

1.

Alios salvos fecit.

2.

Vixit propter alios.

т. е.

Онъ сдѣлалъ счастіе другимъ; — для другихъ жилъ онъ.

Онъ жилъ для другихъ! Какъ трогательна мысль, что онъ жилъ не для себя!

Оставляю въ душѣ моей сіе пріятное впечатлѣніе.

ПИСЬМО LIV.

Херсонъ.

Херсонъ есть городъ купеческой и довольно многолюдной.

Здѣсь живутъ Поляки, Нѣмцы, Французы, Англичане, Греки и Жиды. Здѣсь перемѣшиваются нравы, обычаи и вѣры нѣсколькихъ народовъ; здѣсь сообщаются разные умы и сердца; здѣсь отъ трентя мнѣній вылетаютъ искры, которыя освѣщаютъ сферу идей, и которыя ловитъ наблюдатель всегда съ удовольствіемъ.

Херсонъ оживилъ мою душу. Любовь къ общежитію, врожденная въ человѣкѣ,

нашла себѣ сладкую пищу. Въ самой первой день, когда я сюда пріѣхалъ, за обѣдомъ въ трактирѣ сидѣло около десяти иностранцевъ, между которыми одинъ молодой дворянинъ и я были только Русскіе. Вообразите мое удивленіе, когда сѣвъ за столъ, услышалъ я, что языкъ любимой въ цѣломъ свѣтѣ, языкъ Вольтера и Расина, гремитъ во всѣхъ устахъ, когда Аттическая соль посыпалась со всѣхъ сторонъ, когда искры просвѣщеннаго ума засверкали между бесѣдующими. Начали сперва разсуждать о моемъ путешествіи, о которомъ заставило всѣхъ спросить присутствіе незнакомаго человѣка; — сравнивали, замѣчая, что не должно сравнивать Кука съ

дю Пати, Палласа со Стерномъ, путешественника натуралиста съ путешественникомъ Философомъ; — восхищались великими умами, цвѣтами талантовъ, Жан-Жакомъ и Аруэтомъ; — молили Музъ, чтобы Поэзія вѣчно процвѣтала на землѣ для счастія чувствительныхъ сердецъ; — радовались, что заря ея сіяетъ еще въ ле-Брюнѣ, Делиллѣ и ле-Гувѣ, въ то время, когда закатилось солнце Французскаго Парнасса; — читали стихи — разсказывали анекдоты — и наконецъ посмѣясь на счетъ Поэтовъ и Философовъ, позабавясь, выпивъ за здоровье путешественника, разстались всѣ, какъ разстаются пріятели съ желаніемъ увидѣться на другой день.

Признаюсь, что тутъ только возвратился я отъ предубѣжденія, съ которымъ приближался къ полуденному краю Россіи, что въ немъ нѣтъ ни пріятнаго общежитія, ни истиннаго просвѣщенія. Я былъ послѣ сего обѣда въ нѣкоторомъ упоеніи; душа моя, сжатая въ долговременномъ одиначествѣ, излилась въ сообщеніи съ людьми; все шумѣло и кружилось въ головѣ моей, когда я уединился въ свою комнату, и я съ нѣкоторымъ восторгомъ проходилъ въ мысляхъ сладкія минуты, проведенныя мною въ семъ обществѣ.

Вотъ духъ здѣшняго общежитія, которой мало по малу сообщается отъ чужестранцевъ и къ Рускимъ жителямъ въ Херсонѣ!

Не буду говорить о здѣшнихъ Рускихъ обществахъ и жителяхъ; ибо я не имѣлъ времени или желанія знакомиться съ многими; но жалѣю, что не воспользовался случаемъ быть у Господина Даш***, котораго жена родомъ Полячка, прекрасная собою, одаренная умомъ и знаніемъ, бываетъ, какъ Госпожа Неккеръ, душею самыхъ пріятныхъ и ученыхъ обществъ. Я сужу такъ объ ней по описанію одного человѣка, очень ей знакомаго, и потому что я самъ имѣлъ счастіе провести съ нею въ Москвѣ одинъ вечеръ.

Я познакомился здѣсь коротко и болѣе другихъ съ пріѣзжимъ Малороссійскимъ дворяниномъ Ш***, которой, воспользуясь воспита-

нѣемъ, полученнымъ имъ въ Кадетскомъ Корпусѣ; поселился здѣсь жить для дружбы и спокойствія, и съ Швейцаромъ Рос* * *, его сотоварищемъ, которой выслуживъ крестъ Св. Владиміра въ нашемъ флотѣ, отдыхаетъ нынѣ на лонѣ мирнаго счастія.

Эти два человѣка живутъ вмѣстѣ, и въ нихъ должно удивляться взаимнымъ выгодамъ, которыя соединяютъ тѣснымъ союзомъ людей въ обществѣ. Шес* * *ъ, богатой дворянинъ, раздѣляетъ нѣкоторую часть имѣнія съ пріятнымъ ему товарищемъ; Швейцаръ простаго роду и бѣдной служитъ ему за то удовольствіемъ своего сообщества. Первой любя дѣятельность и входя

въ нѣкоторые подряды для приращенія своихъ доходовъ, радуется, что онъ имѣетъ сотрудника; послѣдній безпечной, предаваясь охотно волѣ судьбы, радъ, что онъ имѣетъ побужденіе къ дѣламъ. Тотъ живой, веселой, страстной ко всему и къ наукамъ, любитъ въ часы отдохновенія пользоваться знаніями умнаго человѣка; этотъ склонной къ задумчивости, къ унынію, находитъ удовольствіе въ томъ, что разговоръ молодаго человѣка разсѣеваетъ иногда и даже развеселяетъ его. Такимъ образомъ они служатъ другъ другу взаимно, живутъ согласно и счастливо. отъ самаго разнообразія характеровъ, и доказываютъ можетъ быть мнѣніе славнаго Сен-

Пьера (*), что красоты физическаго и моральнаго міра основаны на противностяхъ.

Между прочими знакомствами долженъ я замѣтить одного молодаго человѣка, которой узнавъ, что я путешествую изъ любви къ наукамъ, явился ко мнѣ сегодняшнимъ утромъ и отрекомендовался мнѣ, какъ любитель Литтературы, какъ Поэтъ, а особливо какъ ревностнѣйшій почитатель Карамзина. — Радуюсь вашему знакомству, сказалъ я, но столькожъ радуюсь и тому, что въ самомъ отдаленнѣйшемъ краю Россіи читаютъ и восхищаются нашимъ слав-

(*) Смотри Etudes de la nature, par Bernardin de Saint Pierre.

нымъ соотечественникомъ. — Какія его сочиненія читали вы съ большимъ удовольствіемъ? — Его *плоды меланхолїи* нравятся мнѣ чрезвычайно. — Извините, государь мой! это не его сочиненіе. — Такъ, я ошибся; но я читалъ его прекрасную сказку о Царѣ, о Царевнѣ, о Карлѣ. — Понимаю. — Есть также кажется его сказка, гдѣ онъ описываетъ ночь и Турчанку. — Вы говорите конечно о Лїодорѣ. — Такъ, это самая. — Но, какъ почитатели Карамзина, вы конечно читали его путешествіе? — Нѣтъ; я не зналъ, что оно есть. Я выпишу его изъ Москвы. — Поспѣшите. Ваше почтеніе и уваженіе къ талантамъ сего писателя будетъ имѣть еще болѣе осно-

ванїя. — Послѣ сего молодой человѣкъ прочиталъ мнѣ нѣсколько своихъ стиховъ наизусть, и сказалъ, что онъ переводитъ Гнидѣйской храмъ, сочиненія Монтескье, и жалѣлъ только, что онъ забылъ нѣсколько Французской языкъ.

ПИСЬМО LV.

Херсонъ.

Шест***, Швейцаръ Рос*** и я взявшись за руки, пошли гулять вечеромъ на берегъ Днѣпра. Я ихъ распрашивалъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ города; они мнѣ разсказывали, и такимъ образомъ приближились мы къ купеческому порту.

Пристань построена на сваяхъ; суда Греческія, Турецкія и Россійскія стояли на якоряхъ; разноцвѣтные парусы развивались по воздуху, толпа матросовъ тѣснилась вокругъ насъ; одни выгружали товаръ, другіе нагружали; рыбаки вытаскивали рыбу; торгаши и покупщики умножали шумъ и движеніе. Я радовался, смотря на сіе кругообращеніе, гдѣ вѣчная мѣна трудовъ и услугъ, какъ говоритъ Мармонтель, заставляетъ насъ удивляться механизму общественности.

Между тѣмъ, какъ я радовался живостью людей, товарищи мои разсказывали мнѣ любопытнѣйшія вещи. — Туда къ Югу далѣе, говорили они, стоитъ Царь-Градъ, древ-

няя Византія; отсюда можно поспѣть туда въ одинъ сутки по способному вѣтру. На правой рукѣ по берегу Чернаго моря простираются наши владѣнія на 200 верстъ до города Свидіополя и Днѣстра, которой служитъ границею между нашею и Турецкою землею. На лѣвой рукѣ, въ 80 верстахъ отсюда, цвѣтетъ во всей красошѣ полуостровъ Крымъ, славной въ древности по своей коммерціи и не менѣе достойный славы по живописнымъ мѣстамъ своимъ.

Я распрашивалъ ихъ еще обо всѣхъ частяхъ окружающаго насъ горизонта, какъ вдругъ пара Офицерскихъ дѣвушекъ, гуляющихъ по берегу, привлекли на себя все вниманіе моихъ товарищей, кото-

рые хотѣли и меня прельстить ими. — „Взгляните: какія прекрасныя лицы!„ — Но лица ихъ, государи мои, не имѣютъ физіогноміи, никакого выраженія. — „Какъ онѣ нарядны!„ — Но нарядъ ихъ безъ вкуса. — „Какая стройность!„ — Но въ стройности ихъ нѣтъ движенія и души. — „Какіе черные глаза!„ — Но взоры ихъ ничего не говорятъ. — „Черные волосы!„ — Нѣжность ихъ не сплетала. — „Розовыя губы!„ — Онѣ не манятъ поцѣлуя. — „Онѣ красавицы!„ — Ахъ, государи мои! вы не видали конечно никогда Московскихъ красавицъ. — Наконецъ мои противорѣчія никогдабъ не кончились, если бы упомянувъ о красавицахъ, не задумался я о любезнѣй-

шей изъ нихъ, которая въ сію минуту по тайному согласію сердецъ также обо мнѣ конечно думала.

Послѣ того вниманіе наше обратилось на Грека, которой сидя на палубѣ пробѣгалъ смычкомъ по струнамъ скрыпки. Онъ былъ Грекъ; онъ хотѣлъ услаждать душу свою гармоніею; онъ напоминалъ о счастливомъ образованіи того народа, въ которомъ родились Гомеры и Саѳы; но бѣдное его рубище, лице подлое и грубое, разногласіе тоновъ заставляли живо чувствовать, что онъ не имѣлъ ничего сходнаго съ древними Греками, кромѣ имени. Не могу описать того чувства, которое произходило въ душѣ моей, когда я сравнивалъ въ

мысляхъ прежнюю Грецію съ нынѣшнею.

Возвращаясь мы разсуждали, какъ одинъ благорастворенной климатъ, одно счастливое образованіе не могутъ производить въ людяхъ утонченія чувствъ, мыслей и нравственности, какъ нравственное воспитаніе дѣйствуетъ на душу, какъ прежніе Греки въ прекрасной странѣ, оживленной еще прекраснѣйшею фантазіею, дыша Пиитическимъ воздухомъ, встрѣчая вездѣ *лицеи* Философовъ, храмы Музъ, улыбки Грацій, питались чувствомъ изящнаго и были изящнѣйшими изъ нравственныхъ существъ, и какъ теперешніе Греки подъ тѣмъ же вѣчно цвѣтущимъ небомъ, съ тѣми же способностями не имѣютъ

ни тонкаго чувства, ни творческаго разума, ниже того просвѣщенія, которое находимъ мы въ послѣднихъ націяхъ Европы.

Прогулка кончилась, и съ нею разговоръ нашъ о Грекахъ, которой оставилъ во мнѣ печальное чувство.

ПИСЬМО LVI.

Херсонъ.

Въ часъ утренней прогулки встрѣтилъ я сего дня ѣдущую карету, въ которой сидѣли двѣ женщины: одна блѣдная, томная и горестная поразила меня; я спросилъ объ ней моего знакомаго Швейцара, которой и разсказалъ мнѣ ея исторію.

„Сія дѣвушка была въ 15 лѣтъ прекрасна, умна и мила; родные страстно ее любили, чужіе восхищались ею; мущины приносили ей въ жертву сердца свои; но красавица была только чувствительна въ сихъ лѣтахъ къ достоинствамъ одного молодаго человѣка, которой былъ также чувствителенъ къ ея красотѣ. Не извѣстно ничего о точностяхъ ихъ связи: никто не зналъ, что таилось въ душѣ того и другаго; но вдругъ въ одинъ день, въ которой солнце не померкло и ничто въ природѣ не перемѣнилось, красавица блѣднѣетъ — взоры родителей обращаются на нее — она подаетъ знакъ, что болѣзнь въ груди ея — бросаются къ ней, и ударъ

паралича лишаетъ ее руки и языка. „

„Протекаетъ время; бѣдная сохраняетъ чувство нѣжности ко всему, что было для ней мило; живая пантомима даетъ чувствовать, что сердце ея еще любить умѣетъ, но выраженіе сего сладкаго чувства не возвращается на блѣдныя уста ея. Тщетно прибѣгали къ искусству врача; тщетно пламенная молитва сердецъ хотѣла тронуть небо; — небо не прогалось; и несчастная лишилась навѣкъ утѣшенія сообщаться языкомъ съ любезнѣйшими предметами сердца. Часто застаютъ ее одну въ уединеніи, опершися головою на одну руку и положивъ другую онѣмѣвшую на сердце, гдѣ еще жива

любовь и горячность; она видитъ безмолвно, глядитъ на небо и заливается слезами. Сія сцена безмолвная, трогательная, ужасная служитъ ей вѣроятно утѣшеніемъ. Но какъ скоро приходятъ къ ней родные, она обтираетъ слезы свои; хочетъ скрыться отъ глазъ ихъ, и страдалица утѣшаетъ ихъ нѣжною улыбкою, которая въ одну минуту родится и въ ту же минуту замираетъ..... Уже протекло десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ несчастная не можетъ никому говорить кромѣ устами, что такъ и говоритъ ея сердце, что она любила и была несчастлива..

„Молодой человѣкъ разстался съ нею за нѣсколько дней предъ сею несча-

стѣмъ — не возвращался ни къ ней, ни въ тотъ городъ, гдѣ она живетъ, и никогда о ней не освѣдомлялся. . . . „

Я не могу продолжать; глаза мои полны слезъ, сердце полно горести.

ПИСЬМО LVII.

Николаевъ.

Дорога отъ Херсона къ Николаеву около 80 верстъ простирается степями. Нѣтъ никакого селенія, кромѣ почты и постоялаго двора. Нѣтъ нигдѣ ни деревца, ни цвѣточка, ни ручейка; одна желтая трава, перегорѣвшая отъ засухи, служитъ покровомъ сей наготы; ничто не прохлаждаетъ воздуха, ни-

что не улыбается въ природѣ, и душа оспается мертва, подобно предметамъ, ее окружающимъ.

Такъ дѣйствуетъ на душу видъ дикой степи, что картина солнечнаго захожденія, которая такъ плѣнительна въ другихъ мѣстахъ свѣта, расположила здѣсь меня къ унынію. Съ самыми печальными мыслями, подобными черной ночи, которая темнила небо и землю, приближился я къ Николаеву.

Тамъ я спѣшилъ освѣжить себя сномъ, чтобы разсматривать назавтра городъ съ новою свѣжестію души.

ПИСЬМО LVIII.

Николаеву.

Сего дня вставъ въ семь часовъ, приготовился я итти къ Господину Аѳонину, Русскому дворянину, которой учился нѣсколько лѣтъ въ Упсалѣ у славнаго Линнея, и теперь живетъ тихо для себя, какъ старецъ, утомленный шумомъ жизни, и какъ другъ природы, наукъ и тишины.

Я послалъ сперва человѣка сказать ему, что одинъ Руской путешественникъ требуетъ позволенія посѣтить его и вручилъ письмо; но онъ отвѣчалъ, что поставляетъ себѣ за долгъ

предупредить меня своимъ посѣщеніемъ. Мнѣ не хотѣлось уступить ему въ учтивости; сверхъ того лѣта его и положеніе дѣлали его въ глазахъ моихъ почтеннымъ, и я рѣшился еще повторить мою прозьбу въ слѣдующемъ письмецѣ:

„Молодой путешественникъ будетъ стыдиться, что не онъ первой посѣтилъ ученика славнаго Линнея, славнаго Упсальскаго мудреца. Осмѣлюсь ли еще требовать сей чести и сего позволенія?„ —

Послѣ учтиваго словеснаго приглашенія, я пошелъ къ нему, засталъ его за книгою и провелъ съ нимъ нѣсколько пріятныхъ часовъ.

Онъ живетъ по-философски, частію отъ бѣдности

состоянїя, частїю и по правиламъ благоразумїя. Двѣ маленькїя комнаты составляютъ все его жилище, садикъ — украшеніе, одинъ человѣкъ — слугу; все вокругъ его чисто, просто и пріятно. Не довольно ли для душевнаго спокойствїя и можетъ быть для счастїя?

Мы разговаривали о путешествїи, объ удовольствїяхъ жизни, о наукахъ, которыя бываютъ существеннѣйшими пріятностями для человѣка, и наконецъ о природѣ, которая настроиваетъ всегда душу къ глубокому чувству, служитъ предметомъ неистощимыхъ размышленій, и доставляетъ пищу умамъ дѣятельнымъ. Я восхищался, радовался, что вижу человѣка, которой въ тихомъ

уголкѣ свѣта умѣетъ пользоваться жизнїю, натурою и умомъ своимъ.

Но особливо радовался я тому, что вижу человѣка, которой былъ нѣкогда близокъ къ славному Линнею; мнѣ казалось, будто я открываю слѣды его и сообщаюсь съ его духомъ. Ахъ! самая тѣнь великаго человѣка привлекаетъ душу.

ПИСЬМО LIX.

Николаевъ.

Николаевъ стоитъ въ долинѣ, окруженной пригорками, при впаденїи Ингула въ Бугъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Чернаго моря.

Адмиралтейство, крѣпость, суда стоящія на якоряхъ служатъ главнымъ украшеніемъ города.

Соборная церковь во имя Св. Григорія есть зданіе вкуса и нѣжности. Я говорю о внутренности. Четыре арки составляютъ своды; шесть мраморныхъ колоннъ горизонтально пересѣкаютъ трапезу; надъ олтаремъ сгибается куполъ, поддерживаемой восьмью колоннами, изъ которыхъ четыре окружаютъ жертвенникъ, а другія отдѣляются Царскими дверьми, и олтарь представляетъ полукружіе. Нѣтъ никакихъ другихъ красокъ и цвѣтовъ на иконостасѣ, кромѣ свѣтлоголубаго, подобнаго небесной лазури и чистаго злата, подобнаго злату лучей сол-

нечныхъ; стѣны всѣ бѣлыя. Простота, смѣшенїе двухъ прекраснѣйшихъ красокъ въ природѣ, и живопись образовъ поселяютъ въ семъ храмѣ чувство и благоговѣнїе.

ПИСЬМО LX.

Николаевъ.

Естьли вы хотите увидѣть романическое убѣжище, пустыню, сотворенную для любви и счастїя, то взгляните на Спаское урочище, въ двухъ верстахъ отъ Николаева; взгляните на свѣтленькой домикъ съ галлереею и террасою, на берегу рѣки Буга, осѣненнаго сребристыми осокорами; загляните въ темную бесѣдку, приготовленную для

мания любви, и какъ будто бы скрытую самымъ Амуромъ въ густой тѣни рощицы; загляните въ густыя темныя аллеи сада, гдѣ сросшіяся вѣтьви перевиваются цѣпями надъ головою гуляющихъ, и грозятъ, кажется, оковами тому, кто приноситъ туда съ собою нѣжное сердце; загляните особливо въ тихіе зеленые лѣсочки, гдѣ извучистыя тропинки, нечаянной лужекъ, шумъ отдаленнаго водопада оживлены, кажется, кистію славнаго пѣвца садовъ (*); погуляйте по симъ мѣстамъ; посидите на дерновыхъ диванахъ, подъ звукомъ поющихъ птичекъ, подъ журчаньемъ ключей, —

(*) Де-лилль.

и вы вдругъ задумаетесь, и сладко, сладко вздохнете.

Сїе Спаское урочище, сїе божественное уединенїе, сїе сладкое убѣжище, гдѣ должно бы укрываться однимъ нѣжнымъ любовникамъ, было увеселительнымъ жилищемъ великолѣпїя, скуки, и можетъ быть, праздности.

Тамъ Руской нашъ Ришелье бесѣдовалъ съ самимъ собою въ кругу другихъ вельможъ въ нѣгѣ и удовольствїи; тамъ однимъ взоромъ и словомъ повелѣвалъ онъ природѣ, которая перемѣнялась вдругъ предъ нимъ въ своихъ видахъ подъ рукою каменосѣчцевъ, плотниковъ и садовниковъ; тамъ уединясь одинъ въ густоту лѣса, открывался онъ можетъ быть одному небу въ скукѣ и въ

безпокойствѣ, которыя въ нѣдрахъ земнаго величества томили душу его.

Теперь ничего не осталось; домъ и садъ запустѣли, и ничто въ мірѣ не сохранило ихъ памяти . . . . .

Подумайте о ничтожности вещей человѣческихъ!

Мнѣ сказывали, что сіе мѣсто принадлежало одному Швейцару Фабру, у котораго оно куплено за 5000 р. Фабръ вздумалъ поселиться въ сихъ степяхъ въ то время, когда еще козаки или Запорожцы производили свои набѣги. Онъ радовался прекрасному положенію мѣста — жилъ съ женою, и ничего не предчувствовалъ, какъ вдругъ въ одну ночь, когда онъ заключалъ въ объятіяхъ своихъ нѣжную супругу, Запорожцы

переплываютъ Бугъ — врываются въ тихое убѣжище, въ домъ, въ самую спальню, и разбужаютъ покоющихся супруговъ. Вообразите ихъ состоянїе! Варвары ихъ разлучаютъ; одинъ похищаетъ мужа, другой жену нагую, блѣдную, устрашенную. Не могу описать вамъ того ужаса, которой овладѣлъ мною, когда мое воображенїе представило себѣ сїю сцену. Какая минута, когда похитили женщину изъ объятїй сна и любви, когда она силилась тщетно отъ нихъ освободиться, когда несчастной супругъ былъ свидѣтелемъ ея страданїя, ея борьбы и наконецъ ея стыда!

Злодѣи покравъ все ихъ имѣнїе, насытивъ грубую чув-

ственность, оставивъ имъ жизнь одну, скрылись.

Правосудіе наказало преступленіе; но оно не могло заплатить за оскорбленіе чести и за нарушеніе всего, что есть драгоцѣннѣе для цѣломудрія и стыдливости.

ПИСЬМО LXI.

Николаевъ.

Я видѣлъ сего дня за городомъ то мѣсто, гдѣ нѣкогда воздвигнутъ былъ громовой отводъ. Желѣзной прутъ, поставленной на возвышенномъ пригоркѣ, предохранялъ городъ и жителей отъ свирѣпости стихій; но невѣжество, приписывая ему продолжаю-

щуюся здѣсь засуху, разрушило его за нѣсколько лѣтъ предъ симъ. Такъ народъ нашъ, думая обезоруживать небо, вооружаетъ его на себя. Такъ пагубное суевѣрїе уничтожаетъ пользу наукъ и просвѣщенїя! Такъ малъ и великъ умъ человѣческой! Всегда ли Омары будутъ жить въ нравственномъ свѣтѣ вмѣстѣ съ Франклинами?...

Еще черта сего невѣжества: въ саду разведенномъ за десять лѣтъ предъ симъ, гдѣ расточены были всѣ богатства природы, куда выписывали лучшїя растѣнїя изъ чужихъ краевъ, гдѣ труды и искуство насадили можетъ быть произведенїя четырехъ странъ свѣта; — въ семъ саду не осталось нынѣ ни одного деревца;

нѣкоторыя сожжены, другія порублены. Рука времени не такъ разрушительна, какъ рука человѣка.

Занимаясь сею послѣднею мыслію, гулялъ я, и нечаянно пришелъ къ Соборной церкви, мною описанной, которой видъ послѣ образа разрушеній ушѣшилъ меня. Человѣкъ разрушаетъ; но человѣкъ и строитъ.

Архитектура церкви впечатлѣлась въ душѣ моей. Наружность ея есть *релїефъ* красоты. Архитекторъ повѣрялъ бы ее компасомъ; но я повѣрялъ сердцемъ и глазами: двумя чувствами, которыхъ орудіе, полученное отъ природы, не такъ обманчиво, какъ орудіе искуства человѣческаго.

Вкусъ въ художествахъ и наукахъ есть только чувство изящнаго, въ которомъ мы не умѣемъ отдать себѣ отчета, но которой имѣетъ свое начало въ природѣ и въ душѣ нашей. Чтобы чувствовать вѣрность живописи, красоты Поэзіи, соразмѣрности Архитектуры, надлежитъ имѣть понятіе о совершенствѣ. Не отъ того ли человѣкъ съ утонченіемъ своего чувства восхищается вездѣ тайными красотами, которыя укрываются отъ взора обыкновенныхъ людей?

Тамъ сѣвъ на берегу шумящей рѣки, подъ вліяніемъ прекраснаго утра, обратился я мыслію къ Тому, кто самъ себѣ воздвигнулъ прекраснѣйшій храмъ въ природѣ. Солнце сіяющее на небѣ, земля

украшенная зеленою ризою, милїоны населенныхъ тварей, благовонїе и фимїамъ цвѣтовъ, живопись птичекъ, — все въ натурѣ являетъ намъ Бога, Котораго такъ слабо изображаетъ человѣческое искусство.

Долго занимался я сими мыслями, долго бесѣдовалъ съ природою и Творцемъ ея, и съ трудомъ могъ разстаться съ симъ утромъ, съ симъ мѣстомъ и съ сими мыслями.

Первое дѣйствїе природы есть то, что она поселяетъ миръ и удовольствїе во глубинѣ сердца. Я возвратился домой съ кротостїю духа, которая не уступила можетъ быть ничѣмъ кротости самыхъ Ангеловъ, чувствовалъ

себя въ мирѣ съ человѣчествомъ, и былъ доволенъ жизнію.

ПИСЬМО LXII.

Николаевъ.

Раздѣлите со мною самыя живѣйшія движенія души и самыя сладчайшія чувства природы.

Уже пять лѣтъ тому, какъ судьба скрыла отъ меня въ неизвѣстное мѣсто одно милое существо, которое бываетъ для сердца дороже матери, дороже друга, дороже самой любезнѣйшей женщины въ мірѣ, о которомъ одно воспоминовеніе приноситъ намъ улыбку радости и счастіе цвѣтущихъ лѣтъ на-

шихъ. Я былъ разлученъ съ симъ драгоцѣннымъ существомъ, томился въ неизвѣстности и переставалъ уже надѣяться, чтобы небо возвратило его когда нибудь бѣдному сердцу, которое сотворено кажется для потери. Небо конечно смягченное и тронутое захотѣло наконецъ наградить меня за страданіе чувствительности. Въ самое то время, когда я готовился къ отъѣзду изъ Николаева и не воображалъ ничего, приходятъ мнѣ сказывать, что одинъ человѣкъ для меня любезной, которой не хочетъ прежде сказать мнѣ своего имени, ожидаетъ меня въ своемъ домѣ въ нѣсколькихъ шагахъ. Я ничего не угадывалъ: это было для меня загадкою; и одна невольная

улыбка сверкнула на устахъ моихъ. Слово *любезнаго* человѣка есть нѣчто такое волшебное, что вдругъ перемѣняетъ душу и вселенную; природа показалась мнѣ свѣтлѣе и прекраснѣе, и сердце мое запрыгало отъ радости. Уже я бѣгу — чувствую нетерпѣніе и робость — ничего не предвижу — сердце мое только бьется — приближаюсь къ назначенному дому, и.....вижу бѣгущую ко мнѣ женщину съ радостнымъ воплемъ, съ радостными слезами; это была моя кормилица.

Вообразите мое сладкое удивленіе, мой восторгъ, мою радость. Броситься къ ней, заключить ее въ мои объятія, прижать къ груди моей ту, которая такъ долго носила меня на груди своей,

было одно мгновенїе. Около часа пребывали мы безмолвны — держали другъ друга за руку — глядѣли другъ на друга какъ будто бы вглядываясь въ любезныя черты — какъ будто бы ловя въ сихъ минутахъ свиданїя всѣ часы, дни, годы, потерянные въ разлукѣ, и почерпали снова всѣ тѣ радости, которыя такъ долго укрывались отъ сердецъ нашихъ; казалось, что все то время, которое мы были въ разлукѣ, возвратилось къ намъ съ одною секундою и что мы прожили вдругъ нѣсколько годовъ, похищенныхъ у счастїя; казалось также, что мы впивали чувствами своими мало по малу капли любви и дружбы, чтобы не вдругъ наполнить мѣру удовольствїя и

счастія. Ахъ! естьли бы такіе восторги могли часто посѣщать сердце человѣческое, то бы оно скоро истощилось.

Послѣ первыхъ волненій, послѣ перваго изступленія мы вошли въ домъ. Тамъ мы видѣлись уже не въ шумѣ, не въ присутствіи гостныхъ свидѣтелей, не на улицѣ, но подъ тихою кровлею и посреди семейства, котораго и я почиталъ себя сыномъ. Мы сидѣли, обнимались, истощали всѣ сладчайшія имена языка человѣческаго, разсказывали, вспоминали и — прогались. Сладко, очень сладко быть близкимъ къ груди, которая насъ покоила въ младенчествѣ, и чувствовать, какъ сердце другой матери бьется отъ

радости вмѣстѣ съ сердцемъ другаго сына.

Однакожъ видя передъ собою ту, на рукахъ которой улыбался я младенцемъ, невольное воспоминаніе заставило меня вздохнуть. Я былъ нѣкогда невиненъ и счастливъ, какъ Ангелъ, какъ первой человѣкъ, описанный однимъ Поэтомъ, и потерялъ счастіе невинности — пѣлъ блаженство дней моихъ, какъ веселая пташка, и вдругъ умолкъ отъ грома и бури — цвѣлъ и теперь можетъ быть отцвѣтаю. Такъ размышлялъ я самъ въ себѣ; уныніе овладѣло душею моею, и слезы на глаза навернулись; но любезная Марина, которой улыбка умѣла развеселять меня въ колыбели, обтерла еще легкою рукою своею юно-

шескія мои слезы. Я утѣшился.

На другой день явилось предо мною нѣсколько бывшихъ крестьянъ нашихъ, которые также живутъ въ Николаевѣ. Они пришли — я говорю ихъ словами — взглянуть на сына добраго своего господина, благословляли память моихъ любезныхъ родителей, и хотѣли знать, живутъ ли они еще въ семъ мірѣ для счастія подвластныхъ имъ сердецъ. Я сказалъ, что одного изъ нихъ нѣтъ уже на свѣтѣ. — Да утѣшитъ его Богъ въ царствѣ небесномъ, такъ какъ онъ утѣшалъ насъ на землѣ! возкликнулъ одинъ изъ нихъ. Да будетъ въ вѣкъ счастливо все его семейство! повторилъ другой. Да продлитъ

Богъ лѣта дѣтей его, и да будетъ добродѣтель всегдашнимъ наслѣдствомъ сего дома, сказалъ третій. Другіе стояли и плакали. Судите, что я чувствовалъ въ сію минуту, и это было не въ романѣ (*).

По сему случаю любезная Марина разсказала мнѣ еще нѣчто такое, что меня до слезъ тронуло. Свекоръ ея,

---

(*) Нѣтъ нужды сказывать, что это не романъ. Путешествіе сего рода не терпитъ выдумки. Авторъ сихъ писемъ видѣлъ въ самомъ дѣлѣ свою кормилицу, и — нечаянно. Кормилица была продана съ деревнею; ее не льзя было выторопить, по привязанности къ наслѣдственному кров у и по связямъ семейственнымъ; послѣ того она переселилась въ Николаевъ со всею семьею, и была записана въ цѣхъ купцовъ, за Государя, но это была тайна.

которой съ нею сюда переселился, не могъ никогда вспомнить безъ слезъ о благодѣтельномъ своемъ господинѣ. За нѣсколько часовъ до своей смерти, чувствуя ея приближеніе, онъ стоялъ на колѣняхъ и молилъ Бога, чтобъ онъ продлилъ жизнь и счастіе нашего нѣжнаго отца, которой былъ также и ихъ отцемъ. Такая молитва, такое чувство, такая черта возвышаетъ человѣчество. Теперь оба старцы — и отецъ своего подданнаго и сынъ своего господина наслаждаются въ другомъ благороднѣйшемъ мірѣ, — одинъ чувствомъ благодѣянія, а другой чувствомъ признательности.

Писатели романовъ! не утомляйте вымыслами вашего воображенія, ищите по-

добныхъ анекдотовъ добродѣтели, и опишите ихъ намъ магическимъ перомъ Стерна или Жан-Жака.

Вы легко судить можете, что я остался прожить нѣсколько дней подъ одною кровлею съ моей Мариной, и въ сіи дни испыталъ я все, что есть утѣшительнаго въ теченіи мирной жизни, украшенной не искуствомъ, не учтивостію, не холодными привѣтствіями, но простотою, проведенною въ объятіяхъ тихаго дружества, въ изліяніи сердца безъ бури страстей. Ахъ! для чего не могу я выразить языкомъ всѣхъ тѣхъ минутъ, часовъ и дней, которые протекли для насъ, какъ одинъ счастливой мигъ, быстро и весело! для чего не могу описать

тѣхъ несравненныхъ часовъ, когда я просыпался на утренней зарѣ! Кормилица сидѣла въ головахъ постели моей, ласкала меня словами, взорами, всѣми именами пріятнѣйшими для сердца человѣческаго, и вздыхала отъ полноты чувствъ своихъ. Сколько было сказано безъ словъ въ одномъ взглядѣ! сколько было чувствовано всего, что есть живѣе въ силахъ души человѣческой! Сколько было страстныхъ движеній безъ всякой пламенной страсти! О минуты, посвященныя чистѣйшей дружбѣ! О Николаевъ! о любезной городъ! Я буду васъ помнить и въ самой вѣчности.

Признаться ли вамъ въ странности? Нѣчто отравляло мое удовольствіе. Кор-

милица моя живетъ уже не въ крестьянской избѣ, гдѣ привыкъ я любить и воображать ее въ нѣдрахъ сельской простоты, но въ городѣ, но въ купеческомъ домѣ, но въ состояніи мѣщанки, и она носитъ не тѣлогрею, одѣяніе мнѣ по ней любезное. Мнѣ казалось, что я вижу ужасные слѣды времени и перемѣну нашихъ состояній; но мнѣ хотѣлось находить прежній образъ юныхъ дней жизни, столь для меня памятныхъ, столь любезныхъ для сердца. Я смотрѣлъ на нее — сравнивалъ одно время съ другимъ, ее съ нею, себя съ собою, и заливался слезами.

Наконецъ надлежало разстаться; мы прощались, какъ мать и сынъ прощаются. Ксшьли бы вы видѣли, съ

какимъ чувствомъ она меня провожала, съ какою нѣжностью и проспотою трепала меня по щекѣ, съ какою лаской, съ какимъ чувствомъ сказала мнѣ: *прости!* Любезная родительница! прости мнѣ! но сердце мое дѣлилось на сей разъ между двумя матерями.

Пусть важные мудрецы смѣются надъ сею слабостью, надъ сими подробностями, надъ сими мѣлочами, недостойными можетъ быть ихъ вниманія; но я пишу, что чувствовалъ — и не стыжусь.

ПИСЬМО LXIII.

Очаковъ.

Я ночевалъ въ Очаковѣ. Лучи утренняго солнца освѣтили въ глазахъ моихъ тотъ городъ, которой два раза исчезалъ въ крови и пламени подъ нашимъ побѣдоноснымъ оружіемъ — былъ взятъ Графомъ Минихомъ въ 1737 году и возвращенъ Туркамъ въ 1739 году, — возникъ снова изъ своихъ развалинъ и палъ уже въ конечное разрушеніе отъ руки послѣдняго завоевателя.

Нынѣ вы видите въ немъ только одни остатки чрезвычайныхъ укрѣпленій, непреодолимыхъ для всякаго

оружїя, кромѣ Рускаго; развалины домовъ и мечетей, пустыя степны и насыпанные бугры, гдѣ заступъ претыкается о груды тѣлъ человѣческихъ. — Видѣнъ фантомъ города, нѣсколько домиковъ, Рашуша, карантинъ и проч.; — видѣнъ образъ опустошенїя тамъ, гдѣ коммерцїя процвѣтала, гдѣ рука трудолюбїя побѣдила безплодность степей, гдѣ Геродоты и Страбоны восхищались плодами обработанной земли. Едва ли можно отъ слезъ удержаться, смотря на остатки Очакова; и путешественникъ утѣшается только мыслїю, что спасенїе Россїи требовало сего разоренїя, и что Геній миролюбїя въ лицѣ ПАВЛА I

приведетъ опять все въ цвѣтущее состояніе.

Г. Машіасъ, карантинной Директоръ, родомъ Лифляндецъ, гулялъ со мною по городу, и показывалъ положеніе нашей арміи передъ тѣмъ приступомъ, которой предпринятъ былъ не безъ намѣренія въ день Св. Николая; проломъ, чрезъ которой ворвались наши войска, и ворота, еще и по нынѣ существующія, гдѣ Турки обратясь въ бѣгство, были встрѣчены другою частію Россійской арміи и погибли тысячами во глубинѣ рва, окружающаго крѣпость.

Вокругъ Очакова были цвѣтущіе сады, которыхъ тѣнь показывала тѣнь протекшихъ мимо ихъ вѣковъ,

но которые теперь заросли травою. Можно только знать по преданію, что были тутъ нѣкогда сады.

ПИСЬМО LXIV.

Очаковъ.

Г. Матіасъ, каранпинной Директоръ, которой имѣетъ дѣтей и достойную супругу, пригласилъ меня жить, во все время моего пребыванія въ семъ городѣ, въ своемъ домѣ и въ его любезномъ семействѣ, что я и исполнилъ съ удовольствіемъ и благодарностію.

Они живутъ чисто и хорошо. Свѣтленькой домикъ ихъ такъ простъ и милъ, какъ они въ своемъ обхож-

денїи. Безъ украшенїй, все украшается ихъ гостепрїимствомъ, присутствїемъ нѣжной любви и картиною семейственнаго счастїя, которое улыбается, кажется, въ милыхъ ихъ дѣтяхъ. Но какъ будто бы судьба ревновала къ достоинству и счастїю, и мѣшала всегда ихъ совершенству — сіи любезные люди въ нѣдрахъ сладкаго блаженства имѣютъ свои прискорбїя: состоянїе ихъ бѣдно, жалованье не велико; они сами терпятъ нужду и ожидаютъ одинакой судьбы для дѣтей своихъ. Къ тому же удовольствїя общежитїя, всегда необходимыя для человѣка, для нихъ не существуютъ. Мы ради — сказали они мнѣ — ради, что въ нашемъ одиночествѣ увидѣли человѣка,

которой есть для насъ рѣдкое явленїе. Мы окружены грубыми людьми, не имѣемъ никакого сообщенїя съ остаткомъ свѣта — и томимся.

Однакожъ они имѣютъ дѣтей; они нѣжные супруги; они любятъ другъ друга, и — они несчастливы отъ того только, что не могутъ еще ни съ кѣмъ другимъ раздѣлить чувствъ своего счастїя. — О сердце человѣческое! . . .

ПИСЬМО LXV.

Очаковъ.

Сего дня послѣ обѣда любезной мой хозяинъ взялъ меня за руку, привелъ на берегъ Лимана, гдѣ восьми-

весельной баркасъ ожидалъ меня, по его повелѣнію, чтобы плыть къ Кинбурну, которой находится въ восьми верстахъ отъ Очакова на другомъ берегу Лимана и на Косѣ Крымскаго полуострова. Мы сѣли и поплыли на всѣхъ парусахъ; способной вѣтръ дулъ намъ.

Въ первой разъ увидѣлъ я себя на морѣ или на заливѣ моря (ибо Лиманъ значитъ оное на Греческомъ языкѣ). Необозримое пространство воды, волнующаяся равнина, удаленіе берега, которой скоро скрылся отъ глазъ нашихъ; небо и море, которыя однѣ сливались на концахъ горизонта; приливъ вѣтра, которой шумѣлъ въ парусахъ, волновалъ море и качалъ лодкою; нако-

нецъ мысль, что волны могутъ покрыть насъ — все это привело душу мою въ такое состоянїе, которое было не безъ ужаса и не безъ удовольствїя. Иногда волненїе усиливалось; я содрогался, и сїе содроганїе было для меня наслажденїемъ. Иногда море утихало; я улыбался, и чувствовалъ удовольствїе, какъ мореплаватель послѣ кораблекрушенїя радуется у пристани. Иногда я гордился бытїемъ своимъ, и думалъ съ удивленїемъ, какъ человѣкъ висишъ на хребтѣ волнъ между воздушною пустотою и морскою пучиною, между двухъ стихїй — и, можетъ быть, на границахъ двухъ мїровъ. Берегъ Кинбурнской Косы перервалъ теченїе мыслей.

Кинбурнъ былъ городомъ въ правленіи Турокъ; но онъ нынѣ есть одна крѣпость, которая принадлежитъ Россіи со времени покоренія всего полуострова Крыма. Еще Рускіе овладѣли онымъ въ 1736 году; но по Бѣлоградскому трактату, заключенному въ 1739 году между двумя воюющими Державами, онъ возвращенъ прежнимъ владѣтелямъ.

Въ Кинбурнѣ встрѣтилъ меня Комендантъ, семидесятилѣтній старикъ, Нѣмецъ, которой узнавъ, что я Руской путешественникъ, повелъ меня тотчасъ по крѣпости, показывалъ бастіоны, и наконецъ по мѣсто, гдѣ нашъ Рымникской Герой съ 1го Октября 1787 году покрылъ себя славою. -

Дѣло, которымъ отличилъ себя въ Кинбурнѣ Генералъ *Суворовъ*, было замѣчательною чертою. Турки приближились на судахъ къ Кинбурну — и Суворовъ, видя ихъ приближенїе, оставался въ бездѣйствїи. Ему доносятъ, что непрїятельскїя войска выходятъ на берегъ — и онъ ложится спокойно на постелю, запрещая трогаться. Къ нему приходятъ спустя нѣсколько минутъ повторить о близости непрїятеля — и онъ махнувъ головою, закрываетъ глаза свои. Уже время протекаетъ въ бездѣйствїи; уже Турки, высадя на берегъ пять тысячь человѣкъ безъ сопротивленїя, строются въ порядокъ баталїи; уже Комендантъ осмѣливается безъ повелѣнїя своего Генерала вы-

стрѣлить нѣсколько разъ на непрїятеля, какъ вдругъ прибѣгаетъ Суворовъ. *Хорошо*, говоритъ онъ Коменданту, *вы знаете свое дѣло; но опасности нѣтъ: къ намъ идутъ на помощь.* Въ самомъ дѣлѣ цѣлой гусарской полкъ, за которымъ Суворовъ давно отправилъ посланнаго и которому назначенъ былъ часъ, приближился — наступилъ на Турокъ подъ предводительствомъ Суворова, выпѣснилъ ихъ изъ пятнадцати сдѣланныхъ ими окоповъ и обратилъ всѣхъ въ бѣгство, между тѣмъ какъ галерной флотъ нашъ, предупрежденной также отъ Суворова, сразился съ непрїятельскимъ флотомъ, потопилъ суда, и такимъ образомъ пресѣкъ Туркамъ послѣднее спасенїе. Тысячи по-

гибли на сухомъ пути; тысячи, искавъ спасенія на судахъ, нашли одинъ разверстый гробъ въ морѣ. И такъ что казалось непонятною безпечностію въ Начальникѣ, было дѣйствіемъ проницательнаго ума, которой сообразя возможности, оставался увѣренъ въ успѣхѣ своего дѣла. Онъ ожидалъ покойно, чтобы Турецкой мичманъ высадилъ войска свои безъ остатка, чтобы притворное бездѣйствіе Русскихъ выманило ихъ всѣхъ изъ судовъ на берегъ, и чтобы наконецъ, осажденные вдругъ неожидаемыми тысячами и лишенные флота, отдѣленные отъ своихъ пространствомъ моря, они претерпѣли тѣмъ жесточайшее пораженіе.

Комменданшъ, разсказывая мнѣ онсе дѣло, при которомъ онъ самъ сличился, хотѣлъ еще оживить въ себѣ сынъ воина; но зима сѣдѣла на головѣ его, и жаръ, съ которымъ онъ говорилъ о погибели пяти тысячь человѣкъ, не проливался въ душу мою. Не пріятно слышать о военныхъ ужасахъ изъ устъ старца, близкаго къ мирной вѣчности.

Я простился съ Комменданшомъ и съ Кинбурномъ — переплылъ еще Лиманъ и возвратился въ Очаковъ, будучи болѣе доволенъ своимъ маленькимъ мореплаваніемъ, нежели нѣмъ, что я видѣлъ.

Здѣсь на прекрасной галереѣ, на берегу Лимана, за часомъ, ожидало меня любезное семейство. Хозяйка сама

разливала — и я напился чаю очень пріятно подъ Очаковскимъ небомъ, близъ Чернаго моря, изъ рукъ нѣжной супруги и матери, вокругъ которой рѣзвились ея дѣти. Вечеръ былъ прекрасной, хозяйка молода и любезна, супругъ чувствителенъ, дѣти невинны и веселы, — и сердце мое прогалось.

ПИСЬМО LXVI.

Очаковъ.

Истинной другъ человѣчества не увидитъ конечно безъ сладкаго умиленія порядокъ, чистоту и украшеніе Очаковскаго карантина. Все, что можетъ усладить судьбу страждущихъ, все тутъ

расточено попечительною любовію о человѣкѣ: зеленыя березки для бальзамическаго испаренія въ воздухѣ, садикъ для прогулки, правка для мягкаго ступанья, комнаты свѣтлыя, бѣлье чистое, пища простая, но вкусная. Не могу довольно описать вамъ стараніе тѣхъ, которые ходятъ за больными. Снисхожденіе къ слабостямъ, предупрежденіе желаній и позволеніе всѣхъ невинныхъ удовольствій служатъ упѣшеніемъ для болящихъ, — и я желалъ бы, чтобы вездѣ были таковы убѣжища страждущаго человѣчества.

Карантинной Директоръ заслуживаетъ всякую похвалу.

ПИСЬМО LXVII.

Очаковъ.

Вчера послѣ ужина простился я съ гостепрїимнымъ семействомъ, чтобъ выѣхать сего дня на разсвѣтѣ; но такъ сладокъ и самой сонъ въ семъ домѣ, что я также, какъ и люди мои, проспалъ до пяти часовъ. Вы приворожили меня къ себѣ конечно, сказалъ я Гну Мапїасу; мнѣ отсюда не выѣзжать; чувствую, что тайная сила души меня удерживаетъ. — Онъ пожалъ мою руку и повелъ къ женѣ, которая по обыкновенїю своему встала еще до солнечнаго восхожденїя и сидѣла съ дѣтьми. Я похва-

лилъ ее, что она просыпается вмѣстѣ съ птичками; но она удивилась, слыша отъ меня, что Московскія красавицы не позволяютъ никогда утреннимъ лучамъ солнца заглядывать въ ихъ спальню и тревожить ихъ нѣжнаго сна.

Между тѣмъ подали чай; мы сѣли всѣ кружкомъ подъ открытое окно; ароматы травъ мѣшались съ ароматами чаю, свѣжій утренній воздухъ прохлаждалъ насъ; предъ нами цвѣтки сбрясхивали съ себя блестящія жемчужины; листочки тихо шевелились; птички пѣли; вдали шумѣло море; къ намъ отъ минуты до минуты прилеталъ вѣтерокъ — прикасался съ нѣжностью къ свѣжему лицу Госпожи Матіасъ

(которая дѣлалась отъ того еще свѣжѣе и пріятнѣе), къ черными волосамъ ея, къ легкому покрывалу груди — оплеталъ и возвращался играть снова тайными прелестями женщины. Мы пили чай съ отмѣннымъ вкусомъ — дышали сладостію утра, и всѣ вдругъ почувствовали вдохновеніе.

Какое утро! сказалъ важный Машіасъ со вздохомъ (и сей вздохъ по флегматическому характеру души его слѣдуетъ у него всегда и за движеніемъ радости и за движеніемъ горести).

Какое прекрасное утро! сказала съ чувствомъ нѣжная его супруга.

Какъ весело летаютъ птички! воскликнули дѣти съ улыбкою.

Какое трогательное согласіе сердецъ! повторилъ я за всѣми: какое сладкое чувство! какое невинное счастіе! Мы жалуемся на несовершенство человѣческое, продолжалъ я съ нѣкоторымъ жаромъ: мы сѣтуемъ на судьбу, мы обвиняемъ небо; но скажите, скажите, не дала ли намъ природа все, что только нужно для спокойствія и радости — тихія убѣжища, землю украшенную зеленью и цвѣтами, милыхъ дѣтей, пріятность семейственной жизни, и сверхъ того сердце доброе, чувствительное, нѣжное? Чего недостаетъ для наслажденія чувствъ и для занятія мысли? Ахъ! естьли человѣкъ не доволенъ судьбою своею, то это отъ того, что искуственной по-

рядокъ общества разстроилъ порядокъ души и природы! Но вы, вы конечно счастливы; съ вами залогъ любви вашей, съ вами прекрасная натура, съ вами добрыя сердца ваши. Я замолчалъ; — слезы навернулись на глазахъ моихъ; хозяинъ и хозяйка взглянули на меня съ прогательнымъ взоромъ, которой изъяснилъ мнѣ ихъ чувство.

Едва ли могъ я принудить себя сказать имъ: *простите.*

Я оставилъ Очаковъ — оставилъ любезное семейство; но не оставилъ воспоминанія сего утра, котораго минуты были однѣ изъ пріятнѣйшихъ въ моей жизни.

Теперь не жалѣлъ бы я, естьлибъ и никогда не видалъ

Очакова; но жалѣлъ бы, естьлибъ лишился минутъ проведенныхъ мною въ нѣдрахъ Мапїасова семейства.

ПИСЬМО LXVIII.

Одесса.

Дорога, идущая степью отъ Очакова до Одессы, была для меня занимательна, потому что Карлъ XII укрывался на ней послѣ Полтавской баталїи. Я люблю видѣть торжество истинной славы и паденїе ложнаго героизма.

Въ деревнѣ Дофинеевой, на послѣдней станцїи, открылся мнѣ городъ Одесса на берегу Чернаго моря и на горѣ; зданїя возвышаются въ видѣ амфитеатра; разно-

цвѣтные флаги развѣваются у пристани; кажется, что необозримое море, передъ которымъ городъ есть одна населенная точка, несетъ его на хребтѣ своемъ; кажется, что гора со всѣми домами, со всѣми зданіями плыветъ съ моремъ. Этотъ обманъ глазъ дѣлается тѣмъ сильнѣе, что вы ѣдете и видите, кажется, какъ земля, море и берегъ бѣгутъ передъ вами.

Рожденіе Одессы есть также чудо. Въ 1794 году было здѣсь одно пустое мѣсто; но въ 96 году мгновенно вознесся городъ, поселилось множество жителей, торговля открылась, и теперь купеческіе суда стоятъ въ гавани.

Для сего городка нѣтъ можетъ быть точнаго выраженія на нашемъ языкѣ; но Французы назвали бы его конечно *le joli*. Красота домиковъ, картина моря, живость биржи, толпа торгующихъ, шумъ пристающихъ кораблей, — все дѣлаетъ его очень пріятнымъ.

Я гулялъ весь вечеръ по городу и по берегу моря; люди ходили, шумѣли, толпились; солнце текло къ послѣднимъ предѣламъ горизонта; огненная заря пылала на небѣ и на морѣ; и вечерняя серенада, несущаяся изъ одного ближняго дома, прибавляла къ очарованію мѣста и природы.

Естьли хотите знать о здѣшнихъ жителяхъ, то

они всѣ купцы, люди занятые коммерціею; едва ли найдется одинъ изъ нихъ, которой бы не имѣлъ участія въ торговлѣ. Одна живость въ городѣ и въ умахъ; каждой мыслитъ о барышахъ своихъ; каждой бѣжитъ на биржу; каждой, сидя у моря или въ домѣ своемъ, ожидаетъ корабля.

Я обѣдалъ у Г. Кирьякова, таможеннаго Директора, къ которому дано мнѣ было рекомендательное письмо. Поутру говорили объ отправленіи одного судна, которое должно заплатить триста процентовъ; — за обѣдомъ говорили о выгодахъ торга; — послѣ обѣда говорили о товарахъ, которые выгружены въ таможнѣ.

И такъ вы видите, что Одесса есть коммерческой городъ, и что въ немъ не должно искать общежитія.

ПИСЬМО LXIX.

Одесса.

Вотъ нѣкоторыя, собранныя мною, примѣчанія объ Одессѣ.

Она есть одна изъ знатнѣйшихъ гаваней въ Россіи, какъ по выгодамъ своего мѣстоположенія, такъ и по преимуществамъ, ей даннымъ.

Нѣтъ другаго Черноморскаго Порта, гдѣ бы корабли могли лучше укрываться отъ вѣтровъ и бурь; горы защищаютъ его съ трехъ сторонъ, и глубина моря не заключаетъ въ самой близости

Порта ни одной неспособной мѣли.

Сей портъ есть для Чернаго моря тоже, что Рига для Балтическаго; они имѣютъ одинакое назначенїе, и имъ даны однѣ права. Всѣ главные товары, которые платятъ пошлину по оцѣнкѣ съ рубля, и называются цѣновными, входятъ въ Россію, по силѣ новѣйшаго учрежденія, только чрезъ три порта, объявленные главными: чрезъ Одессу, Ригу и Кронштатъ.

Черноморская коммерцїя можетъ сдѣлаться со временемъ выгоднѣе Балтической; но торговля, подобно искуствамъ и наукамъ, любитъ процвѣтать подъ тѣнїю мира. Тогда покровительствуемые Турецкимъ правленїемъ наши корабли проходилибъ въ Среди-

земное море надѣлять Южную Европу Россійскими продуктами; другія націи отдавалибъ намъ на обмѣнъ свои собственныя произведенія, и теченіе нашей торговли не былобъ слишкомъ удалено отъ средоточія своего. Самая Франція, по пресѣченіи внутреннихъ безпокойствъ и по возстановленіи законнаго правленія, которое позволилобъ другимъ Державамъ заключить съ нею союзъ, могла бы, какъ природная совмѣстница Англіи, спориться съ Великобританіею, въ изключительномъ правѣ владычествовать на моряхъ и сдѣлать для насъ выгодной перевѣсъ.

Сверхъ того торговля, производимая нами въ Черномъ морѣ, могла бы обра-

тить снова теченіе всеобщей коммерціи къ Средиземному морю, которое, до открытія Мыса Доброй Надежды, служило однимъ путемъ для всѣхъ торгующихъ народовъ. Исполненіе сего проэкта принадлежитъ съ большимъ правомъ Россіи, по ея владычеству на Черномъ морѣ, нежели новымъ похитителямъ Египта.

Соединеніе Двины съ Днѣпромъ, которымъ, какъ мнѣ сказывали, занимаются нынѣ Государственныя головы, послужитъ также къ успѣхамъ торговли.

ПИСЬМО LXX.

Овидіополь.

Съ живѣйшимъ чувствомъ приближался я къ сему городу.

Имя Овидія, его пламенная Муза, жаркая любовь, изгнаніе изъ Рима за преступленіе слишкомъ горячаго воображенія и, можетъ быть, сердца, печальная жизнь на берегахъ Понта, пѣсни горести и утѣшенія — все, однимъ словомъ, что имя Овидія пересказываетъ памяти и воображенію, осуществлялось въ моихъ мысляхъ такъ живо, такъ ясно, что я блаженствовалъ въ Римѣ, и страдалъ въ заточеніи вмѣ-

стѣ съ Овидіемъ. Скажу всѣмъ сердцамъ, чувствительнымъ къ любви и Поэзіи: не приближайтесь къ слѣдамъ его; они опасны для нѣжнаго чувства; нѣчто осталось отъ него въ томъ воздухѣ, которымъ дышалъ онъ, и гдѣ жаръ души его не могъ и съ смертію истощиться.

Наконецъ послѣ нѣсколькихъ часовъ нетерпѣнія, я въѣзжаю въ Овидіополь. Вижу городъ окруженной степями, едва примѣтной на земной поверхности, составленной изъ нѣсколькихъ хижинъ, населенной Греками, Жидами, Молдаванами.

Но что мнѣ до того нужды? Покажите мнѣ слѣды Поэта; приведите къ остаткамъ его жилища; дайте

мнѣ облобызать порогъ его хижины.

Говорю — и никто меня не понимаетъ. Спрашиваю объ Овидіѣ — и мнѣ показываютъ домъ Комменданшовъ.

„Подорожная, паспортъ! . . . .„

Вотъ они; но Овидій, Поэтъ Августова вѣка, пѣвецъ Превращеній, другъ Юліи, преступникъ сердца и любви? . . . . .

Ахъ! не ищите здѣсь слѣдовъ его, и выслушайте слѣдующій Анекдотъ.

Степи покрывали мѣсто Овидіополя. Побѣдительница Оттомановъ повелѣла заложить крѣпость и городъ на берегу Днѣстра, которой служитъ границею между Россіею и Турціею. Начинаютъ копать, опускаютъ заступъ

глубже и глубже — и вдругъ онъ отскакиваетъ отъ сопротивленія какого-то твердаго тѣла; заглядываютъ во внутренность окопа, и находятъ поясной образъ женщины, изваянной изъ камня.

Инженеръ, которой къ счастію и славѣ наукъ имѣлъ не однѣ познанія Инженера, не пренебрегъ симъ открытіемъ и доставилъ его къ Государынѣ. Сего довольно было, чтобы возбудить подозрѣніе и догадки любопытной Монархини, Которая знала, что Овидій жилъ въ Томахъ (*), недалеко отъ Днѣстра, и хотѣла почтить

(*) Думаютъ, что это тотъ самой городокъ, кото ой извѣстенъ нынѣ въ Бессарабіи подъ названіемъ *Киліянова*.

память великаго Пѣснопѣвца. Она предложила бюстъ на судъ ученаго Лондонскаго Общества, и сіе Общество признало его за изображеніе Юліи, Августовой дочери, можетъ быть по однѣмъ вѣроятностямъ, можетъ быть по аналогіи, можетъ быть для удовольствія Государыни. Какъ бы то ни было, она воспользовалась симъ случаемъ, чтобы назвать городъ Овидіополемъ. Вотъ его произхожденіе!

И такъ по крайней мѣрѣ сядемъ на берегу Днѣстра и посвятимъ минуты сего прекраснаго вечера памяти Овидія.

Солнце закатилось — мрачныя тѣни въ воздухѣ; розовая заря на небѣ, на землѣ тишина, на водѣ шумъ;

вдали мѣсяцъ — и блестящія звѣзды показываюпся.

Какая ночь! Какое чувство въ мірѣ! Какое соединенное вдохновеніе природы и Генія!

Мнѣ кажется, будто я слышу въ тишинѣ ночной, какъ эхо разноситъ печальныя пѣсни Поэта, какъ оно разсказываетъ вселенной о жребіи сего именитаго несчастливца, какъ оно даже льется въ шумѣ Эвксинскихъ волнъ, которыя запвердили конечно исторію его злополучій.

Поэтъ, которой выросъ на берегахъ Тибра при дворѣ Августа, между вѣжливыми Римлянами, наслаждался тамъ своею Музою и былъ осыпанъ рукоплесканіями

мiра; — тотъ самой Поэтъ доживалъ вѣкъ свой на краю свѣта, въ странѣ вѣчныхъ Аквилоновъ, посреди дикаго народа; природа не цвѣла передъ нимъ, птички не пѣли, ручейки не журчали, одни вѣтры бушевали; зима свирѣпствовала; — и Пѣвецъ весенних радостей, отягченный горестью, страждущiй въ разлукѣ, восклицалъ въ унынiи души своей: „Гдѣ Римъ? гдѣ прекрасные дни жизни моей? Куда скрылось все, любезное для моего сердца? Я одинъ, на странѣ чуждой, буду томиться смертiю — и никто не прольетъ слезы вокругъ меня; вздохну въ послѣдniй разъ — и никто изъ любезныхъ не закроетъ глазъ моихъ; лягу во гробъ — и никто не посѣтитъ могилы

моей (*); но ты, милая души моей! писалъ онъ къ своей супругѣ; ты не оставь здѣсь моихъ остатковъ, вели собрать мои кости, предай ихъ землѣ въ близости Рима, усыпь цвѣтами гробъ мой, ороси ихъ каплями драгоцѣнныхъ слезъ твоихъ — и самой прахъ мой, обращенной въ пепелъ (**), будетъ тронутъ твоею любовію (***). „

Замѣтьте однакожъ, что великіе Геніи держатъ въ рукахъ скипетръ мїра, и повелѣваютъ человѣчествомъ. Свидій былъ царемъ въ уголкѣ свѣта, и богомъ въ пустыняхъ. Она дарилъ бывшіе

(*) Смот. lib 3. Eleg 3. Ovidii Elegiae.

(**) Древніе сжигали тѣла умершихъ.

(***) Idem. Ovid. Eleg.

и счастїе огрубѣлымъ существамъ, которыхъ чувство закрыто было для красоты и гармонїи; лира его, подобно Орфеевой, вдохнула въ нихъ душу, нѣжность и любовь; кротость смягчила варварство, и Скиѳы, до того холодные, нечувствительные, трогались до слезъ отъ его пѣсней, полюбили страстно Поэзію и Поэта, и увѣнчали его съ большею славою, можетъ быть, нежелибъ онъ былъ увѣнчанъ въ Капитолїи. Наконецъ кипарисы покрыли лавры: увяла жизнь Пѣснопѣвца; но добрые Скиѳы поставили у городскихъ воротъ памятникъ — любимцу своему и любимцу Музъ.

Сей славный изгнанникъ имѣлъ свои утѣшенїя, и великїя утѣшенїя. Какъ трога-

тельно онъ писалъ объ нихъ къ своей дочери! — „Безъ семейства, безъ отечества, безъ тебя, одинъ въ мірѣ, наслаждаюсь я умомъ своимъ и упѣшаюсь Музами; самъ Августъ не можетъ отнять у меня сихъ удовольствій. Естьли прервется нить моей жизни, то имя мое останется въ мірѣ, и творенія мои будутъ жить вѣчно.„ (*)

Счастливыя дарованія, живое воображеніе и нѣжное сердце суть такія сокровища, которыхъ никто похитить не можетъ у человѣка.

И такъ упѣшьтесь, великіе люди! вы, которыхъ не лелѣетъ мірское счастіе!

(*) Смотри libr. 3. Eleg. 7. Ovidius ad Perillam filiam suam.

Слава переживаетъ гоненіе; тѣнь несправедливаго посрамленія исчезаетъ рано или поздно предъ блескомъ истиннаго достоинства; все погибаетъ на землѣ, кромѣ великихъ дѣлъ и твореній ума человѣческаго, которой съ именами Солоновъ и Ликурговъ, Катоновъ и Цицероновъ, цвѣтетъ, кажется, среди развалинъ міра.

Гдѣ Египетскія пирамиды? гдѣ трофеи завоевателей? гдѣ имена многихъ царствъ и народовъ? . . Они исчезли, и нѣтъ ихъ памяти.

Имя Овидія — въ устахъ вселенной.

Торжествуй, освященная тѣнь!

За тебя Екатерина будетъ спориться съ Августомъ предъ судомъ потомства.

Вспомнимъ его эпитафію къ себѣ:

Hic ego, qui jaceo tenerosum lusor amorum;
Ingenio perii Naso poeta meo.
At tibi, qui transis, ne sit grave, quisquis amasti,
Dicere: Nasonis molliter ossa cubent.

И такъ — миръ Овидію!...

ПИСЬМО LXXI.

Овидіополь.

Бросаю послѣдній взглядъ и послѣднюю мысль на Овидіополь.

Я нахожу, что сей городъ не довольно пищаетъ глаза и сердце путешественника. Воображеніе можетъ играть въ немъ; но оно не встрѣчаетъ ничего такого,

на чемъ бы чувство могло опереться и придать силу воображенію. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы на берегу Днѣстра стояла хижина, осѣненная съ одной стороны густыми шѣнями деревъ, а съ другой открытая прохладному вѣянію зефира, шуму волнъ и лучамъ солнца, со столикомъ внутри, на которомъ бы лежала книга: Ovidii Elegiae, per exilium conscriptae — съ соломенною постелью въ углу, и съ бюстомъ Юлии въ головахъ.

Тутъ путешественникъ увидѣлъ бы тотчасъ несчастнаго Поэта одного съ Музою своею, иногда на колѣняхъ предъ идоломъ сердца, въ пїитическомъ восторгѣ поющаго гимнъ любви и Поэзїи; иногда на берегу шум-

ныхъ водъ съ глазами полными слезъ и обращенными къ Риму; иногда у порога хижины сидящаго между добрыми Скиѳами съ тихою улыбкою и забывающаго на часъ горе свое.

Тутъ сердце каждаго путешественника сказалобъ нѣчто объ Овидіѣ, и рука согласно съ онымъ начерталабъ надпись; тутъ всѣ народы и вѣки приносилибъ дань хвалы и почтенія вѣку Овидіеву; тутъ каждая нація произнеслабъ приговоръ свой.

Я воображаю себѣ, что гордой островитянинъ, Царь морей, перечитывая Элегіи Поэта (особливо первую изъ второй книги), воспоминая низости, слабость и малодушіе того, кто достоинъ былъ сидѣть на тронѣ сла-

вы, чести и величества, надписалъ бы смѣлою рукою: „Можно быть *ребенкомъ* у ногъ Коринны, но должно быть *мужемъ* предъ Августомъ (*).

Явился бъ легкомысленной Парижанинъ, изнѣженной во всѣхъ вкусахъ, заглянулъ бы въ книгу Элегій, и сказалъ съ улыбкою: „Это очень умно; но я хотѣлъ бы чего нибудь чувствительнаго, или сентиментальнаго.„

Россіянинъ, который имѣетъ также свои мысли, вспомня судьбу славнаго изгнанника, видя уваженіе вѣковъ къ его памяти, написалъ бы въ свою очередь: *вселенная отомщаетъ за Овидія.*

(*) Смотри въ Elemens de litterature article: *Elegies.*

Съ сими мыслями удаляюсь; — Овидіополь скрывается отъ глазъ моихъ — и мнѣ кажется, будто я разстаюсь съ самымъ Назономъ.

Такъ; кто умѣлъ отпечатать умъ и воображеніе свое на бумагѣ, тотъ живъ всегда въ мірѣ и въ чувствительныхъ душахъ.

ПИСЬМО LXXII.

Херсонъ.

Я возвратился въ Херсонъ, какъ въ нѣдро любезнаго семейства къ своимъ знакомымъ и пріятелямъ, въ тотъ же трактиръ, гдѣ я стоялъ прежде.

О возвратной дорогѣ моей не имѣю ничего сказать.

Моральное чувство не могло дѣйствовать, или теряло силу свою отъ перевѣса чувства физическаго. Я страдалъ головною и зубною болѣзнію около двухъ сутокъ; однакожъ терпѣніе все превозмогаетъ. Чѣмъ болѣе усиливалась боль, тѣмъ менѣе позволялъ я себѣ роптать на нее, и наконецъ природа уступила твердости; — болѣзнь миновалась — и я радостно вздохнулъ на свѣжемъ воздухѣ.

Мое намѣреніе было не останавливаться въ Херсонѣ; но чего не дѣлаетъ ласка и дружелюбіе? Мои Херсонскіе пріятели уговорили меня пробыть здѣсь еще одинъ день. Для нихъ продлю я нѣсколькими часами время, которое разлучаетъ меня съ

любезнѣйшими друзьями въ свѣтѣ, и между тѣмъ опишу вскользь и вдругъ сегодняшнее мое препровожденіе дня.

Роз* * *и Шос* * *, милой Кадетъ мой, заспали меня еще сего дня утромъ въ постелѣ. Я извинился передъ ними и природою, что проспалъ прекраснѣйшіе часы дня; всталъ — и мы, за веселымъ разговоромъ, напились моего Московскаго чаю, которой, говорили они, дышетъ ароматами и услаждаетъ вкусъ пріятнѣе, нежели какой нибудь другой чай. Я соглашался съ ними и увѣрялъ ихъ сверхъ того, что Москва есть вообще святилище вкуса, сладости, нѣжности; что наши красавицы милѣе всѣхъ красавицъ въ мірѣ, и что тамъ отъ ихъ

улыбки природа веселѣе и нравы душистѣе. Товарищи мои смѣялись, но я — вздыхалъ.

Послѣ того пошли мы взглянуть на Адмиралтейство, котораго я еще не видалъ.

Оно прекрасно: его сравниваютъ съ Петербургскимъ; многіе предпочитаютъ его Портсмутскому Адмиралтейству. Не могу судить, но знаю, что очень пріятно гулять по берегу выстланному камнемъ, мимо верфовъ, при движеніи тысячи работниковъ, подъ громомъ рубящихъ топоровъ, имѣя въ глазахъ сію живость многолюдства и картину моря, приливающаго съ шумомъ къ берегу.

Я всходилъ на корабль Маріи Магдалины, которой близокъ къ окончанію и будетъ черезъ мѣсяцъ спущенъ на воду. Двѣ тысячи человѣкъ трудятся надъ состроеніемъ онаго. Я смѣшался съ толпою народа и носился съ сею толпою. Какое жужжанье! Какая волнующаяся куча! Какой трескъ и громъ! Одни мостятъ палубу, другіе вскатываютъ бревны; иные переносятъ доски, ходятъ, толпятся, пересѣкаютъ другъ у друга дорогу, приливаютъ и отливаютъ, подобно морскимъ волнамъ. Я смотрѣлъ — удивлялся и размышлялъ.

Сила человѣческаго духа овладѣла всѣми силами природы. Смертный разрушилъ смѣлою рукою столпы и пре-

грады, гдѣ рука природы начертала съ Алкидомъ: Non plus ultra; полетѣлъ по безднамъ Океана сражаться съ яростнѣйшими стихіями, и достигнулъ до отдаленнѣйшихъ предѣловъ мїра, куда досязаетъ только взоръ и понятіе.

Но сила природы уступая на часъ человѣку, какъ будто бы для шутки, побѣждаетъ его съ новымъ торжествомъ. Плывущая громада, которая возносится въ зданіе корабля при потѣ и трудахъ людей, стоитъ такихъ великихъ усилій, и есть плодъ утонченныхъ дѣйствій разума, бываетъ сама покорна волѣ вѣтровъ и бурь, которые играютъ ею, какъ перышкомъ, и въ мигъ разрушаютъ.

Мы вышли изъ Адмиралтейства, гуляли изъ улицы въ улицу, куда глаза глядѣли, и вдругъ очутились передъ Синагогой. — Впусти насъ, сказали мы Жиду: мы любопытны ее видѣть. Жидъ поглядѣлъ на насъ, подумалъ нѣсколько минутъ и отворилъ намъ двери. Мы вошли съ нимъ вмѣстѣ: онъ съ нѣкоторою недовѣрчивостію, а мы со всѣмъ тѣмъ уваженіемъ, которое человѣкъ обязанъ имѣть къ вѣрѣ другаго человѣка. — На что это возвышенное мѣсто, спросилъ я Жида, посреди окруженное балюстрадомъ? — На немъ отправляютъ Богослуженіе. — Это множество налоевъ? — Каждой изъ насъ на своемъ налоѣ читаетъ молитвы. — А эти окны на

смѣхъ, подъ самымъ сводомъ? — Тамъ въ особливомъ отдѣленіи молятся женщины.

Мы поблагодарили Жида за его снисхожденіе; но онъ отвѣчалъ намъ, что ему должно благодарить насъ. — За что? — За то, что вы приходили сюда не осмѣивать нашихъ обрядовъ и не бранить насъ въ лицо. — Развѣ къ вамъ приходятъ сюда смѣяться? — Очень часто; для того и вамъ не вдругъ я отворилъ двери, но если-ли бы зналъ. . . . . Ахъ, государи мои! Богъ вездѣ Богъ, во всѣхъ храмахъ и во всѣхъ сердцахъ. Презрѣніе къ вѣрѣ стыдно для человѣка, и оскорбительно для того, кто полагаетъ въ ней драгоцѣнность души своей.

Эта черта и этѣ слова умнаго Жида замѣчательны. Ахъ! для чего такая разительная истинна въ устахъ Жида и не всегда въ сердцѣ Христіанина? . . . .

ПИСЬМО LXXII.

Херсонъ.

Я сбираюсь господину Ш*** многими подробностями о внутреннемъ и внѣшнемъ торгѣ сего края.

Здѣсь открыты источники богатства и трудолюбія, сказалъ онъ мнѣ, должно только умѣть черпать. Что бы возбудить, или поддержать духъ коммерціи, охоту къ трудамъ и любовь къ пріобрѣтенію, изъ копо-

рой протекутъ золотые ручьи и въ Государственную казну, нуженъ человѣкъ умной, просвѣщенной и мыслящій, которой бы правилъ умами, теченіемъ дѣлъ и слѣдовалъ бы не одной рутинѣ.

Нигдѣ жители не имѣютъ столько средствъ къ обогащенію позволительному, какъ здѣсь. Коммерція есть душа города и жителей; всякой человѣкъ, болѣе или менѣе, участвуетъ въ торговлѣ; всякой имѣетъ свои маленькіе и вѣрные барыши отъ земли хорошо обработанной, отъ подрядовъ и поставокъ разныхъ, отъ внесенія маленькой суммы денегъ въ капиталъ богатаго купца, которой вѣрнѣе всякаго вексельнаго кредитора, платитъ

по пятнадцати и болѣе процентовъ на сто, смотря по времени и деньгамъ; нигдѣ трудолюбіе, умъ и свѣденіе, нужныя во всякомъ дѣлѣ, не приносятъ столько выгодъ и барыша, какъ здѣсь; но такихъ людей вездѣ мало — и коммерція не есть то, что она бы быть могла. Нѣтъ столько знающихъ людей, сколько торгующихъ и думающихъ только о барышѣ.

Между людьми, которые стараются проникать въ механизмъ своего дѣла, есть здѣсь нѣкоторые, которымъ отечество обязано много. Они стараются согласить личную пользу съ общественною, и думая о барышѣ, выводятъ заключенія о причинахъ недостатковъ и объ источникахъ богатства. Здѣсь спепи не-

обработанныя въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, и затвердѣлыя, подобно камню, не родятъ и самой травы или сѣна, отъ того, по замѣчанію сихъ людей, что на поляхъ растетъ трава *кобыль*, мѣшаетъ другимъ травамъ, и что сверхъ того, позволяется крестьянамъ ѣдущимъ съ обозами разводить огонь, которой не рѣдко зажигаетъ траву. Она сгараетъ такъ, что уже земля послѣ того ничего не производитъ: но помѣщики, или имѣющіе землю открывъ сію физическую причину неурожая сѣна, предохраняютъ свои поля отъ такого злоупотребленія, и пользуются уже плодами своего открытія. У нихъ выростаютъ не только высокія травы, но

и разныя цвѣты: зелень свѣжа; и они косятъ сѣно нѣсколько разъ въ годъ. Напротивъ того въ другихъ мѣстахъ брошенныхъ трава желта, и нигдѣ не увидишь цвѣточка.

Скотоводство, главное богатство сего края и, можетъ быть, всей Россіи, заслуживаетъ особенное примѣчанїе.

Еще до завоеванїя нами Крыма, Бессарабїи и части Молдавїи, народы въ степяхъ кочующіе: Калмыки, Запорожцы, Нагайцы и проч., размножили великїя стада овецъ: но военные громы устрашили робкихъ пастуховъ, робкихъ народовъ; они удалились за границы, и скотоводство изчезло вмѣстѣ съ кочующими народами; но

возстановился миръ — и Болгарцы съ Молдаванами снова поселились на мирныхъ поляхъ, завели снова скотоводство, и подали собою примѣръ.

Чобаны (*) живутъ всегда въ полѣ, пасутъ стада свои лѣтомъ и зимою, и размножаютъ ихъ до такого числа, которое можетъ показаться невѣроятнымъ. Ото 100 овецъ (ибо здѣсь предпочитаютъ ихъ) родится чрезъ три года 200; изъ сего числа продаются однѣ матки; а самцы, оставляемые на племя, утроиваясь каждой годъ, размножаются черезъ десять лѣтъ до 8000 въ Геометрической прогрессіи.

(*) Такъ называются здѣсь пастухи.

Содержаніе ихъ ничего не стоитъ. Зима бываетъ очень легка; снѣгъ едва покрываетъ землю, и стада, кромѣ одного мѣсяца, пасутся всегда въ полѣ на травѣ.

Чобаны не убиваютъ для себя ни одной овцы, и кормятся *лшенкой* или *кукурузой*, родъ растѣнія, котораго мѣлютъ сѣмена, составляютъ муку, а изъ муки кушанье, извѣстное у Чобановъ подъ названіемъ *мамалика*. Это составляетъ всю ихъ пищу.

Чтобы еще лучше доказать доброту земли, достаткъ жителей, выгоды находящихся въ самыхъ степяхъ, надобно только еще прибавить три черты: 1. Что недалеко отъ Херсона есть безводная степь, называемая:

Ингульскóй лядъ, на 100 верстъ окружности, гдѣ отъ самыхъ отдаленнѣйшихъ временъ пасутся сами собою во весь годъ стада дикихъ лошадей, и чрезвычайно разводятся: доказательство превосходныхъ травъ. 2. Что, не взирая на безлѣсныя мѣста, не взирая на многочисленное войско, которое обыватели должны на свой коштъ отапливать въ ихъ квартирахъ, здѣшніе жители пробавляются еще сами лѣсомъ, покупая его, и не жалуются: доказательство хорошаго состоянія, и дохода, получаемаго отъ земли и скотины. 3. Что, по замѣчаніямъ наблюдателей, изъ семи лѣтъ, одинъ годъ бываетъ только здѣсь плодороденъ; что сѣверные вѣтры,

и открытыя мѣста мѣшаютъ дождямъ падать, и что земля, не смотря на это не требуетъ навозу, такъ что пытавшіе удобрять ее симъ средствомъ, отнимали у ней силу отъ чрезвычайнаго утученія.

Одинъ изъ глубокомысленныхъ экономовъ наживъ богатой капиталъ, строитъ на своей землѣ каменные домы, селитъ на нихъ семейства Шляхетовъ Польскихъ, отдаетъ имъ въ наймы землю для обработыванія, и получаетъ съ нихъ плату за жилье и мѣсто. Онъ же имѣетъ домы и для Жидовъ, которые, поселясь у него и платя за то, производятъ разные торги, въ которыхъ онъ еще участвуетъ. Сего не довольно. Пользуясь от-

крытіями Физики, онъ самъ трудится надъ составленіемъ *деташа* (*), и доставляетъ въ Италію, которая его требуетъ. Онъ также скупаетъ пшеницу, складываетъ въ житницы и продаетъ ее на мѣстѣ Царградскимъ купцамъ, которые наиболѣе ее разбираютъ. Это не есть монополь; ибо онъ только отъ себя, и изъ однѣхъ рукъ продаетъ въ чужія земли то, что бы каждой особенно продалъ. Посудите по сему, чтобъ могли произвести здѣсь умъ и трудолюбіе, естьли бы находилось здѣсь болѣе наблюдательныхъ экономовъ, естьли бы всѣ старались пользоваться всѣмъ тѣмъ что за-

(*) Щелочная соль, вывариваемая изъ золы разныхъ деревъ.

ключаетъ земля, и что приноситъ пользы торговля, естьли бы всѣ степи, нынѣ впустѣ лежащія, могли быть населены Шляхетами и прочими. Можетъ быть философическое око заглянувъ далѣе въ святилище природы, откроетъ, что земля равно одѣляетъ всѣхъ своими дарами, что одинъ край, уступая другому въ нѣкоторыхъ выгодахъ, имѣетъ передъ нимъ свое особенное превосходство, и что вездѣ добро, какъ въ нравственномъ, такъ и въ естественномъ мірѣ замѣняетъ зло; въ самомъ дѣлѣ, вездѣ земля отверзаетъ нѣдра свои; во всѣхъ сторонахъ міра она питаетъ человѣка, и вездѣ равно конечно она надѣляетъ сокровищами руку, ее обрабо-

тывающую; кажется даже, что природа предвидя несмысленность и лѣность нашу, развертываетъ сама сѣмена плодородія въ пустыняхъ и степяхъ, никѣмъ не населенныхъ. Пріятно воображать такую материнскую попечительность натуры.

Что касается до Черноморской коммерціи, то она приноситъ также немалую пользу. Не имѣю довольно свѣденія, ни нужды, чтобы изчислить доходъ Государственной и партикулярной; но вотъ что вывозится и приходитъ изъ Черноморскихъ Портовъ:

Вывозится:

1) Пшеница - -	Охотнѣе покупаютъ арнутку, извѣстной сортъ, которой мало подверженъ порчи на

2) Сало.
3) Масло коровье.
4) Кожи воловьи и лошадиныя.
5) Шерсть бѣлая.
6) Воскъ.
7) Холстъ.
8) Желѣзо. - -
9) Мачтовой лѣсъ.
10) Мореходные суда строятъ иностранные въ Херсонѣ, и продаютъ въ Царѣградѣ и въ Средиземное море.
11) Солонина.
12) Веревки и канаты.

морѣ, и которой только на цѣльныхъ земляхъ родится.

Бѣлое выпущается изъ Таганрогскаго поля.

Приходящіе товары:

1) Разные свѣжіе фрукты.

Какъ-то: апельсины, лимоны, гранаты и проч. —

2) Вины.
3) Разныя шелковыя матеріи.
4) Разныя кисеи.
5) Разныя шали.
6) Шолкъ сырецъ.
7) Хлопчатая бумага.
8) Кофе Левантской.
9) Сахарной песокъ.

Торгъ весьма важной, которой уже обратилъ на себя вниманіе всѣхъ фабрикантовъ.

10) Отмѣнной доброты сафьяны.

Сафьяновъ великое множество низшей доброты выходитъ изъ Крыму въ Россію.

Теперь сами судите и изчисляйте доходы.

Я сообщаю вамъ сіи примѣчанія для того, что меня просили о томъ нѣкоторые люди, которые здѣсь берутъ великое участіе въ успѣхахъ торговли, и которымъ мнѣ успѣлось сдѣлать удовольствіе. Впрочемъ это не мое дѣло, и оно не совсѣмъ входитъ въ планъ моего путешествія.

ПИСЬМО LXXIV.

Кизикерманъ или Берославъ.

Кромѣ сего города нѣтъ ни одного до самаго Крыма.

Онъ стоитъ на горѣ, на берегу Днѣпра, и видъ его пріятенъ, особливо въ вечеру,

когда послѣдніе лучи солнца сыплютъ на него огни, и розовая заря краситъ вершины горъ, его окружающихъ.

Онъ принадлежитъ Грекамъ. До Святослава I, которой овладѣлъ имъ, въ послѣдствіи времени Печенѣги совершенно его разворили; но Татары возобновили и назвали Кизикерманомъ, что значитъ на языкѣ ихъ *дѣвичья крѣпость*.

И такъ еще нѣсколько верстъ — и я въ Крыму.

Сердце мое бьется отъ радости.

ПИСЬМО LXXV.

Таврической Херсонесъ.
Перекопъ.

Вся отдаленность исчезла — и я на Крымскомъ полуостровѣ, куда давно влекло меня пламенное любопытство, куда переносился въ воображеніи, гдѣ любилъ поселяться съ романическими мечтами. Я на немъ — и вдыхаю въ себя съ жадностію воздухъ кроткаго Юга, и спѣшу насыщать глаза тѣмъ, что восхищало меня въ описаніяхъ путешественниковъ, и радуюсь мыслію, что человѣкъ чрезъ горы и рѣки, чрезъ лѣса и степи, чрезъ всѣ преграды натуры и судьбы

достигаетъ наконецъ до цѣли пламеннаго своего стремленія. Одинъ великой Поэтъ изрекъ опредѣленіе смертнаго въ семъ великомъ словѣ: Nil mortalibus arduum eſt (*); и съ тѣхъ поръ рушились, пали, изчезли столпы, гдѣ рука дерзкаго Алкида осмѣлилась начертать предѣлы міра.

Такъ — я въ Крыму; но не встрѣчаю еще прелестей славнаго полуострова, не вижу величественныхъ горъ, описанныхъ великимъ Натуралистомъ (**), не слышу томнаго журчанія Салгира, оживленнаго на бумагѣ кистью одного

(*) Нѣтъ для смертныхъ невозможнаго.
(**) Палласомъ.

Поэта (*); не вижу ничего, кромѣ дикихъ степей, Татарскихъ селеній и бѣднаго Перекопа.

Разрушенныя стѣны крѣпости, нѣсколько домовъ, которые однимъ взоромъ перечесть можно, тамошня, шесть или пять лавокъ, одинъ баталіонъ войска, малое число бѣдныхъ жителей, недостатокъ воды и пищи, недостатокъ всего нужнаго для жизни — вотъ что есть Перекопъ, которой раздѣляетъ Россію съ Тавридою, гдѣ подъемной мостъ соединяетъ полуостровъ съ твердою землею, и гдѣ путешественникъ, не бывъ Родосскимъ колоссомъ, можетъ стоять въ одно

(*) Смотри Поему *Таврида*.

время на краяхъ двухъ земель.

Удивленіе поражаетъ, когда взоръ и мысль разсматриваютъ глубокой ровъ, которой проведенъ въ Перекопѣ отъ одного моря до другаго на семь верстъ длины. Ширина его въ двенадцать саженъ, глубина въ семь; внутри все выслано камнемъ, и рука человѣческая прудилась надъ сею работою едва вѣроятною.

Чего не производитъ слабость, чтобы защитить себя отъ нападенія, и чего не преодолѣваетъ сила и гордость, чтобы похитить власть и право на самыя скрытнѣйшія убѣжища! . .

Сижу теперь, и думаю о судьбѣ Таврическаго Херсонеса.

Никогда уголокъ земли не былъ такъ отдѣленъ отъ цѣлаго мїра, такъ защищенъ природою, такъ укрыпъ отъ несогласїя народовъ и отъ ударовъ оружїя, какъ полуостровъ Крымъ. Три моря окружаютъ его: Черное съ Юга и Запада, Азовское съ Востока, Гнилое съ Сѣвера; одинъ перешеекъ служитъ слабымъ узломъ между имъ и твердою землею; но и сїе послѣднее сообщенїе перервано. Ширина и длина его простираетися на 200 верстъ; положенїе его между 51° и 55° долготы и подъ 44° широты есть самое счастливое; климатъ кротокъ; земля плодородна; число жителей невелико; кажется, что природа хотѣла, чтобы сїя земля, ограниченная пре-

дѣлами морей, наслаждалась независимостью, тишиною и счастіемъ.

Но любовь къ пріобрѣтенію нарушаетъ миръ народовъ. Скиѳы, первые извѣстные обитатели сего полуострова, жили покойно, не заботясь о распространеніи границъ своихъ, не входя въ соперничество съ другими народами, довольствуясь одною пастушескою жизнію, плодородною землею и собственностію, драгоцѣннѣйшимъ изъ сокровищъ. Потомки ихъ, захотѣвъ быть умнѣе предковъ своихъ, и неумѣя цѣнить, можетъ быть, важное право собственности, позволили Грекамъ поселиться на берегахъ съ тѣмъ, чтобы новыя колоніи открыли торгъ, и чтобъ они могли въ немъ

участвовать. Сіе нарушеніе отечественнаго наслѣдства было первымъ шагомъ къ тѣмъ важнымъ перемѣнамъ, которыя одинъ за другими быстро послѣдовали въ Таврическомъ Херсонесѣ.

Скиѳы, давъ право Грекамъ производить торгъ на землѣ своей, воспользовались симъ случаемъ, чтобы поработить ихъ; но наконецъ сами были порабощены ими за 300 лѣтъ до Р. Хр., когда Митридатъ обще съ Греками нагрянулъ на нихъ со всѣми своими силами, и овладѣлъ полуостровомъ отъ Танаиса до Кубани.

Понтійской Царь основавъ городъ Эвпаторію, владѣлъ сею землею до того времени, когда побѣжденный Помпеемъ въ Азіи, онъ при-

нужденъ былъ скрыться въ Босфорѣ и лишить себя жизни. Послѣ его смерти Греки покорились Римлянамъ, которые должны были въ свою очередь уступить силѣ Татаръ.

Въ концѣ XII вѣка Генуэзцы завоевали Кафу, Ѳеодосію, Циммеріумъ, открыли портъ съ Татарскими Ханами, и мало помалу присвоили себѣ право на всѣ приморскія мѣста; ихъ гордость раздражила Татаръ. Сіи послѣдніе вооружились, ударили на Генуэзцевъ вмѣстѣ съ Турками, и принудили ихъ, лишивъ всѣхъ владѣній, укрываться во внутренности горъ, гдѣ высѣченныя пещеры были единственнымъ ихъ убѣжищемъ и достойнымъ наказаніемъ.

По изгнанiи Генуезцевъ, открылось новое поле брани. Турки и Татары начали сражаться за право владычествовать на полуостровѣ. Турки были сильнѣе: Татары слабѣе; и первые удержали превосходство.

Къ счастiю Крыма, котораго климатъ, плодородiе и красоты достойны были того, чтобы просвѣщенiе и науки поставили въ немъ престолъ свой, къ пресѣченiю всѣхъ неустройствъ и браней, которыя такъ долго опустошали сiю прекрасную землю, явилась въ Сѣверѣ Государыня, Которая взглянула на Крымъ, вспомнила о цвѣтущемъ его состоянiи и захотѣла возвратить ему древнiй блескъ его. Екатерина II

покорила себѣ полуостровъ Крымъ въ 1783 году. —

Теперь онъ наслаждается спокойствіемъ подъ оливами мира, подъ Скипетромъ ПАВЛА I. —

Кажется, что народы дѣлаются рано или поздно одни жертвами другихъ, что кровавыя брани ведутъ за собою цвѣтущее благоденствіе Имперій, и что всѣ перемѣны Царствъ имѣютъ свое основаніе на непремѣнномъ законѣ натуры, которая для того, чтобы привести міръ въ движеніе и въ порядокъ, напечатлѣла въ сердцѣ человѣческомъ стремленіе къ счастію и дѣятельности.

Можетъ быть Крымъ долженъ былъ въ сцѣпленіи земныхъ произшествій претерпѣть всѣ бури и перемѣны

для того, чтобы процвѣтать подъ тѣнію мирной Державы, произвести наконецъ свои науки, свои искуства, и явить намъ новую Грецію.

Ахъ! я вздыхаю — и кладу перо.

ПИСЬМО LXXVI.

Ахмететь.

Два раза солнце скрывалось предо мною за Таврическіе Альпы, два раза солнце освѣщало въ глазахъ моихъ цвѣтущій Херсонесъ: но я еще все не вѣрю, что это не обманъ, не вѣрю глазамъ своимъ, не вѣрю осязанію чувствъ своихъ, не вѣрю тѣмъ красотамъ, которыя

разсыпала здѣсь кажется рука какой нибудь Армиды.

Не буду описывать, что я чувствовалъ въ ту минуту, когда послѣ утомительныхъ степей за Перекопомъ, послѣ нѣсколькихъ печальныхъ озеръ, Таврическіе Альпы выглянули сквозь синѣющій туманъ, ниже и выше носящихся облаковъ въ образѣ нѣхъ неизчетныхъ громадъ, которыя, по описанію баснословія, вознесены были къ небу руками Гигантовъ. Скажу только, что спутники мои, также какъ и я, пораженные такимъ новымъ, великолѣпнымъ, удивительнымъ зрѣлищемъ, пребывали нѣсколько минутъ неподвижны; мы взглядывали только другъ на друга съ нѣкоторымъ священнымъ благоговѣ-

нѣемъ, и краснорѣчивое наше молчаніе было достойнѣйшимъ поклоненіемъ великому Творцу природы.

Далѣе встрѣтили насъ ночь, дичь и пустыня; но на другой день первымъ привѣтствіемъ было намъ прекрасное утро, пѣснь соловья и такая долина, которой нѣтъ можетъ быть ничего подобнаго въ мірѣ.

Гладкая, чистая, прекраснѣйшая равнина, которая простирается на нѣсколько верстъ окружности, и на которой стоитъ городъ Ахмечеть. Пирамидальные осокоры, растущіе зеленѣющими группами по берегу Салгира, нѣжная рѣчка сего имени, извивающаяся въ тѣни между кустарниковъ по бархатному лугу, горы одѣтыя облаками,

нѣжные цвѣты, свѣжая зелень, ясное небо — все цвѣтетъ, все улыбается, все кажется волшебствомъ на сей несравненной долинѣ.

Никогда воображенїе мое въ самыхъ пылкихъ лѣтахъ не творило такихъ романическихъ убѣжищъ; никогда кисть живописца не рисовала предо мною такъ очаровательно; никогда Поэты не сообщали мнѣ понятїя о возможности такихъ прелестей въ природѣ.

Все, что я мечталъ о тѣхъ прекрасныхъ долинахъ, гдѣ Геснеръ поселялъ своихъ пастуховъ и пастушекъ, гдѣ Руссо гулялъ, наслаждался и забывалъ самаго себя, гдѣ нашъ Руской путешественникъ писалъ жарчайшїя изъ писемъ своихъ — все это есть

одна романическая тѣнь передъ тою долиною, на которой я пишу.

Здѣсь путешественникъ чувствуетъ тайной вздохъ въ груди своей — чувствуетъ желанїе провести въ сладкомъ уединенїи жизнь свою; здѣсь собираетъ онъ вокругъ себя всѣ любезныя ему существа, забываетъ вселенную и дышетъ въ новой атмосферѣ.

Предметы любви моей! нѣжные друзья, драгое семейство! и ты, ты любезнѣйшая изъ всѣхъ людей, любезныхъ моему сердцу! теперь вы одни осталися со мною; остатокъ мїра для меня не существуетъ. Тайная сила влечетъ меня къ чистымъ удовольствїямъ натуры; сердце мое отрекается отъ суетъ мїра; я удаляю предразсудки,

мнѣнїя, спрасти, разспаюсь съ людьми и сохраняю васъ однихъ. Пусть жизнь моя протечетъ тихо на сей долинѣ; не хочу никакой славы: встрѣчу съ улыбкою часъ смерти, и буду счастливъ въ самомъ гробѣ, ежели рука ваша скроетъ прахъ мой подъ сими зелеными кущами, поставитъ камень, и надпишетъ только надъ нимъ сіи слова: *здѣсь покоится другъ нашъ.*

Съ сими мыслями слѣдовалъ я тихими шагами за теченїемъ Салгира — быстро лились струи ручейка — быстро текли мои мысли — и я, сѣвъ на берегъ рѣчки, излилъ въ семъ письмѣ душу мою.

ПИСЬМО LXXVII.

Ахметъ.

Думалъ ли я, что на краю Европы ожидаетъ меня романическая земля, романическіе люди, романическія произшествія?

Не ищите меня на веселыхъ долинахъ съ веселою улыбкою; не ищите радости въ моемъ сердцѣ: но идите за городъ въ мрачную рощу, на берегъ томнаго Салгира, и вы тамъ найдете вашего путешественника, сидящаго въ унынїи, въ горести, отирая одною рукою слезы, а другою писавъ къ вамъ.

Я оплакиваю новую жертву любви, новаго страдальца чувствительности.

Одинъ молодой человѣкъ жилъ въ Ахмечетѣ, ходилъ въ гости къ П* * *, видѣлъ дочь его — слушалъ, какъ она играетъ на арфѣ — видалъ въ ея взорахъ, какъ сердце согласно гармонируетъ съ музыкой — и трогался. Каждой взоръ ея болѣе и болѣе впечатлѣвался въ его душу; каждой день осыпалъ для него новыми сладостями жизнь земную. Быть въ ея присутствіи, видѣть, какъ цвѣтетъ милая красавица въ шестнадцатилѣтней веснѣ своей, внимать сладкой гармоніи струнъ, одушевляемыхъ рукою сего ангела — было для него счастіе. Сильныя душевныя движенія всегда

имѣютъ на лицѣ значительныя черты; страсть не укрывается отъ глазъ; и красавица столькожъ по его блѣдности, сколько по собственному сердцу угадала тайну. Взоры изъяснились — языкъ договорилъ — и сладости взаимной любви полились пламенною рѣкою для двухъ добродѣтельныхъ любовниковъ.

Пусть нѣжныя души вообразятъ ихъ радости и восторги, игры и бесѣды, взоры и сердечныя біенія; пусть представятъ себѣ, какое небесное блаженство было ихъ долею, какъ существо душъ ихъ сливалось съ сими впечатлѣніями, и какъ послѣ того всякая перемѣна должна была потрясти ихъ въ самомъ основаніи жизни,

Любовники, послѣ тайныхъ объятій, послѣ невиннѣйшаго наслажденія, захотѣли наконецъ, чтобъ рука родительская благословила союзъ ихъ. Они пали къ ногамъ родителей — жестокой отказъ былъ однимъ отвѣтомъ — и имъ велѣли навѣкъ разстаться. Увы! одно предубѣжденіе противъ рода было причиною сего отказа.

Молодой человѣкъ удалился съ отчаянною душею. Сидя по вечерамъ на берегахъ тихаго Салгира, слыша, какъ журчаніе рѣчки сострадало о судьбѣ его, сравнивая прежнее состояніе съ теперешнимъ, онъ чувствовалъ глубоко въ объятіяхъ природы, что безъ милой красавицы жизнь ему будетъ

несносна, и рѣшился испытать еще послѣднее средство для своего спасенія. Онъ подкрался къ любезной, и тихимъ, сладкимъ голосомъ сказалъ ей: жизнь, или смерть! будь моею, не смотря на родителей, или завтра не будетъ меня на свѣтѣ. — Можно ли было не послѣдовать такому милому голосу? Красавица бросается въ его объятія — сердца ихъ бьются близко одно къ другому — цѣль пламенныхъ желаній приближается — какъ вдругъ энтузіазмъ добродѣтели заставляетъ любовницу вырваться изъ объятій любовника. — Нѣтъ; я не хочу огорчать моихъ родителей, не хочу бѣжать; лучше будемъ въ вѣкъ несчастливы. — Такъ говоритъ она, и скрывается

отъ глазъ отчаяннаго, оставленнаго друга своего.

Онъ писалъ къ ней — искалъ еще путей къ ея сердцу, и не получилъ ничего, кромѣ отвѣта, которой показывалъ, что чувство дочерняго долга побѣдило нѣжность и силу любви. Увѣрясь точнымъ образомъ, что красавица не будетъ уже существовать для него, онъ удалился на тихіе берега Салгира, чтобъ оттуда взглянуть на блаженное жилище П* * *. Мѣсяцъ засталъ его на равнинѣ въ слезахъ и горести; скоро слезы перестали литься отъ чрезвычайнаго стѣсненія души; онъ возвратился къ себѣ слабыми шагами — затрепеталъ, увидя свою комнату, прежде повѣренную его счастія,

а нынѣ свидѣтельницу муки, и. . . . . Татарскимъ кинжаломъ пронзилъ грудь свою. Одна минута пресѣкла навѣки жизнь человѣка и счастіе двухъ существъ. Все миновалось. О небо! . .

Любовница, узнавъ о семъ, лишилась чувствъ; отецъ содрогнулся; мать раскаялась; но — все было поздно. Чувство возвратилось молодой дѣвушкѣ; но глаза ея не осушаются ни день ни ночь, и долго конечно не осушатся.

Приключеніе новаго Вертера случилось за три дни передъ моимъ пріѣздомъ. Трауръ покрываетъ городъ; мертвое уныніе видно на всѣхъ лицахъ. Я самъ пролилъ нѣсколько горячихъ слезъ

съ тѣхъ поръ, какъ узналъ о семъ произшествіи.

Я видѣлъ уже и трогательную жертву любви; но теперь не буду вамъ говорить объ ней. Сердце мое истощилось.

До завтраго.

Конецъ первой Части.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Первой Части.

От Издателя.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Стран.

Деревня.

План и удовольствіе путешествія. - - - 5

ПИСЬМО II.

Серпухов.

Нѣчто о семъ городѣ. Памятникъ дружбы. - - 12

ПИСЬМО III.

Деревня. . . . .

Замѣчанія о покойномъ помѣщикѣ сей деревни. Чувствованія въ день рожденія. - - 17

ПИСЬМО IV.

Тула.

Оружейной заводъ. Гостиной дворъ. Встрѣча съ Нѣмцомъ. Мысли по сему случаю. Замокъ Іоанна Васильевича. - 19

Стран.

ПИСЬМО V.

Тула.

Зданія города. Расположеніе его. Церковь за городомъ. Прогулка вечерняя. - - 23

ПИСЬМО VI.

Тула.

Соборъ. Размышленіе. - - 27

ПИСЬМО VII.

Деревня.

Вспоминаніе о Куликовомъ полѣ. Размышленія о человѣчествѣ. Тульскія окрестности. 28

ПИСЬМО VIII.

Обтуха.

Вечеръ. Воспоминаніе друга. Сладкая надежда. Пріятной отъѣздъ. - - - 32

ПИСЬМО IX.

Орелъ.

Городъ. Его положеніе. Историческія черты. Глубокомысленное слово прохожаго. - 37

ПИСЬМО X.

Курскъ.

Дорога отъ Орла до Курска. Пріѣздъ вѣсей городъ. Его

Стран.

красоты. Его лучшія мѣста. Зданія городскія. Училище. Встрѣча дѣвушекъ. Историческія черты. - 39

ПИСЬМО XI.

Писоремка.

Сожалѣніе о Курскѣ. Дорога отъ него идущая. Переправленіе черезъ рѣку Сеймъ. - 49

ПИСЬМО XII.

Малороссія.

Размышленіе о сей землѣ. Сердечное чувство. - - 51

ПИСЬМО XIII.

Сумы.

Неважность города. Разговоръ съ Малороссіянином. Дорога. - 54

ПИСЬМО XIV.

Слобода Баромля.

Знакомство. Любезная дѣвушка. Гостепріимное семейство. Мечты о нашихъ лѣтъ. - 58

ПИСЬМО XV.

Ромень.

Карлъ XII. Чувства при видѣ кургановъ и селитреныхъ заводовъ. - - 68

Стран.

ПИСЬМО XVI.

Велрикъ.

Безуспѣшная осада Карла XII. Удовольствіе благотворенія. 70

ПИСЬМО XVII.

Липова долина.

Мать съ грудным младенцемъ. Разговоръ съ Жидомъ. Прогулка и размышленіе. - 72

ПИСЬМО XVIII.

Деревня. . .

Горячіе любовники въ крестьянскомъ состояніи. Мысли. - 77

ПИСЬМО XIX.

Борисполькъ.

Нѣчто о Малороссійскомъ народѣ. - - - 85

ПИСЬМО XX.

Кіевъ.

Приближеніе къ Кіеву. Пріѣздъ. - - - 91

ПИСЬМО XXI.

Кіевъ.

Красоты города. - - 100

Стран.

ПИСЬМО XXII.

Кіевъ.

Кіевопечерская крѣпость. Лавра. Успенской соборъ. Портреты великихъ людей. Хмельницкой. Наливайко. Румянцевъ. Колокольня. - 104

ПИСЬМО XXIII.

Кіевъ.

Пещеры. - - - - 113

ПИСЬМО XXIV.

Кіевъ.

Софійская церковь. Монументъ Ярославу I. Мозаика. Картина Р. Х. - - 118

ПИСЬМО XXV.

Кіевъ.

Десятинная церковь. Владиміръ. Ольга. - - 124

ПИСЬМО XXVI.

Кіевъ.

Гора Андрея Первозваннаго. Церковь того же имени. Крещатикъ. - - 125

Стран.

ПИСЬМО XXVII.

Кіевъ.

Церковь Архистратига Михаила. Мощи великом. Варвары. - - - - 136

ПИСЬМО XXVIII.

Кіевъ.

Академія. Диспуты. Размышленія. Библіотека въ Академіи. - - - 148

ПИСЬМО XXIX.

Кіевъ.

Церковь Св. Василія. Домъ Кн. Владиміра; Его приключеніе съ Рогнедою. - 146

ПИСЬМО XXX.

Кіевъ.

Дворцовой садъ. Гуляніе. Разговоры. Красавицы. Обращеніе къ женщинамъ. Параллель Московскихъ и Кіевскихъ женщинъ. - - 152

ПИСЬМО XXXI.

Кіевъ.

Знакомство. Характерическія черты. Описаніе Л***, славнаго проѣзжанка. - 165

Стран.

ПИСЬМО XXXII.

Кіевъ.

Новое знакомство. Разговоръ о славѣ. Мысли. - - 175

ПИСЬМО XXXIII.

Кіевъ.

Жиды. Ихъ состояніе Похвальная терпимость вѣры. 183

ПИСЬМО XXXIV.

Кіевъ.

Вечеръ проведенной въ Кириловскомъ монастырѣ - 185

ПИСЬМО XXXV.

Кіевъ.

Внутренность города. - 190

ПИСЬМО XXXVI.

Кіевъ.

Легкое начертаніе о Кіевскихъ жителяхъ. - - 194

ПИСЬМО XXXVII.

Кіевъ.

Послѣдній взглядъ на Кіевъ. Размышленіе. Утро. Обращеніе къ Кіевлянамъ. - 213

ПИСЬМО XXXVIII.

Деревня. . .

Выѣздъ изъ Кіева. Мечта. - 229

Стран.

ПИСЬМО XXXIX.

Переяславль.

Глѣбъ и Борисъ, убитые Ярополкомъ. Родина Хераскова. Его Поэзія. - - 223

ПИСЬМО XL.

Лубны.

Окрестности Переяславльскія. Купанье. Горлицы. Замѣчаніе о душевномъ расположеніи. - 233

ПИСЬМО XLI.

Полтава.

Поле сраженія. - - 237

ПИСЬМО XLII.

Полтава.

Монументъ Петру I. Слабая надпись. Предложеніе путешественника. - - - 240

ПИСЬМО XLIII.

Полтава.

Параллель Петра I и Карла XII. 244

ПИСЬМО XLIV.

Полтава.

Прекрасное положеніе города. Прогулка. - - 251

Стран.

ПИСЬМО XLV.

Полтава.

Жители. - - - 255

ПИСЬМО XLVI.

Кобылка.

Выѣздъ изъ Полтавы. Захожденїе солнца. Ночныя сцены. Мельницы. Утро. Мальчикъ съ младенцемъ. - - - 257

ПИСЬМО XLVII.

Кременчугъ.

Назначенїе сего города. Положенїе. Жители. Знакомство Армянца. - - 264

ПИСЬМО XLVIII.

Кривой рогъ.

Чувство путешественника переплывъ Днѣпръ. Городъ Крюковъ. Запорожская сѣчь. Горы аспидныя. - - 268

ПИСЬМО XLIX.

Станцїя Кирилы.

Степи. Бѣдное селенїе. Пищїе. Мысли при видѣ степей. Гроза. - - - 270

ПИСЬМО L.

Ингулецъ.

Размышленїе на берегу рѣки. 274

Стран.

ПИСЬМО LI.

Херсонъ.

Дорога къ нему. Положеніе города. Саранча. Внутреннее расположеніе Херсона. Рожденіе его. - - - 277

ПИСЬМО LII.

Херсонъ.

Крѣпость. СоборЪ. Живопись образовЪ. Олтарь церкви. ОбразЪ Саваоѳа. - - 280

ПИСЬМО LIII.

Херсонъ.

ГовардЪ. ПамятникЪ его. Размышленіе о семЪ филантропѢ. - - - 284

ПИСЬМО LIV.

Херсонъ.

Жители Херсона. Общество чужестранныхЪ. О РускихЪ. Знакомство. - - 289

ПИСЬМО LV.

Херсонъ.

Прогулка. Гавань. ВстрѢча дѢвушекЪ. ГрекЪ. Размышленіе о ГрекахЪ. - - 298

Стран.

ПИСЬМО LVI.

Херсонъ.

Трагической Анекдотъ. - 304

ПИСЬМО LVII.

Николаевъ.

Дорога къ Николаеву. Печальное расположеніе души. - 308

ПИСЬМО LVIII.

Николаевъ.

Посѣщеніе Г. Афонина. Его жизнь. Разговоръ съ нимъ. Вспоминаніе Линнея. - - 310

ПИСЬМО LIX.

Николаевъ.

Положеніе города. Соборная церковь. - - - 313

ПИСЬМО LX.

Николаевъ.

Спасское урочище. Вспоминаніе о К*** П***. Анекдотъ объ одномъ Швейцарѣ, которому принадлежало сіе мѣсто. 315

ПИСЬМО LXI.

Николаевъ.

Громовой отводъ. Черта невѣжества. Другая черта. Архиепископъ у соборной цер-

Стран.

кии. Нѣчто о вкусѣ. Утро. Мирное расположеніе сердца. 320

ПИСЬМО LXII.

Николаевъ.

Описаніе вечернихъ вечеринсъ одною любезною женщиною. 325

ПИСЬМО LXIII.

Очаковъ.

Историческія черты. Остатокъ города. Размышленіе его. Сады Очаковскіе - - 338

ПИСЬМО LXIV.

Очаковъ.

Матіасово семейство. Ихъ положеніе. - - - 341

ПИСЬМО LXV.

Очаковъ.

Посѣщеніе Кинбурна. Комменданшъ. Дѣло Суворова. Возвращеніе въ Очаковъ. Пріятной вечеръ. - - 343

ПИСЬМО LXVI.

Очаковъ.

Каранпшъ. - - - 351

ПИСЬМО LXVII.

Очаковъ.

Послѣднее утро. Отъѣздъ. 353

Стран.

ПИСЬМО LXVIII.

Одесса.

Дорога. Видъ Одессы. Прогулка по сему городу. Коммерція. Духъ жителей. - 358

ПИСЬМО LXIX.

Одесса.

Примѣчаніе о семъ Портѣ по коммерціи. - - 362

ПИСЬМО LXX.

Овидіополь.

Приближеніе къ городу. Нетерпѣніе. Произхожденіе Овидіополя. Вечеръ. Размышленіе объ Овидіѣ. - - 366

ПИСЬМО LXXI.

Овидіополь.

Послѣдній взглядъ и послѣдняя мысль объ Овидіополѣ. - 377

ПИСЬМО LXXII.

Херсонъ.

Неожиданное возвращеніе въ сей городъ. Утро. Адмиральтейство. Корабль Маріи Магдалины. Размышленіе. Еврейская синагога. Слава Жида. - - - 381

Стран.

ПИСЬМО LXXIII.

Херсонъ.

О торгѣ Новороссійской Губерніи. - - - - 389

ПИСЬМО LXXIV.

Кизикерманъ.

Его положеніе. Историческая черта. - - - 402

ПИСЬМО LXXV.

Таврической Херсонесъ.

Перекопъ.

Удовольствіе быть въ Крыму. Городъ Перекопъ. Историческія начертанія о Крымѣ. 404

ПИСЬМО LXXVI.

Ахмечеть.

Очаровательная долина. Чувство путешественника. - [illegible]

ПИСЬМО LXXVII.

Ахмечеть.

Трагической анекдотъ о самоубійцѣ. - -

BINDING SECT. JUL 5 1974

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

DK
25
I96
1800a
ch.1

Izmailov, Vladimir Vasil'evich
Puteshestvie v Poludennuiu
Rossiiu